

Цитаты номера

Создание ближневосточной зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), могло бы открыть возможности для активного сотрудничества в мирном использовании атомной энергии. Возможным итогом могло бы стать создание регионального механизма функционирования ядерного топливного цикла. И наоборот, регионализация ядерного топливного цикла могла бы ускорить процесс создания ЗСОМУ. Такой механизм мог бы иметь много общего с Евратомом или Аргентино-бразильским агентством по учету и контролю за расщепляющимися материалами и при этом работать в тесной связке с Международным агентством по атомной энергии и другими подобными уже существующими организациями.

Индикаторами возможной катастрофы являются не только неконтролируемые события *Арабской весны*, но и действия западных продавцов оружия, которые продолжают этот регион вооружать. Пока международным сообществом не будет понято, что поставки оружия и судьба протестного движения в арабских странах — вещи взаимосвязанные, мира в этом регионе ждать не приходится.

Если нельзя уничтожить *Аль-Каиду*, то надо *придушить* Доху, Эр-Рияд и Анкару. И закончится сирийская резня малой кровью. Поскольку то, что там сейчас — это малая кровь. В случае свержения Башара Асада будет кровь большая: с геноцидом христиан, шиитов, этнических меньшинств вроде черкесов и войной всех против всех. И при чем тут ООН? Как раз сирийская ситуация доказала, что от этой старой полуразваленной телеги есть какой-то прок. По крайней мере в Совбезе Россия и Китай закрыли тему интервенции — и правильно сделали.

В целом, 2014 г. с большой долей вероятности станет для российского курса в области кибербезопасности решающим периодом, на протяжении которого оформятся внешние контуры и новые доктринальные основания государственной политики, а также будет дан старт новым долгосрочным программам и проектам. Период трансформации государственной политики в области информационной безопасности, из которой выделяется самостоятельное направление борьбы с киберугрозами, означает наличие окна возможностей для зарубежных партнеров РФ, а также всех общественных групп, которые заинтересованы в том, чтобы перспективный курс в отношении киберпространства отвечал их интересам.

ООН — *реликт* Второй мировой войны, и этот *реликт* должен быть основательно реформирован хотя бы на уровне Совета Безопасности, чтобы голос одного постоянного члена не парализовал работу всей организации и не становился порой смертным приговором для десятков и сотен тысяч мирных жителей в зоне конфликта.

Мохаммед Шакер

Наталья Калинина

Евгений Сатановский

Олег Демидов

Александр Шумилин

Российский журнал о международной безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 3 (106), Том 19

ОСЕНЬ 2013

Журнал ПИР-Центра

SECURITY INDEX

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (106) 2013

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

Михаил Маргелов

АРАБСКАЯ ВЕСНА – СОПЕРНИЧЕСТВО ТУРЦИИ И ИРАНА

Алексей Пушков

ГЛОБАЛЬНЫЙ БАЛАНС СИЛ ПО-РУССКИ

Корнел Феруцэ

ОБЗОРНЫЙ ПРОЦЕСС ДНЯО: ДЬЯВОЛ В ДЕТАЛЯХ

Олег Шакиров

КОНТРОЛЬ НАД ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ В ЕВРОПЕ: В ПОИСКЕ НОВЫХ ИДЕЙ

Наталья Калинина

МИЛИТАРИЗАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: РИСКИ РАСТУТ

Евгений Сатановский,
Александр Шумилин

БЕССИЛИЕ ГОЛУБЫХ КАСОК

2803
1.06.2013

2782
1.07.2013

2763
1.08.2013

2756
1.09.2013

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ ТРИАЛОГ

ТРАДИЦИОННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ
КРУПНЫХ И ПЕРСПЕКТИВНЫХ
ПОЛИТИКОВ, ДИПЛОМАТОВ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА,
УЧЕНЫХ И ЖУРНАЛИСТОВ

Международный клуб Триалог — это:

- эксклюзивная аналитика по актуальным проблемам международной безопасности;
- подписка на журнал *Индекс Безопасности*, бюллетень эксклюзивной аналитики *Russia Confidential*;
- пять встреч в году с высокопоставленными докладчиками и участие во всех мероприятиях ПИР-Центра.

Среди наших тем:

- Конфронтации в киберпространстве и кибероборона по-русски.
- Как договориться с Ираном?
- Противоракетная оборона: компромисс возможен.
- Афганистан–2014 и Талибан с гордо спрятанной головой.
- Противоборство Китая и США в Азии: выводы для России.
- ДОВСЕ: чего добивается Россия?
- Военное использование космоса.

В дни празднования 20-летия Клуба мы делаем новым членам юбилейное предложение: освобождение от уплаты вступительного взноса и бесплатное приглашение на участие в юбилейном заседании в декабре 2013 г. Ваша экономия составит до **24500 р.!** Предложение ограничено и действует только до **30 ноября 2013 г.** для постоянных читателей журнала *Индекс Безопасности*.

Укажите код предложения — **TRI-SI20 SPECIAL** — в Вашем обращении на наш электронный адрес dialogue@pircenter.org или позвоните по телефону +7 (985) 764-98-96.

Мы оставляем за собой право запросить подтверждение Вашей подписки на журнал в 2013 г., либо факт наличия Вас в VIP-списке рассылки журнала. Предложение действительно для индивидуальных и корпоративных членов только при условии оформления двухгодичного членства на 2014–2015 гг. Подробнее о стоимости членства и привилегиях членов Клуба см.: club.pircenter.org

О СИЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Сам он предпочитал называть себя философом. Но в платежной ведомости его должность называется однозначно: *crack discourse-monger first grade*. То есть на самом деле он такой же точно военный. Но противоречия тут нет — мы ведь не дети и отлично понимаем, что сила современной философии не в симлогизмах, а в авиационной поддержке

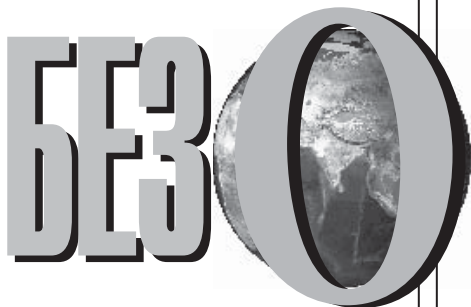
Виктор Телевин. S.N.U.F.F.

На фото: здание расформированного Пермского военного института ракетных войск.

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (106), Том 19
Осень 2013

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Rogozin
Сергей А. Рябков
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*. Выходит четыре раза в год на русском и английском языках. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Андрей А. Баклицкий, директор информационных проектов
Артем В. Блащаница, стажер
Евгений П. Бужинский, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Дженнифер Данке, стажер
Олег В. Демидов, директор программы «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом»
Татьяна В. Жданова, референт главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зулъхарнеев, исполнительный директор
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., старший научный сотрудник
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Павел А. Лузин, к.п.н., помощник главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Ирина А. Малюченко, стажер
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Валерия Д. Молчанкина, практикант
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Юлия С. Сеславинская, практикант
Екатерина А. Степанова, д.п.н., член Совета
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Александр Д. Чеков, координатор образовательной программы
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета
Елена А. Яровая, помощник президента

№ 3 (106), Том 19
Осень 2013

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Павел А. Лузин, помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Татьяна В. Жданова, референт главного редактора [zhdanova@pircenter.org]
Екатерина А. Труханова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Вена: Никита В. Перфильев
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Одесса: Александр Я. Чебан
Пекин: Ван Чэньсин
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Томск: Лариса В. Дериглазова

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать, индекс 80666 (см. с. 30)
- по России и СНГ: Пресса России, индекс 10337, <http://www.ppressa-rf.ru/cat/>
- по России: Интер-Почта, индекс 11893, <http://www.interpochta.ru/>
- по всему миру: ООО *Триалог*, <http://pircenter.org/club>, trialogue@pircenter.org
- по всему миру: East View Information Services, <http://www.eastview.com/>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Издание осуществлено благодаря поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке, Международного Фонда Технологий и Инвестиций, Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании, Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Фонда содействия развитию интернета «Фонд поддержки интернет».

Тираж (российское и международное издания) 2000 экз. **Подписано в печать** 26 сентября 2013 г.
Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2013

О Т Р Е Д А К Т О Р А

7 **Кинжал** — Владимир Орлов

В своей редакционной статье главный редактор журнала *Индекс Безопасности* Владимир Орлов обращается к последним событиям вокруг Сирии и ее химического оружия, а также к перспективам российских инициатив на этом направлении. Он считает, что ключевые игроки в регионе, в частности Саудовская Аравия, сделали очень опасный выбор, который еще больше дестабилизирует Ближний Восток. Если Израиль присоединится к монархиям Персидского залива в попытках любой ценой убрать Башара Асада, российский план мирного урегулирования столкнется с еще более серьезными трудностями, а самой России придется гораздо более тесно координировать свои действия с Китаем и Ираном.

Ключевые слова: гражданская война в Сирии, международные отношения на Ближнем Востоке, внешняя политика России.

В Д Е С Я Т К У

10 **О надежде**

И Н Т Е Р В Ь Ю

11 **В условиях Арабской весны исламский мир стал полем битвы между двумя претензиями на лидерство — иранской и турецкой** — Михаил Маргелов

Военный переворот в Египте, затянувшаяся гражданская война в Сирии, размывающая все возможные правила и потребовавшая прямого вмешательства ведущих мировых держав, и другие острые политические ситуации создают клубок вопросов и противоречий во всем мусульманском мире от Персидского залива и Восточного Средиземноморья до Магриба и Сахеля. Это напрямую затрагивает интересы России. Михаил Маргелов, председатель комитета Совета Федерации ФС РФ по международным делам, специальный представитель Президента РФ по сотрудничеству со странами Африки рассказывает о причинах и сути происходящих перемен.

Ключевые слова: Арабская весна, гражданская война в Сирии, политические проблемы и конфликты в государствах Африки, внешняя политика России на Ближнем Востоке и в Африке.

17 **Россия способна быть балансирующей силой в международных делах** — Алексей Пушков

Эффективность внешней политики России является одной из острейших тем для отечественных внутривнутриполитических и экспертных дискуссий. Одним из критериев такой эффективности является сама способность государства формулировать свой интерес и последовательно его реализовывать. Такая последовательность к тому же позволяет со временем восполнять объективно имеющуюся нехватку внешнеполитических ресурсов. Алексей Пушков, председатель комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам, делится своими взглядами с главным редактором журнала *Индекс Безопасности* Владимиром Орловым в эксклюзивном интервью. Здесь же — комментарии руководителя комитета по поводу Сирии и кризиса вокруг нее.

Ключевые слова: внешняя политика России, российско-американские отношения, гражданская война в Сирии, роль мягкой силы, ОДКБ, постсоветское пространство.

- 25 **ДНЯО предоставляет платформу для решения каждого сложного вопроса в духе диалога** — *Корнел Феруцэ*

Основные итоги прошедшей в апреле 2013 г. 2-й сессии Подготовительного комитета в рамках обзорного процесса ДНЯО подведены. Сегодня важно прояснить детали. Каковы взаимосвязи этой сессии и проблемы ЗСОМУ на Ближнем Востоке? В чем был смысл бойкота со стороны делегации Египта? Какова роль гуманитарных подходов к ядерному разоружению? Эти детали нам прояснил Корнел Феруцэ, до последнего времени генеральный директор по политическим вопросам Министерства иностранных дел Румынии, председатель 2-й сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции.

Ключевые слова: ядерное нераспространение, разоружение, ДНЯО.

А Н А Л И З

- 31 **Контроль над обычными вооружениями в Европе: куда идем?** — *Олег Шакиров*

Решение проблемы контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ) необходимо сегодня как в военно-политическом, так и в идеологическом плане. Эта проблема касается собственно Европы, всего постсоветского пространства и оказывает фундаментальное влияние по линии отношений Россия–НАТО. Появление новых видов обычных вооружений также является предпосылкой для совершенствования подходов к режиму КОВЕ.

Ключевые слова: контроль над обычными вооружениями в Европе, высокоточное оружие, отношения Россия–НАТО, европейская безопасность.

- 43 **Милитаризация Ближнего Востока: динамика и риски** — *Наталья Калинина*

Предельно обостренная ситуация в Сирии и общая многолетняя напряженность на Ближнем Востоке, усугубленная событиями *Арабской весны*, требуют обратить внимание на рынок обычных вооружений в регионе, который все предшествующие годы интенсивно рос. Взаимосвязь милитаризации региона и происходящих тут фундаментальных политических сдвигов чреват непредсказуемыми последствиями для всего мира.

Ключевые слова: торговля обычными вооружениями, военно-техническое сотрудничество, международные отношения на Ближнем Востоке, региональная безопасность.

- 63 **Казахстан: в предчувствии нестабильности** — *Юрий Федоров*

Рост противоречий внутри правящего класса Казахстана свидетельствует о приближающейся нестабильности. Однако у различных группировок почти нет опыта реальной борьбы за власть и за избирателей — они всегда боролись за расположение лично президента и делали это в тени. Вариант преемника или же туркменский сценарий передачи власти заключают в себе высокие риски для всех. И все это происходит на фоне зарождения молодой контрэлиты. Что ждет Казахстан и как вести себя России в любом из возможных сценариев?

Ключевые слова: Казахстан, политические риски авторитарных режимов, политические кланы Казахстана.

Д О С Ь Е

- 79 **Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности** — *Даурен Абен, Артем Блащаница, Евгений Бужинский, Дмитрий Ковчегин, Владимир Орлов, Александр Чебан*

ПИР-Центр представляет основные положения и выводы доклада, подготовленного в сентябре 2013 г. в рамках Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра. В нем сформулированы предложения по совместному использованию Россией и США опыта программы Нанна–Лугара в международном масштабе. В частности речь идет об уничтожении запасов химического и биологического оружия в третьих странах (прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке), расширении научно-технического сотрудничества, создании международных образовательных программ, формирующих культуру нераспространения.

Ключевые слова: ядерное нераспространение, физическая ядерная безопасность, российско-американские отношения, оружие массового уничтожения.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 89 **Зона, свободная от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке: препятствия на пути создания и возможности для успеха** — *Сами Абул-Энейн, Вазль аль-Ассад, Роуз Готтемюллер, Иеремиа Иссахарофф, Томас Кантримен, Яакко Лааява, Владимир Орлов, Бенжамин*

Откувертор, Уильям Поттер, Сергей Рябков, Али Асгар Солтание, Николай Спасский, Касым-Жомарт Токаев, Михаил Ульянов, Айман Халил, Мохаммед Шакер

Создание ближневосточной ЗСОМУ сегодня является той международной проблемой, от которой во многом зависит успех Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 2015 г. Вторая попытка созыва конференции по этому вопросу может быть принята в декабре 2013 г. Однако сейчас негативное влияние здесь оказывают, помимо традиционных противоречий, события в Египте и в Сирии. Конференция может стать первым реальным шагом на пути выполнения решения Обзорной конференции ДНЯО 1995 г. и укрепить Договор и весь режим ядерного нераспространения. В противном случае все достижения последних 18 лет в этой сфере будут поставлены под сомнение.

Ключевые слова: ЗСОМУ на Ближнем Востоке, ядерное нераспространение, разоружение, ДНЯО, политические проблемы Ближнего Востока, региональная безопасность.

П О Л Е М И К А

105 **Голубые каски: причины бессилия** — Евгений Сатановский, Александр Шумилин

В условиях гражданской войны в Сирии и на фоне общего конфликтного потенциала в регионе Ближнего и Среднего Востока встает вопрос о том, насколько успешны в современном мире международные миротворческие усилия? Также нуждаются в оценке роль ООН в урегулировании конфликтов в регионе, политические препятствия на пути миротворческих усилий и возможные альтернативные варианты организации миротворческой деятельности.

Ключевые слова: политические процессы на Ближнем Востоке, международные миротворческие усилия, гражданская война в Сирии, ООН.

К О М М Е Н Т А Р И И

119 **Киберкомандование США: уроки для России** — Олег Демидов

Опыт создания Соединенными Штатами специальной структуры, ответственной за безопасность в киберпространстве — киберкомандования, с одной стороны, является следствием высокой зависимости американской инфраструктуры от электронных коммуникаций, а с другой представляет результат серьезного межведомственного компромисса. Россия сейчас начала путь в сторону создания аналогичной структуры, который США прошли в 2007–2009 гг. Российская критическая инфраструктура зависит от кибертехнологий в гораздо меньшей степени, но американский опыт является для нее релевантным.

Ключевые слова: кибербезопасность, информационное противоборство, политическое значение компьютерных сетей.

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

126 **Индекс iSi за июнь-сентябрь 2013 г.: Вакансия халифа на час** — Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Феторури, Константин фон Эгерт

Ситуация в сфере международной безопасности резко осложнилась летом 2013 г. из-за обострившейся гражданской войны в Сирии, приведшей к угрозе вмешательства в конфликт со стороны США. Свою роль в дестабилизации региональной обстановки сыграл и военный переворот в Египте. На этом фоне улучшение обстановки или сохранение статус-кво по другим направлениям (КНДР, Мали, Афганистан) не способствует безопасности и международной предсказуемости.

Ключевые слова: гражданская война в Сирии, политические процессы на Ближнем Востоке, ситуация в Африке, российско-американские отношения.

133 **Глазами либерала: Торжество бюрократизма в мировой политике** — Юрий Федоров

Политика США, направленная на экономию собственных сил на мировой арене, явно зашла в тупик, а российско-американские отношения также находятся в низшей точке за последние десятилетия. На Западе в целом наблюдается явный паралич политической воли, последствия которого предугадать невозможно.

Ключевые слова: политическое устройство стран Европы и США, политические процессы на Ближнем Востоке, ситуация в Африке, внешняя политика России, внешняя политика США, российско-американские отношения.

145 **Глазами консерватора: Иллюзия политики *ad hoc*** — Дмитрий Евстафьев

Общее восприятие угроз безопасности долгие годы было основой политического единства Запада, и сейчас эта общность стоит под вопросом. Ситуация усугубляется кризисом существующих международных политических институтов. В таком контексте социально-политические процессы на самом Западе, а также точки напряженности в мировой политике не поддаются стратегическому осмыслению. США, столкнувшись с дефицитом внешнеполитических ресурсов, концентрируются сегодня главным образом на Африке и лишь вынужденно отвлекаются на Сирию. На этом фоне Россия напоминает саму себя времен Николая I со всеми вытекающими внутри- и внешнеполитическими угрозами.

Ключевые слова: политическое устройство стран Европы и США, внешняя политика США, российско-американские отношения, ядерное нераспространение, международные организации.

Б И Б Л И О Т Е К А

159 **Нематематическая задачка про Китай** — Ирина Миронова

«Китай — это страна с удивительными, интересными обычаями, ее язык — это не всегда заучить двести слов за неделю, ее еда и кухня — это выражение жизненной философии. Сама книга — это путевые заметки вперемежку с фотографиями и размышлениями, сопоставление академических знаний китаиста и профессионального дипломата с тем, что он испытывал в стране», — рецензия на книгу Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. *Китайская мозаика. М.: Восток–Запад, 2011.*

Ключевые слова: Китай, китайская политическая философия, дипломатия.

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

163 *Ван Чэнсинь, Валерия Молчанкина, Юлия Фетисова, Александр Чебан* — сотрудники, практиканты и выпускники образовательных программ ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

171 SUMMARY

175 ОБ АВТОРАХ

182 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

И РАБОЧИЕ ГРУППЫ ПРИ НЕМ

187 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

188 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Обл. III **О силе современной философии**

КИНЖАЛ

Сначала про Сирию. Потому что Сирия остается в центре внимания — когда я пишу эти строки. Сирия — это лакмусовая бумажка и момент истины, потому что американцы вопиюще созорничали в Ираке. Потом в Ливии. А вот третьему их ближневосточному озорству — не бывать.

А правда ли не бывать? Россия, наконец, почувствовала в себе и силу, и миссию — встать на пути полного хаоса на Ближнем Востоке, и встать на пути полного разрушения принципов международного права в глобальном масштабе. Ближайшие месяцы покажут, по плечу ли России такая задача — и такая ноша.

Защищая эти принципы, Россия очутилась по сути в одиночестве. Союзники по ОДКБ что-то там тихо *проштамповали* на саммите в Сочи — вот только как-то так получилось, что никто в мире этого не заметил. Примерно то же — с ШОС, если, конечно, не считать не вполне допущенного до ШОС Ирана (и самое время было бы его в ШОС принять!). Соратники по БРИКС, втихомолку одобряя российские действия, тоже как-то попрятались, затаились. Все наблюдают. Все ждут исхода. Впрочем, иного и не стоило ожидать. Но таким образом ставки в сирийской игре оказались для России выше, чем сама Сирия, цинично говоря, того стоит.

Сегодня есть три ключевых аспекта сирийского кризиса.

Первый — химическое оружие. Этот аспект оказался самым острым в последние недели. Предсказуемо. Все к этому шло. Точнее, американцы ровно год вели дело к тому, чтобы выдернуть *химическую* костяшку домино. Уже тогда говорили об этом с Россией, даже тихо подсказывали при randevу в сезон цветения вашингтонских вишен: мол, готовьтесь, все будет по Чехову, есть у Сирии газ — значит, загазует.

Да, был зарин в Гуте. Но чей зарин? Неужели правительственные войска Асада так карикатурно тупы, чтобы применить зарин — да еще против гражданского населения? Куда опасней — и куда правдоподобней — сценарий, по которому это Обама своей *красной линией* спровоцировал боевиков-исламистов на тщательно продуманный подлог. Сами ли они разработали отравляющее вещество? Или — что еще опаснее и чего я исключать не могу — получили доступ к боевым отравляющим веществам, хранящимся в арсеналах правительственных войск, используя поддержку лиц, работающих на этих объектах?

Как бы то ни было, российская дипломатия нащупала единственно возможный выход в данной ситуации: вместо перекалывания ответственности, поиска виновных — разрубить гордиев узел, уничтожить все сирийское химическое оружие. И действительно, сегодня химическое оружие военного значения

для Сирии не имеет. От него — одна только головная боль. ОМУ не защищает, но усиливает уязвимость. Хорошо, что Асад это понял и задекларировал свой химический арсенал в Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Это — шаг в правильном направлении. Но теперь на повестку дня выйдут практические вопросы. А именно: как обеспечить сохранность, отсутствие внешнего доступа к уже задекларированному арсеналу? Как обеспечить гарантии того, что химическое оружие не находится также в руках негосударственных субъектов — боевиков-исламистов из так называемой вооруженной сирийской оппозиции (что вообще-то является предметом резолюции 1540 Совета безопасности ООН)? И как обеспечить безопасное и полное уничтожение химического оружия Сирии в условиях непрекращающейся гражданской войны?

Здесь выходит на сцену *второй* аспект сирийского кризиса: примирение. Ну давайте наконец скажем честно: тема химического оружия — это был лишь эффектный повод для вторжения в Сирию и свержения Асада. Не получилось (пока). Но как вы представляете ситуацию, когда законно избранный президент добровольно и под международным контролем уничтожает свои запасы химического оружия — а после этого его обвиняют в преступлениях против своего народа и устраниают (варианты: а) вешают по постановлению суда; б) мучают и добивают при побеге). Какой президент пойдет на это? Даже и под давлением американской военной мощи, сконцентрированной сегодня вокруг Сирии? Если мы действительно хотим а) уничтожения сирийского химического оружия, так или иначе, но ставшего источником повышенного напряжения; плюс б) мирного урегулирования, — Асаду надо дать гарантии безопасности и гарантии прекращения вмешательства в дела Сирии. Женева-2 — если она когда-нибудь произойдет — должна стать толчком для внутрисирийского примирения. Годы гражданской войны в Сирии показали, что без участия Башара Асада этот процесс невозможен. Больше того, без его участия не будет возможно и гарантированное освобождение Сирии от химоружия.

Третий аспект сирийского кризиса — внешний. Сначала Катар, а затем (когда новый катарский эмир показал себя более взвешенным и дальновидным, чем его отец) Саудовская Аравия щедро оплатили голову Асада на блюде. Выдали аванс. Теперь Эр-Рияд разочарован; Эр-Рияд взбешен. Как же так: неужели в этот раз наличка не сыграла решающей роли? Но Эр-Рияд, похоже, не принимает поражения. Вместо этого, он еще больше повышает ставки. И в регионе, и в Париже, и в Вашингтоне. И еще — в Тель-Авиве. Антисирийские и антииранские интересы саудовской королевской семьи и группы Нетаньяху совпали. Капитал помножен, обмен разведданными усилен, военная координация повышена.

Эта капризная вера во всемогущество *налички* (имеющая истоком, конечно же, историю с Ливией), это накачивание региона деньгами и вооружениями, — все это крайне опасно. Неужели Саудовская Аравия не усвоила урока восьмидесятых, когда она подпитывала афганских моджахедов — и породила Осаму бен Ладена? С богатыми аравийскими монархиями в западном мире, еще не оправившемся от финансового кризиса и живущем в страхе перед новым, как-то не принято вступать в спор. Для России здесь — серьезный вызов, но и возможность проявить искусство дипломатии.

«Россия победила?» «Россия держит козыри в ближневосточной игре?» — так сегодня спрашивают иностранные журналисты. Да, с химоружием в Сирии элегантно сыграно на Смоленской-Сенной. Но ведь это еще не развязка. Ближайшие месяцы заготовят для так называемого плана *Лаврова-Керри* новые подвохи.

«Да, я не изменюсь и буду тверд душой, как ты, как ты, мой друг железный» — в ближайшие месяцы именно такая твердость потребуется от Москвы, когда *кинжал* дипломатического успеха в ее руках... но вот только какой — пушкинский ли «последний судия позора и обиды»? или лермонтовский — «това-

рищ светлый и холодный»... Впрочем, последний, помнится, был не вполне из дамасской стали.

О Сирии — так или иначе, большинство материалов этого номера. Михаил **Маргелов** анализирует сирийские события — и, шире, события на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Сахеле — с точки зрения поля битвы неарабских игроков: не только западных, то также и Ирана и Турции. Алексей **Пушков** высказывает рекомендации, как должна вести себя в отношении сирийского кризиса Россия. Наталья **Калинина** рисует впечатляющую палитру милитаризации Ближнего и Среднего Востока за последние годы: когда знакомишься с количественными и качественными показателями поставок вооружений в регион, остаешься в недоумении, отчего это Россия вдруг проявила такую непростительную *скромность*, не обеспечив современными оборонительными противоракетными системами Сирию и Иран в ответ на их запросы, — или же эти контракты все же будут завершены в ближайшее время?

О Сирии говорят и наши обозреватели Юрий **Федоров** и Дмитрий **Евстафьев**; не могут пройти мимо этой темы в своих комментариях члены Международной экспертной группы (МЭГ) при ПИР-Центре. Замечу, кстати, что она пополнилась экспертом из ближневосточного региона — а именно, из Ливии: политолог Мустафа **Фетоури** родом из Триполи; он не понаслышке знает, что «сила современной философии... заключена в авиационной поддержке», говоря словами Виктора Пелевина из его, пожалуй, самой яркой антиутопии последнего времени S.N.U.F.F.

О Сирии же парадоксальным образом вспоминаешь, знакомясь еще с двумя материалами номера.

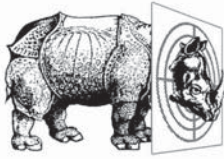
Во-первых, это **круглый стол**, посвященный **зоне, свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке**. Дискуссии круглого стола были взяты нами из нескольких семинаров, которые провел ПИР-Центр за последние месяцы — сначала в Москве, а затем в Женеве. Сегодня мы наблюдаем, как вопрос о сирийском ОМУ решается вне всякого контекста создания такой зоны — и в этом смысле, американцы продемонстрировали здесь свою давнюю домашнюю заготовку не менее элегантно, чем Москва — свою. Неужели только сила или угроза применения силы, или же провокации — рецепт избавления Ближнего Востока от ОМУ? Сомневаюсь. Не случайно, по-моему, говоря в сентябре на Валдайском клубе о Сирии, Владимир Путин как-то вдруг припомнил Израиль и его ядерное оружие. А ведь у Путина редко что бывает «вдруг».

Во-вторых, это **досье**, представляющее сентябрьский (2013 г.) доклад ПИР-Центра «**Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности**», плод нашего коллективного труда и результат годичных усилий. Выводы доклада ПИР-Центра подтверждают, что у России, США и ряда других участников программы Глобального партнерства против распространения (Германии, Великобритании, Швейцарии, Нидерландов и др.) есть возможности для практической реализации уничтожения химического оружия в Сирии — причем, возможно, даже без его вывоза за пределы страны.

Здесь я, конечно, хотел бы закончить про Сирию и начать про *странного парня* Сноудена — тем более что в этом номере вы найдете вдумчивый комментарий Олега **Демидова** «Киберкомандование США: уроки для России», где среди ключевых слов выделено *информационное противоборство*... Но тут опять напрашивается рифма с Пелевиным... а когда слишком много Пелевина, это уже моветон.

Владимир ОРЛОВ

В ДЕСЯТКУ: О НАДЕЖДЕ

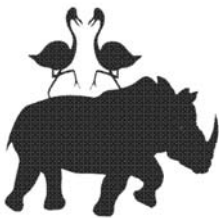

«Надежда летает на крыльях,
а международные конференции тащатся за ней
по пыльным дорогам».

Уинстон Черчилль, 1925

«Hope flies on wings
and international conferences plod
afterwards along dusty roads»

Winston Churchill, 1925

Михаил Маргелов:

«В УСЛОВИЯХ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ ИСЛАМСКИЙ МИР
СТАЛ ПОЛЕМ БИТВЫ МЕЖДУ ДВУМЯ ПРЕТЕНЗИЯМИ
НА ЛИДЕРСТВО — ИРАНСКОЙ И ТУРЕЦКОЙ»

Свержение президента Мохаммеда Мурси в Египте, затянувшаяся гражданская война в Сирии, размывающая все возможные правила и потребовавшая прямого вмешательства ведущих мировых держав, даже волнения в Турции — все это создает клубок вопросов и противоречий, требующий системного подхода при их анализе и решении. Дополнительную неопределенность создает взаимовлияние политических процессов во всем мусульманском мире от Персидского залива и Восточного Средиземноморья до Магриба и Сахеля, а это уже напрямую затрагивает интересы России как державы, несущей ответственность за поддержание международного порядка.

О причинах и сути происходящих перемен Индекс Безопасности беседует с председателем Комитета Совета Федерации ФС РФ по международным делам, специальным представителем Президента РФ по сотрудничеству со странами Африки Михаилом Маргеловым.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем причины произошедшего летом обострения политической обстановки в Египте и как, на ваш взгляд, там будут развиваться события в ближайшее время?

МАРГЕЛОВ: Здесь необходимо обратить внимание на события последних лет. Когда неудачливый торговец порченными фруктами в Тунисе был обижен и люди встали на его защиту, никто не думал, что это спустит курок *Арабской весны*. Точно так же мало кто мог предположить, что вышедшие в Тунисе на улицы представители профсоюзов и левацких группировок, сторонники Че Гевары, которые начали вот эту самую *Арабскую весну*, будут на следующем этапе революций заменены исламистскими лидерами, пришедшими к власти в результате свободных демократических выборов.

Однако в традиционных обществах, каковыми являются арабские общества, в результате свободных выборов побеждают не представители сил модернизации, а представители сил архаики. Мы помним это по примеру Алжира, который первым из арабских стран попытался провести свободные демократические выборы. Мы помним, что к власти чуть было не пришли, победив на выборах, исламисты, и армия была вынуждена взять ситуацию под контроль. Это привело к многолетнему кровопролитию. Мы также помним, что произошло в Палестинской автономии, когда на свободных демократических выборах победило радикальное движение ХАМАС.

Алжирские и палестинские выборы проходили задолго до *Арабской весны*, они могли бы послужить хорошей моделью для исследователей, которые пытаются прогнозировать развитие событий в странах, охваченных революциями, поэтому не стоит удивляться, что на выборах в Египте победили *Братья-мусульмане*. А кто еще мог там победить?

Сейчас, после переворота в Египте, стал появляться тезис о перезапуске революции на площади Тахрир, и в августе мы наблюдали такие попытки. *Братья-мусульмане* победили на действительно свободных демократических выборах, но сразу после египетское общество оказалось расколотым, а те, кто делал революцию, оказались отрезанными от плодов и результатов этой революции.

Я напому, что основную силу тех, кто был на площади Тахрир и свергал режим Хосни Мубарака, составляли как раз люди либеральные, ориентированные на модернизацию, ориентированные на то, чтобы затянувшаяся более чем на 40 лет власть одного человека сменилась свободной демократической светской формой правления. Однако оказалось, что основную массу дисциплинированного голосующего египетского электората составляют люди, мыслящие архаически.

Таким образом, *Братья-мусульмане* получили возможность сформировать практически однопартийный кабинет. Они отсекали всех возможных союзников как либерального, так и радикального исламистского толка, и оказались в ситуации, когда даже салафиты выступили против президента Мухаммеда Мурси и заявили о том, что выводят своих сторонников на улицы.

Армия сыграла ту роль, которую она традиционно играет в ближневосточных странах. Например, в той же Турции именно армия и генеральный штаб в соответствии с конституцией очень долго выступали такой секуляризирующей основой турецкого общества. Сейчас турецкая конституция изменилась, она была модернизирована в соответствии с нормами европейского права и это, естественно, повлияло на изменение и внутривнутриполитической ситуации в Турции.

Говоря о Египте, *Братья-мусульмане* — это хорошо структурированная организация, политическая партия, сохранившая сеть своих подпольных организаций, закаленная годами легальной и нелегальной борьбы. Что же касается тех, кто выступил против правительства *Братьев-мусульман*, то эти силы фрагментированы и представляют собой очень разные части политического спектра.

Поэтому тот факт, что армия взяла ситуацию под контроль, еще не означает конец египетского политического кризиса. И то, что шейх университета *аль-Азхар* и коптский патриарх поддержали действия военных, вовсе не говорит о консенсусе в обществе по поводу военного переворота.

В итоге я могу с тревогой лишь констатировать, что Египет действительно сейчас стоит на грани гражданской войны. И худшее, что может произойти в Египте, — это развитие событий по сирийскому сценарию.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как российские власти будут реагировать на то, что происходит в Египте?

МАРГЕЛОВ: Мы понимаем то чувство ответственности, которое египетские военные испытывают за судьбу страны. Для нас Египет — это один из краеугольных камней мира и стабильности на Ближнем Востоке, и он должен при любом развитии событий выполнять свои международные обязательства, и в первую очередь в своих отношениях с Израилем. Для нас мир на Ближнем Востоке — это бесспорная ценность. Собственно, поэтому мы были и остаемся в диалоге со всеми политическими силами в Египте.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Помимо Египта, политические процессы на всем Ближнем Востоке, в Северной Африке и Сахеле перемежаются постоянными обо-

стрениями, что и позволяет говорить о феномене *дуги нестабильности*. Каков характер связи между этими процессами?

МАРГЕЛОВ: Для напряженности в рамках *дуги нестабильности* есть фундаментальные причины. После поражения режима Саддама Хусейна в Ираке на довольно продолжительный период времени Иран стал сильнейшей мусульманской державой и стал претендовать на лидерство не только в шиитском, но и во всем мусульманском мире.

Это происходило на фоне того, что политическое лидерство Саудовской Аравии и Египта, традиционных политических лидеров, было не очевидно на том этапе, а претензии Катара на политическое лидерство тоже на тот момент были плохо артикулированы.

В тот же период Турция решила переосмыслить свое место в мире и обратила свои взоры на Ближний Восток, и здесь достаточно обратиться к научным трудам Ахмета Давутоглу, министра иностранных дел Турции, чтобы понять турецкую внешнеполитическую линию.

Турция заявила о своих претензиях на лидерство, и объективно это привело к соперничеству с Ираном. Острую конкуренцию турецких и иранских компаний я наблюдал даже в Хартуме, столице Судана. И это далеко не единственный пример.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Получается, что в существовании *дуги нестабильности* серьезную роль играет фактор конкуренции ведущих региональных держав? Гражданская война в Сирии также вписана в этот контекст?

МАРГЕЛОВ: В условиях *Арабской весны* исламский мир стал полем битвы между двумя претензиями на лидерство — иранской и турецкой. А сегодняшняя Сирия — самый трагичный пример такой битвы сегодня.

Определенные надежды на разрешение этой ситуации можно связать с избранием нового иранского президента Хасана Роухани. И мы говорим нашим партнерам в США о том, что Иран должен участвовать в мирной конференции по Сирии *Женева-2* и Хасану Роухани надо дать возможность проявить себя в качестве либерального, ориентированного на диалог с международным сообществом лидера, принципиально отличающегося от своего предшественника.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Создается впечатление, что отставка сирийского президента уже просто не сработает, к тому же он зарекомендовал себя единственным мощным игроком. В то же время население страны не делится только на алавитское лояльное властям меньшинство и восставшее большинство. Иными словами, любое сирийское решение связано с тем, что Башар Асад там остается. Каково ваше мнение по этому поводу?

МАРГЕЛОВ: *Арабская весна* научила арабских и африканских лидеров, что верить нельзя никому, даже если им обещают, что после ухода в отставку с ними будет все хорошо. В личных беседах они постоянно сетуют, что главной причиной поражения Хосни Мубарака и Муаммара Каддафи является проявленная слабость. И когда даже Сенегал выдал Хесена Хабре, бывшего чадского диктатора, получается, что бежать некуда, разве что к Роберту Мугабе в Зимбабве, как это сделал в свое время бывший эфиопский диктатор Менгисту Хайле Мариам, который спокойно живет на вилле в Хараре и ни в чем себе не отказывает.

Башар Асад сегодня в таком положении, что может верить только себе. На фоне этого алавиты просто дерутся за свое физическое, а не только политическое выживание. Эта война уже носит для них сакральный характер, они воспринимают ее как великую битву между шиитами и суннитами.

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
З

Потом не стоит забывать, что сирийский режим еще со времен Хафеза Асада всегда строился как союз меньшинств, проживающих в стране. И когда повстанцы убивают христианских священников, это играет на руку режиму, защищающему все меньшинства. Конечно, отсутствие единства в рядах оппозиции тоже усиливает позиции официальных властей.

Также важно, что пока *Хезболла* и иранцы воюют на стороне Башара Асада, в рядах повстанцев сражается большой мусульманский интернационал. На фоне этого происходит стремительная радикализация настроений по обе стороны. Именно поэтому мы говорим, что *Женеву-2* нужно созывать как можно скорее, пока противоборствующие стороны еще могут друг с другом разговаривать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько жестким является тот вектор политических потрясений, который задают сирийские события и *Арабская весна* в целом в регионах *дуги нестабильности*, в мусульманских регионах Африки?

МАРГЕЛОВ: Давайте посмотрим на страны Сахеля и соседние с ними страны Северной Африки в широком контексте политических процессов и событий. Мы видим здесь примеры удачных *верхушечных* реформ, например, реформы короля Мохаммеда VI в Марокко, которые позволили предупредить *Арабскую весну* в этой стране.

Вообще надо сказать, что монархические реформы в Марокко, в Иордании, в последнее время еще и в Катаре говорят о том, что мудрые правители пытаются перехватить инициативу, взять ситуацию в свои руки и начать реформы задолго до того или на грани того, как этого потребуют улицы. Странно то, что никто из политических комментаторов не провел параллелей между этими процессами и передачей власти молодому поколению монархами Нидерландов или Бельгии.

Однако процессы *верхушечных* реформ — это на сегодняшний день исключение в странах *арабской весны*. *Ящиком Пандоры* является Саудовская Аравия. На грани каких-то перемен, пока еще непонятно каких, стоит Алжир.

В этом контексте и следует рассматривать события, происходящие в странах Сахеля. Другое дело, что те внутренние процессы, которые сейчас проходят там, в свою очередь распространяются на тот же Алжир, Ливию и в определенной степени на Буркина-Фасо, Сенегал и Нигерию.

Сегодня в Сахеле не просто нестабильная обстановка, не просто опасная обстановка — Сахель превратился в неконтролируемую, неуправляемую территорию, протянувшуюся через всю Африку и рассекающую ее практически на две части.

Ясно, что ситуация в Судане балансирует на грани стабильности и нестабильности, и здесь дело не только в противоречиях между Суданом и Южным Суданом, не только в ситуации в Дарфуре, но и в том, что президенту Омару Аль-Баширу, мягко говоря, задают очень много вопросов политические противники в Хартуме.

Стабильность в столицах Чада, Нигера, Мавритании на самом деле ничего не означает — в любой момент из пустыни может прийти кто угодно, и в недавней истории известны случаи, когда столицы захватывались в течение нескольких часов. Пустыня, напомним, наполнена дешевым или даже бесплатным оружием, а количество разного рода бандитских политических группировок, которые называются, например, *Land Cruiser Based Movements*, не поддается учету.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие основные угрозы международной безопасности существуют или только формируются сегодня в зоне Сахеля?

МАРГЕЛОВ: В конце 2011 г., незадолго до событий в Мали, я был в Тимбукту и общался там с местными племенными и религиозными лидерами. И один из вождей туарегов сказал мне с искренней грустью: «Вы знаете, то, что произошло в Ливии, вот этот поток оружия, который хлынул оттуда, подорвал весь мой

бизнес». Переносной зенитно-ракетный комплекс стоит столько же, сколько два подержанных автомата Калашникова.

Тогда новости об опасности ливийского оружия воспринимались достаточно осторожно, но впоследствии стало понятно, что оружие, которое хлынуло в Сахель и из Сахеля из разграбленных арсеналов, принадлежавших Муаммару Каддафи, действительно представляет серьезную международную проблему. Именно поэтому еще в мае 2012 г. на встрече *Большой восьмерки* в Кэмп-Дэвиде этой теме было уделено большое внимание. Но сейчас ливийское оружие уже перехватывается на границе между Египтом и сектором Газа, обнаруживается в Сирии, и никто не знает, где оно может всплыть в следующий раз.

Помимо бесконтрольного оборота оружия для зоны Сахеля характерны работорговля и бизнес на транзитной нелегальной миграции через регион, захват заложников здесь также является достаточно обычной практикой.

Сюда следует добавить наркотрафик из Латинской Америки через Гвинею-Бисау и далее через Сахель на Ближний Восток и в Европу — это достаточно новое явление, ему всего несколько лет.

Необходимо иметь в виду, что ситуация в различных странах Сахеля чрезвычайно взаимосвязана: здесь живут мигрирующие племена, поэтому то, что происходит, например, на севере Мали, через короткое время отзывается в суданском Дарфуре. Надо также помнить, что на протяжении многих сотен лет малийские туареги отправлялись на хадж в Саудовскую Аравию, оседали в Дарфуре, а теперь и в Мали, и в Дарфуре живут родственные племена.

Когда мы говорим о миграции здесь, мы должны помнить о том, что это не только миграция потенциальной рабочей силы в страны Европы, но и миграция *плохих ребят*, миграция боевиков, которые здесь проходят подготовку, обучение и потом расползаются по всему Большому Ближнему Востоку.

То, что сейчас в Сирии на стороне оппозиции воюют сотни марокканцев, ливийцев, малийцев, тоже никого не должно удивлять. Министр иностранных дел Марокко на встрече в Москве летом 2013 г. честно сказал, что правительство королевства не в состоянии контролировать отъезд молодых людей, идеологически очень заточенных, в разные страны для участия в вооруженных формированиях.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие инструменты есть у международного сообщества, для того чтобы попытаться навести порядок на всем протяжении *дуги нестабильности* или хотя бы эффективно и в позитивном ключе влиять на происходящие там процессы?

МАРГЕЛОВ: Вероятно, главным инструментом, который должен быть здесь применен, является Африканский союз, который преодолевает сейчас *посткаддафийский* кризис. И хорошая новость здесь, что Южная Африка после избрания Нкосазаны Дламини-Зумы усилила свои позиции в Африканском союзе. Эта организация так устроена, что без лидирующей страны или группы стран она не может работать эффективно.

Практика последних десятилетий показала, что только африканцы на самом деле могут решать африканские проблемы. Организация Объединенных Наций может оказать содействие, подготовить площадку, но реальная ежедневная работа по решению всех проблем — это работа африканцев. Именно поэтому Россия выступает за усиление Африканского союза и превращение его в эффективный международный орган.

И мы пытались совместно с Африканским союзом решить ливийский кризис. Однако, к великому сожалению, наши западные партнеры, на словах поддерживая наши усилия, просили ливийских повстанцев совсем о другом. Отсюда, к слову,

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

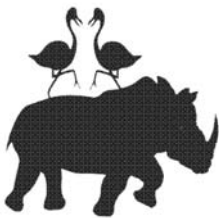
когда нас спрашивают, почему российская позиция по Сирии отличается от позиции по Ливии, мы говорим, что просто учитываем опыт недавнего прошлого.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие сегодня есть механизмы воздействия на ситуацию в Сахеле у России? Долгое время складывалось впечатление, что в Сахеле мы позиции теряли, последние годы мы возвращаемся туда.

МАРГЕЛОВ: *Во-первых*, самый главный рычаг — наше членство в Совете Безопасности ООН. *Во-вторых*, мы оказываем финансовую поддержку Африканскому союзу, в том числе Совету мира и стабильности Африканского союза. Последний очень существенный транш был переведен в декабре 2012 г. в Аддис-Абебу и пошел частично на финансирование операции Африканского союза в Сомали, частично на финансирование мероприятий по стабилизации ситуации в Мали. *В-третьих* — прямая помощь. Мы оказываем поддержку нынешнему правительству Мали поставками амуниции и вооружения и выделением финансирования.

Наряду с прямыми рычагами воздействия на ситуацию есть и не прямые рычаги: в последние четыре года в Мали, Нигер, Чад, Судан и в ряд сопредельных стран пришли на геологоразведку и на добычу полезных ископаемых крупнейшие российские компании, в том числе государственные.

Мы исходим из того, что в африканской политике и в мусульманском мире *политические шахматы* значительно более эффективный инструмент, нежели *политическое регби*.

Алексей Пушков:

«РОССИЯ СПОСОБНА БЫТЬ БАЛАНСИРУЮЩЕЙ СИЛОЙ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛАХ»

Успешность российской внешнеполитической линии — тема для жарких дискуссий как внутри страны, так и за ее пределами. Эта линия реализуется в условиях широкого спектра международных вызовов и проблем — от сирийской ситуации до эрозии глобального порядка, реакция на которые требует взвешенного, твердого и инициативного подхода. Вместе с тем выдвигаемые Россией на мировой арене инициативы нуждаются в постоянном и глубоком осмыслении на предмет их эффективности и целесообразности в долгосрочной перспективе.

Практическую реализацию национальных интересов и приоритетов России в меняющемся мире главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов обсуждает с председателем Комитета Государственной Думы ФС РФ по международным делам Алексеем Пушковым в эксклюзивном интервью.

ОРЛОВ: Полтора года Вы занимаете должность председателя Комитета Государственной Думы по международным делам. Также прошел уже год с небольшим, как В. В. Путин возобновил руководство страной и ее внешней политикой. Какие за этот промежуток времени Вы видите внешнеполитические прорывы у России и наиболее крупные внешнеполитические провалы?

ПУШКОВ: Начну с того, что крупных провалов не видно. На мой взгляд, устойчивость и успешность российской внешней политики следует измерять не относительно несуществующего идеала, а относительно первых постсоветских лет — это и было время тотального внешнеполитического провала по всем позициям.

С тех пор в российской внешней политике произошла существенная стабилизация и были достигнуты значительные результаты. Правда, нашим последним неправильным решением, которое привело к серьезным последствиям и которое было в полной мере осознано Россией, было решение *воздержаться* по резолюции № 1973 по Ливии. Стало окончательно ясно, что, идя в фарватере американской политики интервенций, Россия проиграет точно так же, как в 1999 г., когда в итоге поддержала НАТО в войне в Югославии. Поэтому сейчас Россия трижды голосовала против резолюций по Сирии, которые могли бы дать основания для военной операции против законного сирийского правительства.

Большим успехом российской внешней политики, на мой взгляд, является как раз решимость твердо стоять на своей позиции по Сирии, не давая санкции

Совета Безопасности ООН на любое внешнее вмешательство и, тем более, на военную интервенцию в Сирию. Здесь мы пользуемся последовательной поддержкой Китая. В Москве и Пекине понимают, что в Сирии решается вопрос не только о будущем самой страны и региона, но и то, каким будет миропорядок в ближайшие 10–15 лет.

Миропорядок, который утвердился после бомбардировок в 1999 г. Белграда, был чрезвычайно деструктивным и разрушительным. Это был миропорядок, в котором стали возможны агрессия против Ирака на основании ложных данных о наличии у государства оружия массового уничтожения, секретные тюрьмы, похищения людей, содержание подозреваемых без суда и следствия в тюрьме Гуантанамо, пытки, которые администрация Дж. Буша-младшего пыталась превратить в норму.

В это же время по вине США началась резкая деградация системы международного права и всей системы международных отношений. Выстроенная в прежние годы система балансов была поставлена под вопрос. А в ситуации нарушенных балансов Россия не выиграет: это выгодно только США, которые по-прежнему, несмотря на свое относительное ослабление, претендуют на роль общемирового гегемона, а также их ближайшим союзникам. Поэтому главный успех нашей внешней политики состоит в том, что мы сумели вплоть до осени 2013 г. удерживать внешние силы от прямого вмешательства в дела Сирии и настоять на том, чтобы не дать согласия Совета Безопасности ООН на легитимизацию вторжения в эту страну.

Другой крупный успех нашей внешней политики — образование Таможенного союза. Это качественный сдвиг в положении дел на постсоветском пространстве и начало интеграции при ведущей роли России. При всех сложностях этого процесса дело постепенно идет и к созданию Евразийского Союза. Не случайно Хиллари Клинтон накануне своего ухода в отставку не сдержалась и сказала, что за этими объединениями скрывается попытка восстановления СССР и что американцы будут бороться всеми способами против этого. Это само по себе доказывает значимость и серьезность нашего проекта. Если Евразийский союз вызывает геополитическую дрожь у людей, относящихся к нашей стране без всякой симпатии, значит, его создание действительно можно отнести к числу наших успехов.

К числу успехов я бы также отнес углубление сотрудничества по линии БРИКС. Наши западные друзья постоянно доказывают, что в БРИКС входят абсолютно разные страны, имеющие мало общего, что это случайное объединение. На самом деле это объединение стран, которые недовольны доминирующей ролью одной державы в современном мире и которые считают, что мир должен быть действительно многополярным, а им должна принадлежать более весомая роль в определении характера мирового развития и хода мировых событий. На каком-то этапе к членам БРИКС могут присоединиться и другие новые экономические лидеры, например, Индонезия. Убежден, что БРИКС имеет хорошие перспективы. Пока она носит в основном консультативный характер, но в условиях, когда однополярный мир обречен, она способна сыграть важную роль.

Сегодня многое зависит от того, сколько еще Соединенным Штатам нужно будет крупных потрясений и конвульсий, чтобы окончательно осознать, что они не способны в одиночку руководить этим миром. Так было с Римской империей, империей Дария, Испанией, которая была ведущим государством Европы в XVI–XVII вв., затем с Францией, Великобританией и Германией. США как новый гегемон также не могут избежать падения. Они смогут сохранить позиции в качестве одной из двух-трех ведущих держав мира — это реалистичная задача, она под силу американцам, но если они продолжат и дальше бороться за положение

гегемона, это может закончиться плачевно для них самих. Закон *перенапряжения сил*, который был выведен профессором Полом Кеннеди в книге «The Rise and Fall of Great Powers», никто не отменял.

Сегодня мир находится на этапе перехода от однополярного мира к многополярному — этот переход будет очень непростым. США будут пытаться сохранить свою роль, потому что в обозримой перспективе они будут превосходить другие страны по многим параметрам — по военному, информационному, научно-техническому потенциалу. Да и американская экономика остается пока первой в мире: ВВП Соединенных Штатов составляет 14,5 трлн долл., тогда как у Китая — 6,5 трлн долл. Так что Америка еще долго будет лидирующим государством, но ее лидерство будет подвергаться эрозии. В силу этого мы и находимся на переходном этапе.

Конечно, еще будут ситуации, когда возникнет ощущение, что США успешно подтверждают свою гегемонию, но американцы уже продемонстрировали неспособность справиться с крупнейшими мировыми кризисами, например, с северокорейской ядерной программой. Единственное, что они могут предложить в качестве ответа на возможную иранскую ядерную программу — это военный сценарий, поскольку иным путем не способны решить этот вопрос, однако и этот путь не гарантирует успеха. Более того, и в части *мягкой силы* Соединенные Штаты теряют все больше и больше — они потеряли ореол государства, которое борется за идеалы демократии, свободы, прав человека.

ОРЛОВ: Перейдем к Ближнему Востоку. Сирия сейчас станет *лакмусовой бумажкой* пределов американских возможностей. И здесь интересна роль России, потому что существует два подхода к ее возможному поведению в этом регионе. Первый подход — активность, потому что в Сирии и вокруг Сирии идет битва за будущее мира, о которой Вы сказали. Второй подход — невмешательство, потому что это может вытянуть из нас ресурсы, а региональные игроки нами будут манипулировать, решая свои задачи за счет противопоставления нас и американцев, и мы с этого в итоге ничего не получим. Где должна быть Россия?

ПУШКОВ: Прежде всего пора окончательно расстаться с концепцией, которую долго предлагало нам либеральное крыло российского политического класса и которую называли *доктриной последних рубежей*. Суть ее в том, что Россию ничего не должно волновать, кроме так называемых *последних рубежей*: стран СНГ, особенно Украины и Белоруссии, находящихся у наших географических и стратегических границ. Вот эти границы мы должны защищать, остальное — не наше дело.

Однако проблема в том, что когда вы отказываетесь от защиты своих интересов далеко от своих границ, потом вы уже начинаете уступать и в непосредственной близости от них. Сначала нас убеждали, что нас не должно волновать вступление Польши, Венгрии и Чехии в НАТО, и затем в НАТО вступили уже страны Балтии. Потом заговорили о возможном вступлении в НАТО Украины и Грузии, и Михаил Саакашвили, надеясь на помощь американцев и Североатлантического альянса, даже начал против нас войну. Таким образом, доктрина *последних рубежей* — это попытка оправдания внешнеполитического бессилия.

Как только мы расстанемся с этой доктриной подчинения российских национальных интересов национальным интересам США или, шире, интересам евроатлантического сообщества, выяснится, что Сирия для нас исключительно важна. Смена сирийского режима военным путем, как в Югославии, Ираке, Ливии,

Ю
ь
в
р
е
т
н
и

не отвечает нашим интересам. И у нас есть выбор, какую форму защиты наших интересов избрать.

Как представляется, Россия не должна воевать в Сирии. Опыт втягивания в такие войны у нас есть — это в первую очередь крайне негативный афганский опыт. Посылать наших солдат воевать в другие страны мы не должны. А вот посылать наших солдат в качестве миротворцев, играющих сдерживающую роль, особенно в рамках мандата ООН, мы должны. Мы играли эту роль в Южной Осетии и, на мой взгляд, должны были, хотя и не решились, сыграть эту роль в Киргизии в 2010 г., когда там начались кровавые межэтнические столкновения.

В Сирии же мы должны оказывать ту степень военно-технической и военно-политической поддержки действующего правительства, которую можем оказать. Ведь совершенно очевидно, что в Сирии речь идет не о борьбе за демократию и права человека — уже и так ясно, что за вооруженной оппозицией и боевиками стоят силы, связанные с международным терроризмом, включая *Аль-Каиду* и организации, которые организуют взрывы в Ираке, Триполи, Бенгази и ведут войну в Мали. Сегодня они идут на Дамаск с лозунгом «алавитов в могилы, христиан — в Бейрут!». При этом следующей остановкой после Дамаска они считают Багдад, где тоже хотят убрать шиитов от власти.

Тем не менее США, Великобритания и Франция делают однозначный выбор в пользу поддержки боевиков. Из этого я делаю вывод, что речь идет не о свободе, не о демократии, не о процветании Сирии, а об операции по свержению законного режима в Сирии и поддержке радикального суннитского движения. Вольная эта поддержка или невольная — это меня совершенно не волнует, де-факто это осознанная поддержка радикальных суннитов, которых, видимо, Соединенные Штаты надеются контролировать.

Не думаю, что американцам это удастся, как в свое время им не удалось контролировать *Талибан* и ливийских боевиков. Я думаю, что это политика не просто неправильная, но и вредоносная для самих США. Свержение режимов, основанное на убежденности, что любой режим, который придет на смену, будет лучше, и помноженное на провалившуюся попытку создать вокруг Израиля *кокон* безопасности, уже привело к ухудшению ситуации. Когда уравновешивавший Иран режим Садда Хусейна был ликвидирован, наиболее антиизраильское государство в этом регионе превратилось в региональную сверхдержаву. Та же история с проведением в Секторе Газа выборов, с Египтом, который после свержения Хосни Мубарака стал более опасен для Израиля — все это негативные последствия американского подхода. И в Сирии все приведет к прямо противоположным результатам.

Я считаю, что американцы вместе с французами и британцами проводят предельно идеологизированную политику, которая не учитывает местные реалии. Важно понимать, что в Сирии речь не идет о демократии, свободе и политической модели, она идет о грубом, силовом захвате власти. Потому я и считаю, что Россия должна оказывать максимальную военно-техническую и военно-политическую помощь официальному Дамаску, на какую она способна, но не втягиваясь напрямую в войну.

ОРЛОВ: От Ближнего Востока перейдем к СНГ. Вы сказали, что нет провалов в нашей политике. Да, Таможенный союз — шаг в правильном направлении, но ведь СНГ гораздо шире. Сюда входит и ОДКБ, которая, как мы говорим, должна стать вровень с НАТО, но сами же в это не верим. А ведь Россия должна отвечать за этот проект. Как быть здесь?

ПУШКОВ: Мне кажется, что Россия и страны, входящие в ОДКБ, по-разному видят смысл этой организации для себя. Для России это организация регио-

нальной безопасности, которая родилась во многом из-за необходимости реагировать на расширение НАТО и понимания того, что если не будут созданы структуры безопасности с прямым участием России и при ее ведущей роли, то на постсоветском пространстве будут созданы другие структуры безопасности, в которых ведущую роль будет играть альянс.

В то же время для ряда среднеазиатских руководителей ОДКБ играет роль организации, способной их застраховать в случае какого-то крупного внутриполитического движения — против *среднеазиатской весны*, грубо говоря. Они усматривают в ОДКБ возможный источник защиты от радикальных внутренних оппозиционных движений. А поскольку радикальные внутренние движения в Средней Азии всегда существуют в исламистской форме, то речь идет о защите против воинствующего ислама.

По этим причинам Узбекистан в свое время вступил в ОДКБ и сейчас вышел, потому что, судя по всему, по мнению руководства Узбекистана, там сейчас прямой угрозы воинствующего ислама нет и можно попытаться наладить сотрудничество с США. Правда, опыт показывает, что американцы по возможности захотят заменить Ислама Каримова человеком, который будет ближе к ним, будет представлять новое поколение политиков, как они заменили Эдуарда Шеварднадзе Михаилом Саакашвили в Грузии.

Получается, что для России альтернативы ОДКБ нет, а для государств, входящих в ОДКБ, за возможным исключением Белоруссии и Армении, есть альтернатива в виде военно-политических связей с США, которая основывается на опасениях диктата со стороны России. К тому же им нет смысла особо развивать эту организацию, потому что, если очень будет нужно, Россия все равно придет на помощь.

Получается, что ОДКБ зиждется не на четкой и ясной основе региональной безопасности, а на игре: да, основной союз с Россией, но в качестве источника материальной выгоды подразумеваются военно-политические отношения с США и Североатлантическим альянсом. Думаю, что все это объективно подрывает готовность этих стран к тому, чтобы развивать ОДКБ. Напротив, у среднеазиатских элит есть искушение использовать финансовый потенциал Запада, чтобы укрепить свои позиции, укрепить свои вооруженные силы, получить некоторые преференции и, может быть, привлечь американцев своим стратегическим положением.

Однако имеет место двойственность позиции самой России относительно ОДКБ. Вроде бы, нам нужна эта организация, но в то же время не чувствуется, что она является одним из наших приоритетов. Получается, что ОДКБ остается символическим политическим союзом, который дает возможность лидерам стран — членов ОДКБ апеллировать к России в качестве союзников и получать от нее больше преференций, при этом развивая партнерские отношения с Соединенными Штатами. А вот насколько Россия использует свое положение главной державы ОДКБ и государства, которое может оказать определенную помощь, — для меня это вопрос. Стороннему наблюдателю может показаться, что России нужна эта организация, чтобы ощущать сам факт наличия военно-политического альянса.

Но если мы действительно хотим создавать военно-политический союз, мы должны вкладывать деньги в него и создавать элиты, заинтересованные в этом военно-политическом союзе. Такие элиты есть в некоторых странах, например, в Армении, но далеко не везде. Мы должны будем оснащать вооруженные силы этих стран нашей техникой даже с определенными финансовыми потерями.

То есть рыночный подход к ОДКБ невозможен. США платят за все свои военно-политические союзы, Франция платит за все свои военно-политические союзы в странах Африки. Доходом здесь являются позиции в экономике, которые дает участие в военно-политическом союзе в качестве лидера. Например, США вложили огромные деньги в оборону Южной Кореи, но они получили доступ к южнокорейской экономике и, соответственно, получают доходы от своих инвестиций.

Вот если мы сумеем выстроить аналогичную схему, то ОДКБ будет оправдывать себя. Но сначала в него надо вложиться, его надо сделать частью политической психологии элит тех государств, которые в него входят. Этого сегодня как раз и не хватает.

ОРЛОВ: Значит, для утверждения жесткой силы нужна сила *мягкая*. Вы сказали, что *мягкая сила* американцев преувеличена. А *мягкая сила* России?

ПУШКОВ: Если посмотреть на практику СССР, она очень сильно отличалась от американской. Советский Союз создавал ориентированные на себя элиты по двум каналам: по каналу идеологии и по каналу материальной выгоды. Финансовые элиты, ориентировавшиеся на Советский Союз, были именно бизнес-элитами. Это были люди, которые приезжали в СССР, потому что это было модно и крайне выгодно. Европейские крупные кампании также находили свое место в советской системе. Таким образом, у нас в Западной Европе было лобби, которое работало на улучшение отношений с СССР.

И хотя сегодня в США такого лобби у России практически нет, все же, когда Обама рассматривал закон Магнитского, 350 американских компаний просили отменить поправку Джексона–Вэника, как бы ни сложилась судьба самого закона. В Европе таких компаний куда больше, и я думаю, что наши отношения с Германией из-за *Pussy Riot* и сексуальных меньшинств уже давно разлетелись бы в пух и прах, если бы не этот мощнейший якорь российско-немецких экономических связей.

Однако ситуацию осложняет тот факт, что мы утратили своих естественных союзников в западном мире, которыми были движения за мир и левые коммунистические движения. Поэтому встает вопрос, какую идеологию мы можем предложить тем общественным силам в Европе, которые ищут антитезы идеям доминирования США и политического и экономического либерализма? У нас нет такой идеологии. Половина тех людей, которые определяют экономическую политику России — это либералы прозападного типа, что при Б. Н. Ельцине, что при В. В. Путине. Таким образом, здесь мы являемся бледной копией западной либеральной элиты, просто повторяющей ее и в худшем варианте копирующей, и ничего дать не можем.

Есть ли у России какой-то резерв *мягкой силы* в идеологической сфере? Идеология играет определяющую роль в современном мире и очень серьезный конфликт ценностей, который у нас сейчас с Европой намечается, — это идеологический конфликт в новой форме. Тем не менее в этих сложных условиях, на мой взгляд, у нас есть несколько резервов *мягкой силы*. Вопрос в том, сумеем ли мы их использовать.

Первый резерв базируется на том факте, что мир нуждается в равновесии. Доминирующая позиция США в мире вызывает искажение равновесия, и это чувствуют очень многие, включая таких американских союзников, как Пакистан.

Россия — это страна, которая способна сыграть роль противовеса наиболее агрессивным действиям США, сейчас она это доказывает в Сирии, и поэтому пользуется значительной поддержкой в мире. Важность ее роли

существенно возросла, и половина Европы на самом деле согласна с нами в сирийском вопросе. Наш союз с Китаем в этом вопросе неслучаен: китайцы идут только на те союзы, которые просчитаны, и с партнером, который того заслуживает. Китайцы очень хорошо ощущают свою новоявленную мощь, и если они с нами идут на стратегический альянс по Сирии, значит, они считают, что у нас достаточно сил выдержать эту позицию. Итак, Россия может быть балансирующей силой в международных делах, и мы уже проявляем эту способность.

Второй резерв *мягкой силы* — область нравов. Россия сейчас становится оплотом гетеросексуальных союзов, и это не надо недооценивать. Дело в том, что либеральная революция, которая охватила Запад, будет продолжаться. Сейчас 14 государств признали однополые браки, в Израиле и Мексике не признаются однополые браки, но признаются однополые браки, заключенные за рубежом, на очереди Великобритания и Германия. Как только однополые браки будут признаны в Германии, это превратится в европейскую ценность, и ее начнут продвигать на уровне Совета Европы. В США 13 штатов признали однополые браки, и я думаю, что через какое-то время этому пути последуют и другие.

В этих новых условиях мир поделится на две части: на тот мир, который переживает либеральную революцию и идет по пути дехристианизации и ухода в либеральную *неоязычество*, и другой мир традиционных ценностей. При этом мир традиционных ценностей количественно крупнее. Да, у него будут еще потери: уже Уругвай и Аргентина признали однополые браки и, вероятно, в Латинской Америке эта тенденция будет продолжаться. Однако Россия выстоит, поскольку это не столько государственная политика, сколько традиционная ориентация российского общества.

В то же время на Западе поддержка однополых браков — это именно государственная политика, а не свободный выбор однополой культуры. Вы уже не можете выступать против однополых браков во Франции, за это вас могут лишиться работы. С моей точки зрения, это недопустимо — это новая либеральная диктатура.

Мне кажется, что от Китая до Турции такой подход не пройдет, и Россия должна очень жестко стоять на защите традиционных ценностей. Это наш колоссальный резерв в области *мягкой силы*. Россия как защитница традиционных ценностей получит поддержку огромного количества людей в той же Европе.

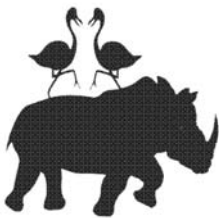
ОРЛОВ: Как традиционные ценности соотносятся с формированием гражданского общества? Один из важных элементов гражданского общества — неправительственные организации (НПО), в том числе и те, которые являются проводниками российской *мягкой силы*. Между тем российские законодатели здесь демонстрируют скорее охранительный подход, чем диалоговый.

ПУШКОВ: Американские или европейские НПО в своем подавляющем большинстве являются проводниками интересов и идеологий тех государств, где они были созданы. А у нас неправительственные организации — это в основном проводники интересов других государств и других позиций. Отсюда возникло настороженное отношение в обществе и в политическом классе к этим НПО. В обществе сейчас 61% респондентов, согласно опросам, считают, что НПО вообще не нужны, что от них только вред — этот сектор очень сильно дискредитирован в глазах населения. Однако это не значит, что мы должны отказываться от этого инструмента проведения своего влияния, распространения своей культуры, своего интеллектуального присутствия.

Я лично большой сторонник таких НПО, которые не противопоставляют себя обществу и государству и не являются де-факто иностранными агентами, а являются гуманитарным продолжением нашего общества и нашего государства за его пределами. Вот такие организации, мне кажется, нам надо всячески поддерживать.

Мы же еще только учимся быть новым государством, и эта учеба идет очень мучительно, — это длительный процесс. Американская политическая машина, с тех пор как США с 1945 г. превратились в глобальную империю, развивает и совершенствует свои структуры *мягкой силы*. А у России на это же было только два десятилетия. Я думаю, что мы как государство должны дорасти до понимания важности негосударственных форм осуществления своего влияния, и постепенно это произойдет. Хотелось бы, чтобы он шел быстрее. 🐘

Корнел Феруцэ:

«ДНЯО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ПЛАТФОРМУ ДЛЯ РЕШЕНИЯ
КАЖДОГО СЛОЖНОГО ВОПРОСА В ДУХЕ ДИАЛОГА»

Основные итоги прошедшего в апреле 2013 г. 2-го Подготовительного комитета в рамках обзорного процесса ДНЯО подведены, однако, как всегда в таких случаях происходит, некоторые важные детали не попали в фокус экспертного внимания, а именно от этих деталей в значительной мере зависит вектор и динамика международных усилий по ядерному нераспространению.

Что дал 2-й Подготовительный комитет для Обзорной конференции 2015 г.? Каково значение бойкота Подготовительного комитета со стороны делегации Египта? Какой результат дал Комитет процессу создания ближневосточной ЗСОМУ? Какова роль и перспективы гуманитарного подхода в рамках ядерного нераспространения? Насколько актуальна проблема кибербезопасности в контексте ядерной безопасности и разоружения?

На эти и другие вопросы Индексу Безопасности ответил председатель второй сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия, руководитель Бюро Генерального директора МАГАТЭ по вопросам координации Корнел Феруцэ.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Еще в апреле 2013 г. на проведенном ПИР-Центром семинаре, незадолго до начала заседаний Подготовительного комитета, вы сделали следующий комментарий: «Когда я начал готовиться, мне говорили, что второй Подготовительный комитет — самый легкий. И я в это поверил. Я в это довольно долгое время верил. Но потом другие люди начали мне говорить, что на самом деле это самый сложный этап». Что вы думаете по этому поводу сейчас?

ФЕРУЦЭ: Я думаю, что правы и те, и другие. На проведение встречи в Женеве позитивно повлиял тот факт, что повестка дня уже была согласована. В этом смысле встреча была легкой. Ту энергию и ресурсы, которые обычно затрачиваются на согласование повестки, мы смогли направить на обсуждение сути вопросов. Но был там и элемент непредсказуемости. В частности, атмосфера до и во время проведения сессии была сложной и обладала определенным негативным потенциалом, и это, наверное, имели в виду те коллеги, которые предупреждали о сложностях.

Подготовительные комитеты не являются форумами, на которых принимаются решения. Однако я уверен, что дискуссии, которые велись в Женеве в 2013 г., будут иметь большое значение для 3-го Подготовительного комитета и для самой Обзорной конференции. Так, в повестку дня были включены многие вопросы, по которым

И
Н
Т
Е
Р
Ь
Ю

нужно будет принять решение в Нью-Йорке в 2015 г. Именно в этом ключе следует оценивать результативность 2-го Подготовительного комитета.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Таким образом, считаете ли вы, что 2-й Подготовительный комитет прошел успешно? Удалось ли Вам воплотить все свои планы в качестве председателя?

ФЕРУЦЭ: Я пока еще не нашел той волшебной палочки, которой можно было бы измерить успех. Если в качестве успеха воспринимать ставший уже традиционным результат в виде итогового доклада председателя, который отражает нынешнее состояние процесса выполнения ДНЯО, то комитет прошел успешно. Если же мерилом успеха является реальный прогресс в выполнении Договора, а также принятого в 2010 г. Плана действий, тут нужно быть реалистами: чтобы охарактеризовать проведение Подготовительного комитета как успешное, нужны более конкретные результаты.

Я не ставил перед собой цели найти какие-то конкретные решения всех тех чувствительных вопросов, что стоят перед нами сегодня. Это была бы слишком амбициозная задача, учитывая, что государства еще только разрабатывают свои предложения и формируют свою позицию для Обзорной конференции. Моей целью было формирование того контекста, который позволил бы государствам подойти к решению проблем наименее конфликтным образом.

Мне кажется, что в определенной степени эта задача была выполнена. Позитивным сигналом являются те формулировки, которые появились в итоговом докладе председателя. И мне кажется, что все государства — участники Договора позитивно оценивают такой подход, поскольку формулировки, принятые в 2013 г., станут определяющими для подготовки формулировок 2015 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы предвидели решение египетской делегации покинуть заседание? Как отразился египетский бойкот на работе Подготовительного комитета?

ФЕРУЦЭ: Еще до начала 2-го Комитета были признаки того, что некоторые арабские государства недовольны ходом подготовки к конференции в Хельсинки, посвященной зоне, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ), на Ближнем Востоке, поэтому я осознавал вероятность такого бойкота. Решение, принятое нашими египетскими коллегами, было политическим шагом.

Другие арабские государства на такой шаг не пошли, и это само по себе также является политическим сигналом, указывающим, что эти государства готовы работать над решением ближневосточного вопроса и что они оставляют дверь открытой для диалога и компромисса.

И я всегда считал, что какими бы чувствительными ни были вопросы, стоящие в повестке дня, ДНЯО предоставляет платформу для решения каждого из них в духе диалога. Египетская делегация внесла важный вклад в работу этой сессии: она приняла участие более чем в половине заседаний, в том числе в большинстве дебатов, за исключением третьей группы вопросов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Можно ли, на ваш взгляд, назвать эффективной работу по вопросу ближневосточной ЗСОМУ, на Подготовительном комитете?

ФЕРУЦЭ: Эффективность работы этих подготовительных комитетов должна оцениваться в контексте обзорного процесса, а также в контексте конкретных результатов. Со времени проведения Обзорной конференции 2010 г. работа над вопросом Ближневосточной ЗСОМУ идет согласно собственной логике, которая не имеет непосредственного отношения к Подготовительному комитету. Комитет был проинформирован о работе по подготовке Конференции о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Но поскольку комитет не является форумом для принятия

решений, сложно сказать, что деятельность комитета была эффективной в плане создания такой зоны.

Встреча в Женеве не могла вмешиваться в тот процесс, который идет под руководством координатора и тех сторон, которые должны будут созвать конференцию. Но я надеюсь, что Подготовительный комитет был эффективен в плане привлечения внимания всех государств — участников Договора к важности этого вопроса и что Комитет будет оставаться эффективным на протяжении всего обзорного цикла. Решение данного вопроса имеет особое значение для успеха Обзорной конференции в 2015 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Является ли проект итогового доклада председателя отражением позиции большинства делегаций? Почему вы решили подготовить итоговый доклад вместо консенсусного документа?

ФЕРУЦЭ: Итоговый доклад председателя является тем документом, за который несет ответственность сам председатель. Я надеюсь, что этот документ в максимально возможной степени отражает самый широкий спектр позиций и взглядов, высказанных государствами-участниками в ходе заседаний. Однако я бы не стал утверждать, что итоговый документ отражает мнение большинства, поскольку мнения государств-участников по вопросу режима ДНЯО не поддаются точному количественному измерению.

Основной целью составления итогового доклада председателя было отражение взглядов, заявленных делегациями, а также поиск верного баланса между тремя ключевыми элементами Договора и важностью всех этих вопросов для государств — участников ДНЯО. Я постарался подготовить всеобъемлющий итоговый документ, отражающий общие цели сообщества ДНЯО.

В своем нынешнем виде итоговый доклад председателя является подтверждением того, что обзорный процесс ДНЯО не ограничивается техническими дебатами, а включает политические дискуссии. Будучи дипломатом, я посчитал, что в 2013 г. нужно постараться избежать серьезных противоречий. Мне кажется, что итоговый документ является очень точным отражением сложности того контекста, в рамках которого мы работаем.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как бы вы оценили участие различных формальных и неформальных групп (*ядерная пятерка*, Движение неприсоединения, Коалиция за новую повестку дня, Инициатива нераспространения и разоружения) в обзорном процессе? Вы работали в качестве председателя с этими группами или больше внимания уделялось работе с отдельными странами — участницами этих групп?

ФЕРУЦЭ: Я очень рад той готовности к сотрудничеству, которую проявили все группы, существующие в рамках режима ДНЯО, так как сам я родом из Румынии, где очень ценятся компромисс и диалог. Соответственно, я руководствовался необходимостью вовлечь в диалог как можно больше делегаций. Консультации проходили в духе широкого сотрудничества, и я очень тесно работал со всеми региональными и политическими группами, в том числе с Восточноевропейской группой, Группой *Западная Европа и другие*, Инициативой нераспространения и разоружения, Коалицией за новую повестку дня, Движением неприсоединения и ЕС.

Встречаться и обсуждать сложные вопросы легче в узком составе участников. Кроме того, встречи с большими группами требуют больше времени и энергии. Однако можно получить более значительный результат, если всем участникам предоставить равную возможность принять участие в неофициальных дискуссиях. При этом у каждой делегации имеется возможность высказаться по беспокоящим ее вопросам не только в формальной обстановке, но и неформально.

Я думаю, что и для меня, и для делегаций оказалось полезным выделить время для неоднократных встреч с региональными группами даже во время самой сессии

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
С

Подготовительного комитета. Развивая данную тему, я думаю, не будет преувеличением сказать, что одной из неформальных групп, присутствовавших в Женеве, было гражданское общество, которое тоже внесло свой вклад в обсуждение.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Восемьдесят государств-участников, три четверти делегаций, выступили ко-спонсорами *Совместного заявления о гуманитарных последствиях существования ядерного оружия*. Чем объяснить такое растущее единодушие? И каково, на ваш взгляд, влияние конференции в Осло, посвященной гуманитарным последствиям применения ядерного оружия, в марте 2013 г. на обзорный процесс ДНЯО?

ФЕРУЦЭ: Как вы правильно указали, процесс, запущенный подписанием соглашений в Осло, параллелен обзорному процессу ДНЯО. Как первый повлияет на второй решать государствам-участникам. Гуманитарный подход в последние годы пользуется все более широкой поддержкой. В его основе лежат благородные принципы, и его будущее будет зависеть от того, какую стратегию в его отношении изберут государства-участники и какие конкретные предложения они сформулируют, чтобы достичь прогресса в реализации принципов ДНЯО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В 2014 г. *ядерная пятерка* должна будет отчитаться о достигнутых результатах в отношении мер разоружения, оговоренных в *Плане действий 2010 г.* На ваш взгляд, удалось ли *пятерке* добиться существенного прогресса в данной области? И если План не выполнен на 100%, как на это отреагируют неядерные государства? Какие результаты, по Вашему мнению, эти государства сочтут минимально достаточными?

ФЕРУЦЭ: Я не могу предвидеть будущее, но думаю, что *пятерка* покажет необходимые результаты на Подготовительном комитете 2014 г., поскольку ее члены осознают, насколько важно для всех остальных государств выполнение Плана действий в части ядерного разоружения.

Безусловно, выполнение некоторых из запланированных шагов плохо поддается количественному измерению, но это не мешает государствам-участникам оценить глубину и серьезность тех шагов, которые совершают ядерные государства. Многие государства-участники разделяют надежду на то, что ставшие уже регулярными встречи *пятерки* приведут к конкретным результатам и что ее члены сохранят свою приверженность достижению таких результатов как можно скорее.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете участие неправительственных организаций в обзорном процессе? Что Вы думаете о мероприятиях, проведенных на полях заседаний Подготовительного комитета, особенно о презентации подготовленной ПИР-Центром Белой Книги *Десять шагов к созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке*?

ФЕРУЦЭ: Я считаю, что для меня накануне и во время Подготовительного комитета деятельность неправительственных организаций была особенно полезной. Организации гражданского общества очень привержены своему делу: они проводят крайне важные семинары, конференции и другие мероприятия. Они являются одними из основных организаторов столь необходимых встреч официальных лиц с представителями НПО и научного сообщества. Такие встречи помогают должным образом оценить предпринимаемые шаги (или их отсутствие). Кроме того, они способствуют развитию мышления и поиску нестандартных вариантов решения стоящих перед нами проблем.

Я искренне считаю, что НПО играют жизненно важную роль в функционировании режима ДНЯО. Они являются связующим звеном между относительно небольшим сообществом правительственных экспертов, с одной стороны, и обществом со всеми его интересами и устремлениями — с другой. Я постарался принять участие в как можно большем количестве отдельных мероприятий, организованных во время работы Подготовительного комитета. Каждое из них мне запомнилось

новыми точками зрения на обсуждаемые вопросы, а также активной информационной деятельностью НПО и участием в выработке решений.

Мероприятие, проведенное ПИР-Центром, было весьма своевременным, поскольку у всех на уме была Ближневосточная конференция. Оно дало возможность провести встречу между всеми основными игроками, в том числе Египтом, США, Лигой арабских государств и Российской Федерацией, и лучше понять подходы и взгляды каждого из этих игроков.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В этом году впервые в истории обзорного процесса делегация Нидерландов в ходе обсуждения новых угроз и вызовов подняла вопрос кибербезопасности. Как бы Вы это прокомментировали? И какие новые вопросы появились на повестке дня Подготовительного комитета?

ФЕРУЦЭ: В контексте последних событий и оценок растущего потенциала ведения киберопераций поднятие государствами-участниками вопроса кибербезопасности было делом времени. Данная тема все больше выходит на повестку дня при обсуждении вопросов безопасности, однако она не входит в число ключевых тем, рассматриваемых Подготовительным комитетом.

Я не уверен, что делегации государств-участников, принимающие участие в работе комитета, имеют в своем составе экспертов, специализирующихся на вопросах кибербезопасности. Конечно, государства-участники самостоятельно определяют, какие угрозы и вызовы стоят перед режимом ДНЯО, так что вполне возможно, что эта тема в дальнейшем войдет в расширенную повестку ядерной безопасности. 🐘

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

АБОНЕМЕНТна газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету
журнал**80666**

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:
----------------	---------------------------	--------------	--------------	---------------------------

на 2014 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Олег Шакиров

КОНТРОЛЬ НАД ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ В ЕВРОПЕ: КУДА ИДЕМ?¹

В наш век отчаянных сомнений,
В наш век, неверием больной...

Федор Иванович Тютчев

А
Н
А
Л
И
З

Понятие контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ) является открытым и содержит в себе сразу несколько вопросов. Например, чем руководствоваться при определении границ Европы: географией или политическими установками? Должно ли европейское пространство быть непрерывным или допустимы определенные исключения? Расширяется оно или остается в исторических рамках?

Другой момент связан с тем, какие категории вооружений относятся к обычным вооружениям, подлежащим контролю? На каких основаниях может уточняться или пересматриваться этот список, для того чтобы действующий режим отвечал реальному положению вещей? И, конечно, ключевые вопросы относятся к тому, какую цель преследует контроль, в какой форме он осуществляется; кто и кого контролирует?

В данной работе предлагается анализ сложностей, возникающих при поиске ответов на эти и другие вопросы для определения будущих контуров режима КОВЕ, и предложений государств-участников по его развитию. Акцент сделан на политических аспектах и, в частности, на российской политике в данной области.

ЭВОЛЮЦИЯ И КРИЗИС РЕЖИМА КОВЕ

Обозначая основные вехи, определившие нынешнее состояние режима КОВЕ, необходимо отметить серию переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений (Mutual and Balanced Force Reductions, MBFR) между государствами НАТО и ОВД, которые начались в период разрядки международной напряженности в 1973 г. и поначалу были направлены на сокращение вооруженных сил исключительно в Центральной Европе.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), ставший краеугольным камнем европейской безопасности, был заключен 19 ноября 1990 г., и вступил в силу два года спустя. И если в 1970-х гг. речь шла о сокращении численности личного состава, то в ДОВСЕ были обозначены ограничения на категории обычных вооружений: танки, боевые бронированные машины, артиллерию калибра 100 мм и выше, боевые самолеты, ударные вертолеты. Первоочередной целью Договора была ликвидация «потенциала для внезапного нападения и начала крупномасштабных наступательных действий в Европе»².

Распад СССР и образование новых независимых государств потребовали корректировки положений ДОВСЕ. Изменения коснулись, во-первых, района применения Договора — страны Балтии, получив независимость, не присоединились к нему. Кроме того, для распределения прав и обязательств СССР восемь постсоветских государств, включая Россию, в 1992 г. заключили Ташкентское соглашение о принципах и порядке выполнения ДОВСЕ, в рамках которого распределялись максимальные уровни по вооружениям.

Изменения в Европе, связанные с прекращением действия Варшавского договора, распадом СССР и началом расширения НАТО, сделали необходимым приведение положений Договора, касающихся размеров фланговых районов (зону с наиболее жесткими ограничениями) России и Украины, была зафиксирована во Фланговом документе, принятом на первой Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ. На этой Конференции было также решено, что «государства-участники рассмотрят варианты адаптации, направленные на достижение целей Договора и повышение его жизнеспособности и эффективности»³. Результатом последовавших переговоров стало подписание в 1999 г. Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

В адаптированном Договоре был отражен отход от межблокового противостояния — вместо суммарных ограничений для группировок вводились национальные и территориальные предельные уровни для каждого государства-участника по отдельности. Также статьей XVIII предусматривалась возможность присоединения к Договору для любого участника ОБСЕ, территориально расположенного в пределах района его применения.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

В настоящее время ДОВСЕ не отвечает потребностям обеспечения равной безопасности для всех стран европейского континента, а тем более не отвечает в должной мере интересам обеспечения безопасности России... Будет правильным и понятным, если Россия выступит с развернутым видением обеспечения безопасности Европы на нынешнем и последующих этапах с учетом новых реалий, с видением, включающим и современные идеи обеспечения баланса интересов всех стран.

Геннадий Евстафьев. Разоружение возвращается. *Индекс Безопасности*. 2007, №2 (82), Том 13. С. 52

Однако Соглашения об адаптации ДОВСЕ так и не вступило в силу — оно было ратифицировано лишь четырьмя государствами-участниками — Беларуссией, Казахстаном, Россией, а также Украиной, которая в отличие от первых трех не передала ратификационные грамоты депозитарию. Молдавия, Грузия и страны НАТО отказались начать ратификацию до вывода российских войск с молдавской и грузинской территорий, поскольку соответствующие политические обязательства были взяты Россией в Стамбуле в 1999 г.

В итоге увязка проблематики КОВЕ с региональными конфликтами в Европе, неправомерная с точки зрения России, стала одним из препятствий для развития ДОВСЕ. Процесс затягивался, причем на фоне новых волн расширения НАТО и активизации деятельности по созданию элементов ПРО США в Европе. В России подобные тенденции характеризовались как представляющие угрозу национальной безопасности. Официально подчеркивалось, что даже адаптированный вариант ДОВСЕ устарел, что необходима его модернизация и подготовка к вступлению в силу.

Действие ДОВСЕ и связанных с ним международных договоров было приостановлено в 2007 г. указом президента В. В. Путина⁴ после того, как созданная по российской инициативе чрезвычайная конференция государств — участников ДОВСЕ завершилась безрезультатно. В свою очередь в ноябре 2011 г. США, другие члены НАТО, участвующие в ДОВСЕ, и Грузия отказались предоставлять России информацию о своих вооруженных силах в соответствии с положениями Договора.

Отсутствие существенного прогресса в переговорах по дальнейшей судьбе ДОВСЕ и его фактическое закрытие в качестве канала для обмена информацией между Россией и членами НАТО повысило важность таких механизмов, как Венский документ (ВД) о мерах укрепления доверия и безопасности и Договор по открытому небу.

Венский документ представляет набор мер укрепления доверия и безопасности (МДБ), разработанных в рамках СБСЕ/ОБСЕ, и носит политически обязывающий характер для всех участников (56 государств, расположенных в Европе, Центральной Азии и Северной Америке). В ноябре 2011 г. на заседании Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности (ФСОБ) после 12-летнего перерыва был принят ВД в новой редакции, развивающий и дополняющий МДБ, изложенные в предыдущих соглашениях: Документе Стокгольмской конференции 1986 г., Венских документах 1990, 1992, 1994 и 1999 гг.

С точки зрения модернизации КОВЕ ключевым нововведением ВД-2011 являются положения по его регулярному обновлению: решения ФСОБ, вносящие изменения в документ, обозначаются как ВД-плюс и по умолчанию вступают в силу в день принятия, и не реже чем каждые пять лет все эти изменения включаются в новую редакцию ВД⁵.

По мнению Стивена Пайфера, в силу того что Россия, приостановив исполнение ДОВСЕ, продолжает соблюдать обязательства ВД-2011, «один из возможных выходов — на время оставить в стороне ограничения по технике и сфокусировать внимание на расширении МДБ Венского документа, чтобы они включали некоторые положения ДОВСЕ по транспарентности и наблюдению»⁶.

С точки зрения России, активизация усилий по обновлению ВД-2011 может представлять интерес для восстановления баланса в деятельности ОБСЕ за счет наполнения *первой корзины* (военно-политического измерения безопасности), недостаточное внимание к которой давно вызывает у российских представителей озабоченность. Например, в 2006 г. на заседании СМВД ОБСЕ С. В. Лавров сообщил: «Программы работы на военно-политическом треке год от года слабеют, скатываются к мелкотемью»⁷.

Еще одним элементом системы МДБ в Европе является Договор по открытому небу (ДОН), в 2002 г. вступивший в силу. В ДОН участвуют 34 государства ОБСЕ, но он открыт для присоединения других государств. Договор позволяет участникам совершать наблюдательные полеты над территорией друг друга, а также дает право на получение результатов фотосъемки, проведенной в ходе таких полетов.

Оценивая роль ДОН в обеспечении прозрачности военной деятельности в целом положительно, МИД России тем не менее отмечает снижение эффективности в его реализации. Имеется в виду решение стран НАТО не выполнять наблюдательные полеты над территориями друг друга. В результате Российская Федерация не имеет возможности приобретать соответствующие фотоснимки⁸.

Более серьезное недовольство России вызвало поведение Грузии, которая в 2012 г. приостановила выполнение ДОН в отношении России. Эта ситуация является следствием разногласий между двумя государствами относительно статуса Абхазии и Южной Осетии (грузинский шаг стал ответом на ограничение Россией полетов над ее территорией вдоль их границ).

Таким образом, режим контроля обычных вооружений в Европе по всем основным направлениям сегодня находится в состоянии неопределенности и достаточно низкой эффективности.

ПОЗИЦИИ ОСНОВНЫХ ИГРОКОВ ПО ВОПРОСУ МОДЕРНИЗАЦИИ КОВЕ

Существо проблемы, с точки зрения России, заключается в том, что несмотря на договоренность об индивидуальном участии государств в адаптированном Договоре

(для каждого государства-участника независимо от принадлежности к какому-либо объединению в Соглашении об адаптации устанавливались национальные и территориальные предельные уровни), НАТО фактически выступает единым блоком по основным вопросам, связанным с КОВЕ. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров пояснил: «Мы убеждены, что членство в военно-политических союзах не должно являться определяющим фактором для участия того или иного европейского государства как в самих переговорах, так и в новой договоренности по КОВЕ»⁹.

Здесь важен также сугубо военный аспект: 22 члена НАТО, участвующие в ДОВСЕ, опережают Россию по всем категориям вооружений, ограничиваемых Договором, приблизительно в 3,2 раза по танкам, в 2,3 раза по бронетранспортерам, в 2,9 раза по артиллерии, в 2,1 раза по боевым самолетам и в 2,7 раза по ударным вертолетам¹⁰.

Конечно, на фоне отхода от блокового противостояния неуместно было бы говорить о необходимости достигнуть паритет между Россией (вместе с ее союзниками) и НАТО. Однако вопрос о ликвидации избыточных вооружений и понижении предельных уровней по-прежнему актуален. Так, заместитель директора Института исследований проблем мира и политики безопасности при университете Гамбурга Вольфганг Целльнер полагает: «Поскольку большинство государств НАТО находятся значительно ниже своих предельных уровней, они смогут уменьшить их без затруднений»¹¹.

Важно заметить, что восприятие дисбаланса как проблемы не остается незамеченным на Западе. Там есть опасения, что если не удастся вновь сделать ДОВСЕ рабочим механизмом, то «Россия будет в большей степени полагаться на тактическое ядерное оружие, чтобы защитить себя от того, что в Москве сейчас воспринимают как превосходство НАТО в обычных вооружениях»¹².

Очевидно, что проблема равноправия касается не только КОВЕ, но и в целом отношений между Россией и НАТО и процесса принятия коллективных решений по укреплению европейской безопасности. Москва неоднократно подчеркивала, что в этой области необходимо учитывать интересы всех сторон, чего, с российской точки зрения, как раз не удавалось добиться в рамках ДОВСЕ. Насчет перспектив Договора у руководства страны, похоже, не осталось оптимистических ожиданий — в мае 2013 г. министр обороны РФ заявил, что этот механизм мертв¹³.

На фоне *усталости* России от неравноправия многосторонних форматов появилась тенденция к обеспечению двусторонней предсказуемости с отдельными государствами. Начальник главного управления международного военного сотрудничества Минобороны РФ С. М. Кошелев считает, что развитие военно-технического сотрудничества между Россией и такими государствами — членами НАТО, как Франция, Германия и Италия, является новым принципом взаимоотношений. Этот принцип основывается на тезисе, что страна, которая планирует с кем-то воевать, никогда не будет закупать системы вооружений у той страны, с которой она планирует воевать¹⁴.

Одной из причин, почему согласование путей модернизации КОВЕ застопорилось, является то, что обычные вооружения в настоящий момент не воспринимаются большинством игроков в качестве первостепенной угрозы. И. о. заместителя государственного секретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности Роуз Геттемюллер характеризует ситуацию следующим образом: «Сегодня, по большей части, количества обычных вооружений на континенте намного ниже установленных предельных уровней и, вероятно, продолжают снижаться»¹⁵.

По словам С. М. Кошелева, на данный момент «большинство государств уходит от концепции создания тяжелых вооруженных сил, оснащенных танками, бронемашинами, ударными вертолетами»¹⁶. Символической вехой в этом процессе стал вывод последних американских танков из Европы в марте 2013 г.¹⁷.

В нынешних условиях, когда ситуация с обычными вооружениями в Европе в целом не вызывает серьезного беспокойства у большинства государств (за исключением

непосредственных участников конфликтов), прийти к единому мнению, чем чревата деградация режима КОВЕ, им проблематично. Например, предложение России о совместном обсуждении угроз, связанных с обычными вооружениями в Европе и актуальных для России и НАТО, не нашли поддержки со стороны альянса¹⁸.

В то же время позиции отдельных европейских стран в этом вопросе достаточно сильно варьируются. Французы полагают¹⁹, что деградация режима КОВЕ может повлечь новую гонку вооружений. Чехи видят угрозу в том, что эрозия взаимных обязательств в этой сфере может усугубиться и привести к неконтролируемому накоплению обычных вооружений, особенно в зонах затяжных неразрешенных конфликтов²⁰. Итальянцы считают²¹ ключевым здесь не риск вооруженной агрессии, а вопрос — удастся ли Европе приспособиться к новой обстановке? Похожую мысль озвучили и дипломаты из Германии²².

Таким образом, кризис ДОВСЕ, кульминацией которого стало приостановление Россией его исполнения, показал, что режим КОВЕ нуждается в серьезной модернизации, причем не просто в снижении количественных уровней.

ПРОБЛЕМЫ РЕЖИМА КОВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Актуальными целями, на достижение которых должны быть направлены будущие договоренности, представляется выработка равноправного, согласованного и взаимоприемлемого подхода к принятию общезначимых решений по вопросам европейской безопасности и преодоление недоверия между участниками, а не предотвращение крупномасштабных наступательных действий.

Осознанно или нет, Россия своим шагом переместила центр тяжести диалога в область обеспечения взаимной прозрачности (транспарентности), поэтому продвижение по пути улучшения собственно ДОВСЕ и его ратификации представляется маловероятным. Завязанный на политических вопросах этот диалог будет продолжаться в значительной степени по инерции для *сохранения лица* и в среднесрочной перспективе не увенчается успехом.

К числу вопросов, которыми предстоит заниматься в ближайшем будущем, относится также контроль над обычными вооружениями в зонах региональных конфликтов — камень преткновения для России и Запада. Более долгосрочная проблема состоит в распространении контроля на новые виды вооружений, не ограничиваемые существующим режимом. Возможным преимуществом обращения к этой теме является то, что она не отягощена политическими разногласиями, поэтому прогресс в их отношении мог бы показать, что переговоры по КОВЕ способны давать результаты.

В то же время заинтересованность в новых ограничениях, очевидно, будет исходить от стороны, обладающей меньшим потенциалом, и нет гарантий, что ее инициативы будут встречены одобрением. Наконец, важно, в каком формате должно происходить обсуждение.

ВОЗМОЖНОСТИ КОВЕ В ОБЛАСТИ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ

В отношении обмена военной информацией продуктивным для дальнейших переговоров по КОВЕ могло бы стать взаимное стремление восстановить тот уровень открытости, который действовал до введения Россией моратория и ответных действий членов НАТО и других участников Договора. В этой связи заместитель директора ИМЭМО РАН В. Г. Барановский считает, что в Европе будет высоко оценено одностороннее возвращение России в режим транспарентности и всеобъемлющего контроля ДОВСЕ²³. Тем не менее, по словам С. В. Лаврова, российская сторона не может согласиться на такие меры, которые подразумевают отмену моратория на участие в ДОВСЕ²⁴.

Однако без восстановления участия России в Договоре не представляется реалистичным введение новых мер повышения открытости. Министерство обороны РФ потеряло заинтересованность в инспекциях, поскольку этот процесс превратился фактически в проверку России в связи с отказом членов НАТО проводить такие инспекции друг у друга.

В Москве признают, что в этом отношении более приемлемым механизмом является ВД-2011, поскольку «Венский документ — это больше взаимодействие, нежели контроль»²⁵. Как уже упоминалось, некоторые эксперты предлагают *компенсировать* отсутствие прогресса в переговорах по ДОВСЕ за счет внесения изменений в ВД-2011, однако это вряд ли будет направлено на усиление контрольного механизма. По крайней мере, Россия в ситуации гораздо меньшего контроля ее вооруженных сил чувствует себя более комфортно, чем прежде²⁶.

В перспективе в рамках повышения транспарентности больше внимания может быть уделено расширению участия в военных учениях в качестве наблюдателей. О готовности России к большей открытости в этом отношении свидетельствует приглашение в качестве наблюдателей аккредитованных в Москве военные атташе ряда стран на учения *Кавказ-2012*²⁷, хотя, согласно ВД-2011, учения не превышали порогов для предварительного уведомления и наблюдения.

Со стороны НАТО также есть аналогичные сигналы: в частности, военные альянса намерены провести брифинги для российской стороны относительно учений *Steadfast Jazz 2013*, запланированных на ноябрь 2013 г.²⁸. Кроме того, один из натовских офицеров отмечает, что в этих учениях на одном из этапов планируется ознакомительное участие российских представителей²⁹.

Таким образом, несмотря на звучащие время от времени упреки в адрес друг друга, стороны готовы приглашать наблюдателей на учения среднего масштаба. Соответственно, речь могла бы идти о дальнейшем снижении порогов военной деятельности, подлежащей предварительному уведомлению и наблюдению. Уже в 2012 по инициативе России Форум по сотрудничеству в области безопасности принял решение ВД-плюс. Согласно ему, «если в тот или иной календарный год не проводилось каких-либо подлежащих уведомлению военных учений или военной деятельности, государства-участники будут давать уведомление об одном крупном военном учении или военной деятельности, проведенных на их национальной территории в зоне применения МДБ на уровнях»³⁰, ниже действующих пороговых уровней.

Для того чтобы инспекции в области КОВЕ были равноправными и способствовали сотрудничеству, а не разногласиям, целесообразно разработать такой механизм их проведения, при котором инспекционные группы будут формироваться на многосторонней основе, а распределение инспекций по государствам будет более равномерным. При таком подходе проверки будут восприниматься как коллективные и недискриминационные меры, также это позволит снизить расходы отдельных государств на проведение инспекций. Роуз Геттемюллер озвучила близкое по духу предложение о возможности совместного использования государствами-участниками техники, используемой в рамках ДОН в целях экономии средств³¹.

КОВЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Россия выступает категорически против увязки урегулирования региональных конфликтов с проблематикой КОВЕ, считая это неправомерным и контрпродуктивным. Действительно, затягивание большинством участников ДОВСЕ ратификации Соглашения об адаптации под предлогом вменяемого России невыполнения части стамбульских обязательств, связанных с региональными конфликтами, завело дальнейшие переговоры в тупик.

Впрочем, можно заметить, что бесперспективность такой увязки со временем признают и некоторые из партнеров России. В частности, Роуз Геттемюллер, говоря о ДОВСЕ, отмечает, что международные соглашения в сфере контроля над воору-

жениями не должны решать все двусторонние и иные проблемы, вроде замороженных конфликтов. Однако, по ее мнению, такие соглашения могут укрепить доверие между их участниками и повысить безопасность в зоне конфликтов³².

В европейских государствах существуют разные подходы к этой проблеме. Например, по словам представителей Германии *замороженные* конфликты не могут быть исключены из переговоров по КОВЕ³³. С другой стороны, в беседе с автором работы итальянский дипломат признал, что использование ДОВСЕ для решения политических проблем — неправильный путь³⁴, аналогичную точку зрения разделял и представитель посольства Франции. Поскольку политика увязки урегулирования конфликтов с контролем над вооружениями до настоящего момента была безрезультатной, можно предположить, что в среднесрочной перспективе эта тема станет, как минимум, не такой острой, оставаясь в то же время главным камнем преткновения.

В переговорном процессе данная проблема проявилась в частности в дискуссии относительно того, в какой формулировке может быть утверждён принцип *согласия принимающей стороны* на размещение иностранных войск на ее территории. Грузия и Молдавия настаивают на том, что это допустимо только в признанных на международном уровне границах, и с такой позицией согласны США. Для России такой подход неприемлем в силу признания ею Южной Осетии и Абхазии, где находятся российские войсковые соединения, в качестве суверенных государств, не являющихся частью Грузии³⁵.

В качестве альтернативы предлагаются варианты нейтрального к статусу (*status neutral*) подхода, особенность которого как раз в том и заключается, чтобы не увязывать политическое урегулирование с контролем над обычными вооружениями. Как пишет Вольфганг Целльнер: «Связка между контролем над вооружениями и субрегиональными конфликтами должна быть заменена политическими усилиями по разрешению этих конфликтов и на нейтральное к статусу решение по контролю над вооружениями»³⁶.

Успешным примером такого подхода в российско-грузинских отношениях является урегулирование вопросов, связанных со вступлением в ВТО, проводившееся при посредничестве Швейцарии, когда торговые коридоры между Россией и Грузией были определены по географическим координатам, с тем чтобы избежать упоминания Абхазии и Южной Осетии³⁷.

В области безопасности такое урегулирование представить сложнее по внешне- и внутривнутриполитическим причинам, к тому же возникает чувствительный вопрос о посредничестве. К примеру, если говорить о постсоветском пространстве, вмешательство представителей Запада в решение региональных проблем считается в России предвзятым и воспринимается с раздражением. Чтобы избежать этого, посредником могло бы выступать региональное государство — здесь, на наш взгляд, интерес представляет Украина, которая благодаря своему внеблоковому статусу способна сыграть роль беспристрастного посредника.

О необходимости выработки нейтрального к статусу решения по проблематике КОВЕ применительно к Абхазии и Южной Осетии в беседе автору говорил американский дипломат. По его мнению, такой вариант является реалистичным: «Есть такие подходы, при которых Россия сможет выполнять существующие обязательства по ДОВСЕ в части обеспечения транспарентности в отношении своих вооруженных сил, размещенных на данных территориях, и не настаивать на решении, которое само по себе утверждает, что они независимы, это может стать основой для дальнейших шагов»³⁸.

Важно отметить, что российская позиция по обеспечению прозрачности в отношении вооруженных сил на территории Абхазии и Южной Осетии примерно следующая: министерство обороны предоставляет информацию, однако не более того³⁹, а возможность посещения российских военных баз иностранными инспекторами нужно обсуждать с руководством этих республик, а не с Москвой.

В действительности полностью изолировать проблематику контроля над вооружениями от региональных конфликтов невозможно, поскольку именно там, где продолжается или возможно возобновление конфликта, наиболее необходимы меры контроля. Но это не должно служить поводом для оказания политического давления в рамках многостороннего переговорного процесса — как уже отмечалось, такие попытки непродуктивны.

Подходящим ответом на вызовы подобного рода могла бы стать выработка субрегиональных механизмов, участниками которых являются только непосредственно вовлеченные в конфликт игроки. При наличии у участников заинтересованности в конкретном результате преимущество такого формата заключается в большем политическом равенстве, а также предметности самих переговоров.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КОВЕ

Сегодня появление новых видов обычных вооружений, способствующих феномену *бесконтактной войны*⁴⁰, — это уже необратимая тенденция. И в будущем режим КОВЕ, чтобы оставаться релевантным для укрепления безопасности, неизбежно должен будет распространяться и на такие виды вооружений, не зафиксированные в ДОВСЕ.

К новым вооружениям разные специалисты и дипломаты относят беспилотные летательные аппараты^{41, 42}, корабли, оснащенные противоракетной системой *Иджис*⁴³, высокоточные системы оружия и оружие на новых физических принципах⁴⁴. Также в современных военных конфликтах активно используются палубная авиация и крылатые ракеты. И в то время как многие эксперты соглашаются, что *считать танки* больше не актуально, существуют определенные препятствия для распространения КОВЕ на новые виды вооружений, причем главное из них — сложность необходимых согласований для этого шага⁴⁵.

Вероятно, для контроля над некоторыми категориями вооружений имеет смысл рассматривать возможность заключения отдельных соглашений, а не встраивать их в переговорный процесс, обремененный проблемами ДОВСЕ.

Импульсом здесь стала инициатива Украины, председательствующей в 2013 г. в ОБСЕ, по запуску в рамках Форума организации диалога, «с целью обсуждения роли, которую контроль над обычными вооружениями может играть в сегодняшней и будущей архитектуре европейской безопасности»⁴⁶.

Примечательно, что Украина подчеркивает его важность для государств, не принадлежащих к каким-либо военно-политическим объединениям, что созвучно российской позиции.

Достижение взаимопонимания относительно будущего КОВЕ невозможно без сотрудничества в формате Россия–НАТО, так как обе стороны взяли на себя соответствующие обязательства⁴⁷. К тому же одной из причин беспокойства России до введения моратория на исполнение ДОВСЕ являлось неучастие Албании, Латвии, Литвы, Словении, Хорватии и Эстонии в Договоре, они воспринимались *серыми зонами* в контроле над вооружениями⁴⁸.

Данная проблема была учтена при проведении неформальных консультаций по модернизации КОВЕ в формате 36 (все участники ДОВСЕ и 6 упомянутых государств), которые осенью 2011 г. были приостановлены. Но в Москве также считают, что для предметных переговоров необходимо отсутствие предварительных условий со стороны членов Североатлантического альянса⁴⁹. Такой подход может быть эффективным при готовности сторон к компромиссу, которой пока не наблюдается.

Существуют разные мнения относительно того, на что стоит нацелить переговоры: на *оживление* ДОВСЕ и последующее его приспособление к текущим реалиям или на подготовку нового документа. Так, по мнению представителей Германии⁵⁰, ДОВСЕ устарел и нужно ориентироваться на подготовку нового документа,

при этом избегая общих деклараций и фокусируясь на менее крупных, но более эффективных шагах.

Особое внимание стоит уделить сотрудничеству по КОБЕ на субрегиональном уровне. Общеввропейское согласие по некоторым спорным вопросам может быть трудно достижимо, но если ограничить круг участников, это может способствовать поиску компромисса⁵¹. Например, итальянский дипломат в беседе с автором⁵² отметил, что проблема ограничения на передвижение вооружений и техники на юге и на севере территории России (на флангах) может быть решена за счет выработки субрегиональных верификационных механизмов между заинтересованными государствами.

Свидетельством эффективности субрегиональных механизмов служит Соглашение о субрегиональном контроле над вооружениями⁵³, исполнение которого признается образцовым⁵⁴. Важную роль здесь играют добровольные действия государств-участников по дальнейшему сокращению вооружений и проведению дополнительных инспекций⁵⁵.

В целом, субрегиональный подход предполагает большее внимание к конкретным проблемам, не решаемым или игнорируемым в широком кругу участников. В случае успеха он способен придать импульс всему переговорному процессу по КОБЕ.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В рамках модернизации режима КОБЕ Россия стремится обеспечить себе равные права с другими участниками, что соответствует ее общей линии на создание неделимой безопасности в Европе. Для Москвы предпочтительным форматом взаимодействия в области контроля над вооружениями является такой, при котором ее партнеры выступают индивидуально, а не коллективно. Этим объясняется с одной стороны приостановление действия ДОВСЕ и разногласия с членами НАТО в ходе дальнейших переговоров, с другой — интерес к обеспечению предсказуемости за счет сотрудничества на двустороннем уровне.

В связи с уменьшением количества обычных вооружений на континенте характерной чертой для большинства европейских государств является все меньшее восприятие их в качестве серьезной угрозы. В центре внимания оказываются не дальнейшие сокращения, а обеспечение транспарентности. Существенным фактором становятся новые виды вооружений, не ограничиваемые прежними договоренностями.

Одним из неразрешенных вопросов остаются особенности режима КОБЕ в зонах региональных конфликтов, где его реализация осложняется политическими разногласиями непосредственных участников и внешних игроков. Отсутствие прогресса в переговорах по модернизации КОБЕ делает актуальным поиск подходящего формата.

В работе рассмотрены пути решения перечисленных проблем, на основе чего предлагаются следующие возможные шаги.

1. Дальнейшее обновление Венского документа, в том числе за счет снижения порогов военной деятельности, подлежащей предварительному уведомлению и наблюдению.
2. Разработка механизма инспекций, которые должны проводиться на многосторонней основе, возможно, с созданием межгосударственного инспекционного органа, который обеспечит отсутствие дискриминации при проверках, а также снижения расходов отдельных стран на них.
3. Поддержка усилий по поиску нейтральных к статусу подходов, обеспечивающих контроль над обычными вооружениями в зонах региональных конфликтов. Это может быть реальной возможностью избежать увяз-

ки проблематики КОВЕ с политическими разногласиями. Необходимо активное участие экспертных кругов, в том числе российских, в выработке и анализе таких идей.

4. Обсуждение на межгосударственном уровне перспектив контроля над новыми видами вооружений в рамках действующих или необходимых новых договоренностей.
5. Поддержка инициативы Украины в рамках ее председательства в ОБСЕ о проведении диалога в рамках ФСОБ о роли контроля над обычными вооружениями и МДБ в архитектуре европейской безопасности.
6. Использование опыта субрегиональных соглашений в области контроля над вооружениями в тех случаях, когда это может решить отдельные проблемы *на местах*. 🗺️

Примечания

¹ Автор выражает благодарность всем собеседникам, участвовавшим в интервью в рамках исследования, а также сотрудникам ПИР-Центра.

² Договор об обычных вооруженных силах в Европе. 1990. <http://www.osce.org/ru/library/14091> (Последнее посещение — 14 декабря 2012 г.).

³ Итоговый документ первой Конференции по рассмотрению действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и итогового акта переговоров о численности личного состава. 1996. <http://www.osce.org/ru/library/14103> (Последнее посещение — 14 декабря 2012 г.).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 13.07.2007 № 872 «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров». <http://www.rg.ru/2007/07/17/dovse-dok.html> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

⁵ Венский документ 2011 г. о мерах укрепления доверия и безопасности. ОБСЕ. 2011. <http://www.osce.org/ru/fsc/86600> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

⁶ Blank Stephen J. (ed.) *Russia and the Current State of Arms Control*. U. S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2012. P. 86–87. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=1119> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

⁷ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на 14-м заседании СМД ОБСЕ. 2006. <http://www.osce.org/ru/mc/22823> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

⁸ Договор по открытому небу (Справочная информация). МИД РФ. 2012. <http://www.mid.ru/bdcmp/ns-dvbr.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/8f15ac359b53be1cc325784e00340e9a> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

⁹ О выступлении в Государственной Думе 14 марта 2012 г. в рамках правительственного часа министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова. Комитет Государственной Думы по международным делам. 2012. <http://komitet9.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124051055057.html> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

¹⁰ Рогов Сергей, Есин Виктор, Золотарев Павел, Кузнецов Валентин. Стратегическая стабильность и ядерное разоружение в XXI веке. *Независимое Военное Обозрение*. 2012. http://nvo.ng.ru/gpolit/2012-11-16/1_stabilnost.html (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

¹¹ Zellner Wolfgang. *Conventional Arms Control in Europe: Is There a Last Chance?* Arms Control Association. 2012. http://www.armscontrol.org/act/2012_03/Conventional_Arms_Control_in_Europe_Is_There_a_Last_Chance (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

¹² *The Conventional Armed Forces in Europe (CFE) Treaty and the Adapted CFE Treaty at a Glance*. Arms Control Association. 2012. <http://www.armscontrol.org/factsheet/cfe> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

- ¹³ Минобороны: механизм ДОВСЕ мертв. *Интерфакс*. 2012. <http://www.interfax.ru/news.asp?id=308381> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ¹⁴ Кошелев Сергей, Панарин Игорь. Вопрос противоракетной обороны стал культовым. *Голос России*. 2013. http://rus.ruvr.ru/2013_04_16/Sergej-Koshelev-Mi-hoteli-bi-vislushat-nashih-amerikanskih-kolleg-Sergej-Koshelev-Vopros-protivoraketnoj-oboroni-stal-kultovim-Mirovaja-politika/ (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ¹⁵ Gottemoeller Rose. Revitalizing Conventional Arms Control in Europe. U. S. Department of State. 2012. <http://www.state.gov/t/us/197648.htm> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ¹⁶ Кошелев Сергей, Панарин Игорь. Вопрос противоракетной обороны стал культовым...
- ¹⁷ Burnett Alexander A. Command Assists Departure of Battle Tanks From Europe. U. S. Department of State. 2013. <http://www.defense.gov/News/NewsArticle.aspx?ID=119695> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ¹⁸ РФ не удастся договориться о новых механизмах размещения ВС в Европе. РИА *Новости*. 2012. http://ria.ru/defense_safety/20121018/904081794.html (Последнее посещение — 16 декабря 2012 г.).
- ¹⁹ Интервью с представителем посольства Франции в России. 29 января 2012.
- ²⁰ Интервью с представителем посольства Чехии в России. 22 января 2012.
- ²¹ Интервью с представителем посольства Италии в Москве. 20 декабря 2012 г.
- ²² Интервью с представителями посольства Германии в Москве. 24 января 2013.
- ²³ Барановский Владимир. Евроатлантическое пространство: вызовы безопасности и возможности совместного ответа. ИМЭМО РАН. 2010. С. 31. <http://www.imemo.ru/ru/publ/2010/10048.pdf> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ²⁴ О выступлении в Государственной Думе 14 марта 2012 г. в рамках правительственного часа министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова.
- ²⁵ РФ следит за американскими испытаниями систем ПРО. *Голос России*. 2013. http://rus.ruvr.ru/2013_04_01/RF-sledit-za-amerikanskimi-ispitanijami-sistem-PRO/ (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: Колесников Андрей. Владимир Путин увидел небо в погонах. *Коммерсант*. 2012. <http://www.kommersant.ru/doc/2024612> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.); Felgenhauer Pavel. Kremlin Undercuts Obama's 'Reset' Policy by Expelling USAID from Russia. The Jamestown Foundation. 2012. http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=39861 (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ²⁸ НАТО хочет строить отношения взаимной прозрачности с РФ. *РИА Новости*. 2013, 15 мая. <http://ria.ru/world/20130515/937557801.html> (Последнее посещение — 15 мая 2013 г.).
- ²⁹ Collective defence war games in the Baltic region to involve 5,000 NATO soldiers. The Lithuania Tribune. 2013. <http://www.lithuaniantribune.com/34809/collective-defence-war-games-in-the-baltic-region-to-involve-5000-nato-soldiers-201334809/> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ³⁰ Решение № 9/12. Венский документ плюс. Предварительное уведомление о крупных военных мероприятиях. ОБСЕ. Форум по сотрудничеству в области безопасности. 2012. <http://www.osce.org/ru/fsc/96804> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ³¹ Gottemoeller Rose. Revitalizing Conventional Arms Control in Europe. U. S. Department of State. 2012. <http://www.state.gov/t/us/197648.htm> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ³² Черненко Елена, Геттемюллер Роуз. Мы не даем друг другу расслабиться. *Коммерсант*. 2012. <http://www.kommersant.ru/doc/1902620> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ³³ Интервью с представителями посольства Германии в Москве. 24 января 2013.
- ³⁴ Интервью с представителем посольства Италии в Москве. 20 декабря 2012 г.
- ³⁵ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на 14-м заседании СМИД ОБСЕ.

З
И
Л
А
Н
А

- ³⁶ Zellner Wolfgang. Conventional Arms Control in Europe...
- ³⁷ Möckli Daniel. The OSCE and Conventional Arms Control in Europe: Towards a Double Relaunch. International Relations and <http://isnblog.ethz.ch/security/the-osce-and-conventional-arms-control-in-europe> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ³⁸ Интервью. 28 декабря 2012.
- ³⁹ См. материалы сайта Министерства обороны по меткам «Абхазия» и «Южная Осетия»
- ⁴⁰ Барабанов М. С., Коновалов И. П., Куделев В. В., Целуйко В. А., Пухов Р. Н. (ред.) Чужие войны. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2012. С. 7–8.
- ⁴¹ Yevstafiev Gennady. Arms control for Europe. The Voice of Russia. 2012. http://english.ruvr.ru/2012_10_24/Arms-control-for-Europe/(Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴² РФ готова к диалогу с НАТО по ПРО, но на своих условиях — постпред РФ в альянсе. *Голос России*. 2012. http://rus.ruvr.ru/2012_11_15/RF-gotova-k-dialogu-s-NATO-po-PRO-no-na-svoih-uslovijah/(Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴³ Литовкин Виктор. ДОВСЕ умер. Забудьте! *Независимая Газета*. 2011. http://www.ng.ru/politics/2011-11-25/3_kartblansh.html (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴⁴ РФ следит за американскими испытаниями систем ПРО. *Голос России*. 2013. http://rus.ruvr.ru/2013_04_01/RF-sledit-za-amerikanskimi-ispitanijami-sistem-PRO/(Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴⁵ Бужинский Евгений. Выступление на пленарном заседании Форума по сотрудничеству в области безопасности ОБСЕ, Вена, 13 февраля 2013 г. <http://www.pircenter.org/media/content/files/11/13615556880.pdf> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴⁶ Address by H. E. Mr. Leonid Kozhara, the OSCE Chairperson-in-Office, Minister for Foreign Affairs of Ukraine to the OSCE Permanent Council (Vienna, 17 January 2013). OSCE. 2013. <http://www.osce.org/cio/98766> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴⁷ основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. 1997. <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dvbr.nsf/11d2e6203c37ed2643256a1700434414/e9df3cf9c0edb99443256a5700497106> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁴⁸ Мазур Антон. Россия и контроль над вооружениями в Европе. Безопасность Европы/Под ред. В. В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011. С. 294.
- ⁴⁹ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова на пресс-конференции по итогам заседания Совета Россия–НАТО на уровне министров иностранных дел, Брюссель. 2011, 8 декабря. <http://www.mid.ru/bdomp/ns-dos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fdc5/c32577ca00173dbb44257960005b7784> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁵⁰ Интервью с представителем посольства Германии в Москве. 2013, 24 января.
- ⁵¹ Pifer Steven. A New Approach to Conventional Arms Control. OSCE. 2012. <http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Speeches/2012/6/25%20security%20pifer/osce%20remarks%20pifer.pdf> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).
- ⁵² Интервью с представителем посольства Италии в Москве. 2012, 20 декабря.
- ⁵³ Соглашение было подписано в 1996 г. под наблюдением ОБСЕ во Флоренции, его участники: Сербия, Черногория, энтитеты Боснии и Герцеговины (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская) и Хорватия.
- ⁵⁴ Periotto, C. (Brig. Gen.), Personal Representative of the OSCE Chairperson-in-Office, 'Implementation of the Agreement on Sub-Regional Arms Control (Article IV, Annex 1-B, Dayton Peace Accords)', Report to the OSCE Permanent Council, CIO. GAL/158/11, 23 Aug. 2011, p. 1.
- ⁵⁵ Grip Lina, Bromley Mark, McDonald Glenn, Wezeman Pieter D., Kelly Noel, Schmidt Hans-Joachim, Zellner Wolfgang. 10. Conventional arms control. SIPRI Yearbook 2012. SIPRI. Oxford: Oxford University Press, 2010. <http://www.sipriyearbook.org/view/9780199650583/sipri-9780199650583-div1-68.xml> (Последнее посещение — 14 мая 2013 г.).

Наталья Калинина

МИЛИТАРИЗАЦИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ДИНАМИКА И РИСКИ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ В серии из двух статей

Одним из наиболее *невротических* районов нашей планеты вот уже в течение весьма длительного времени является Ближний Восток. Общая напряженность, обостренный до предела гражданский конфликт в Сирии, создающий угрозу полноценного регионального столкновения.

Ко всему этому добавляются неурегулированные арабо-израильские отношения, сложное внутривосточное положение в отдельных странах региона и непрекращающиеся акты вмешательства сторонних держав во внутренние дела арабских государств.

Что касается Израиля, то продолжающиеся интенсивные испытания и развертывание этим государством систем противоракетной обороны, а также периодические налеты на соседний Ливан и Сирию, объективно создают у остальных дееспособных игроков региона политическую потребность в переоснащении своих армий новыми вооружениями.

Все это создает исключительно пеструю и постоянно меняющуюся политическую мозаику, которая привлекает к Ближнему Востоку самое пристальное внимание.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Начиная с 2011 г. политические режимы были свергнуты в Тунисе, Египте (уже дважды), Ливии и Йемене. Гражданские восстания различной интенсивности произошли или происходят в Бахрейне, Ираке, Иордании, Кувейте, Саудовской Аравии, Кровавая гражданская война в настоящее время продолжается в Сирии¹. *Арабская весна* далека от своего логического завершения и постепенно перерастает в *исламистскую зиму*, где в странах победивших революций эйфория сменяется конфликтами между теми, кто совсем недавно сообщал о свержении прежней власти.

Не срабатывают в снижении конфликтности и меры, принимаемые в рамках ООН, в частности введение эмбарго на поставку различных видов вооружений обеим конфликтующим сторонам². По состоянию на середину 2013 г. полные или частичные эмбарго ООН на поставки оружия в ближневосточный регион действуют в отношении *Аль-Каиды*, движения *Талибан*, Ирака, Ирана, Ливана, Ливии³, однако военно-политическое напряжение не только не снижается, но и в отдельных регионах возрастает.

А
Н
А
Л
И
З

Анализ докладов комитетов ООН по санкциям показал, что эмбарго на поставки оружия не останавливает военный конфликт, который продолжается либо за счет перетекания оружия от одной противоборствующей стороны к другой, либо за счет нелегальных его закупок через третьи страны или других контрабандных способов поступления. Согласно докладу Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ)⁴, эмбарго более или менее результативно только примерно в 25% случаев.

Руководители ближневосточных стран стремятся развивать свои вооруженные силы таким образом, чтобы они могли обеспечить сохранность политических режимов в случае развития ситуации по самому негативному сценарию. Реализация этих устремлений осуществляется, как правило, через увеличение доли военных расходов, направляемых на модернизацию вооруженных сил и закупки вооружений и военной техники (ВиВТ). Особенно четко эти закономерности проявились перед нынешним витком обострения обстановки в регионе.

Подтверждением сказанному могут служить данные о военных расходах, которые за 2004–2011 гг. в странах Ближнего Востока составили 796,530 млрд долл. и продолжают расти⁵ (см. таблицу 1).

Таблица 1. Доля стран Ближнего Востока в общих военных расходах региона

Страна	Доля в военных расходах, %
Саудовская Аравия	8,13
Оман	7,93
Ирак	7,65
Израиль	7,49
Иордания	5,48
Йемен	4,35
Сирия	4,25
Кувейт	4,08
Катар	3,63
ОАЭ	3,28
Бахрейн	3,09
Иран	2,83
Ливан	2,62
Египет	2,6
Турция	2,04

Как следует из вышеприведенной таблицы, лидером в регионе по военным расходам является Саудовская Аравия⁶. В 2012 г., по данным СИПРИ⁷, страны Ближнего Востока вновь и значительно увеличили свои военные расходы (на 8,3%). Наибольший прирост в регионе Ближнего Востока продемонстрировали Оман (51%), Саудовская Аравия (12%) и Кувейт (10%).

Эскалация насилия в регионе Ближнего Востока и Северной Африки обычно рассматривается в двух плоскостях:

- 1) пролонгация протестного движения (повторные площадные революции, что характерно для Египта, Туниса и Ливии);
- 2) накачивание региона оружием, приобретенным как легально (в том числе путем поставок оружия законным и протестным силам Сирии), так и нелегально (поставка ХАМАСу оружия из ливийских арсеналов).

В любом случае Ближний Восток является самым милитаризованным регионом мира⁸. В связи с этим главные сохраняющиеся риски на ближайшую перспективу включают возможное нарастание нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке (Сирия, Ирак, Йемен, Бахрейн, Саудовская Аравия, Иран, Турция) и в Северной Африке (Египет, Ливия), а также беспорядки в Пакистане после предстоящего вывода американского контингента из соседнего Афганистана.

В целом высокий конфликтный потенциал Ближнего Востока превратил его в самый емкий рынок вооружений со всеми вытекающими последствиями для международной безопасности.

ОСНОВНЫЕ ИМПОРТЕРЫ ВООРУЖЕНИЙ В РЕГИОНЕ

Ближневосточный регион в последнее десятилетие по объему заключаемых контрактов на поставку ВивТ в мировом распределении занимает второе место после Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), причем разрыв между ними постепенно сокращается. К примеру, за 2004–2011 гг. общая сумма контрактов по АТР составила 155,488 млрд долл., а по Ближнему Востоку — 142,592 млрд долл. (30,9% мирового рынка вооружений⁹), из них в 2011 г. объем заказов составил 33,275 млрд долл.

Более того, регион Ближнего Востока сохраняет лидерство по пакету вновь заключаемых контрактов на импорт продукции военного назначения (ПВН) последние три года подряд. Закупки вооружений странами АТР и Ближнего Востока несопоставимы по объемам с другими сегментами мира и превышают, к примеру, Западную Европу почти в 3 раза, Северную Америку почти в 5 раз, Восточную Европу более чем в 25 раз, Центральную Америку и Карибский бассейн более чем в 150 раз¹⁰.

Фактический объем экспорта обычных вооружений в страны Ближнего Востока за последние 8 лет (2005–2012 гг.) оценивается в 96,414 млрд долл. и возрос за это время с 11,103 млрд долл. в 2005 г. до 16,848 млрд долл. в 2012 г., т.е. более чем на 50%¹¹.

О том, что Ближневосточный регион занимает все большее значение на мировых рынках вооружений, свидетельствуют и данные о наиболее крупных сделках по их продаже. Так, к примеру, по итогам 2012 г. в число наиболее крупных программ в области закупок вооружений в мировом измерении вошли:

Алжир:

- заключение Германией контракта с Алжиром на поставку двух фрегатов класса *МЕКО А-200* (компания *Тиссен Круп Мэрин Системз*). С учетом опциона еще на 2 фрегата, общая стоимость соглашения оценивается в 2,176 млрд евро (2,886 млрд долл.). Высокая цена объясняется поставкой полного комплекта боевых систем для 4 кораблей, 6 вертолетов *Супер Линкс* компании *Агуста-Уэстленд*, обслуживание оборудования и обучение экипажей;

Египет:

- принятие Германией решения о поставке Египту двух неатомных подводных лодок (НАПЛ) *Тип-209*, несмотря на жесткую негативную реакцию

со стороны Израиля. Стоимость контракта оценивается в 700 млн евро (913 млн долл.);

Израиль:

- подписание Италией (компания *Алениа Аэрмакки*) контракта с Израилем на поставку 30 учебно-тренировочных самолетов (УТС) *M-346 Мастер* и связанного учебного оборудования. Общая стоимость соглашения оценивается в 1 млрд долл. Контракт является частью межправительственного соглашения между Израилем и Италией, которое включает поставку самолетов, двигателей, тренажеров, обслуживание, материальное обеспечение, обучение личного состава. Как планируется, поставка УТС начнется в середине 2014 г.;

Ирак:

- подписание США контракта с Ираком на поставку второй партии истребителей *F-16* в количестве 18 единиц (стоимостью около 3 млрд долл.) к 2018 г. Поставка первых 18 самолетов по контракту 2011 г. завершится в сентябре 2014 г.;

Катар:

- подписание швейцарской компанией *Пилатус Эйркрафт* контракта с Катаром на поставку 24 УТС *PC-21* в комплекте с системой обучения и материально-технической поддержкой. Первый самолет планируется поставить в середине 2014 г.

Оман:

- заключение пакетного контракта Великобританией (компания *BAE Системз*) на поставку Оману 12 многоцелевых истребителей *EF-2000 Тайфун* и 8 учебно-боевых самолетов (УБС) *Хоук Mk. 128*. Поставка первых истребителей запланирована на 2017 г. Стоимость соглашения на поставку истребителей, включая многолетнее материальное обеспечение и вооружение, составляет 2,5 млрд ф. ст. (более 4 млрд долл.). Стоимость и сроки поставок УБС Хоук не оглашались;

Саудовская Аравия:

- подписание Великобританией (компания *BAE Системз*) контракта с Саудовской Аравией на производство 48 истребителей *EF-2000 Тайфун* в модификации *Транш.3* на мощностях в Великобритании. Подписанный ранее базовый контракт предполагал, что эти 48 самолетов будут собраны в Саудовской Аравии. В то же время, переговоры о создании предприятия по обслуживанию самолетов в Саудовской Аравии и увеличении стоимости базового соглашения в связи с изменившимися условиями его выполнения продолжаются. Как следствие, окончательная стоимость второй партии из 48 *EF-2000 Тайфун* в рамках ранее достигнутых договоренностей о поставке в общей сложности 72 самолетов станет ясна в текущем году после завершения переговоров;
- подписание Великобританией контракта с Саудовской Аравией на поставку 22 реактивных учебно-боевых самолетов УБС Хоук и 55 турбовинтовых УТС *PC-21* швейцарской компании *Пилатус* общей стоимостью 1,6 млрд фунтов стерлингов (2,5 млрд долл.). Новые учебные самолеты приобретаются для подготовки пилотов управлению заказанных ранее истребителей *EF-2000 Тайфун* и *F-15SA Игл*. Поставка УТС *PC-21* начнется в 2014 г., Хоук — с 2016 г. Сделка включает предоставление соответствующего оборудования, в том числе тренажеров, а также обучение персонала;

— подписание США контракта с Саудовской Аравией на закупку 36 легких ударных вертолетов *АН-6i Литтл Берд* компании *Боинг*. Поставка *АН-6i* является частью направленного в конце 2010 г. Саудовской Аравией запроса о закупке американских вооружений стоимостью около 60 млрд долл., который также включает 84 новых истребителя *F-15SA*, 70 ударных вертолетов *АН-64D Блок.3 Апач*, 72 многоцелевых вертолета *UH-60M Блэк Хоук*, 12 легких вертолетов *MD-530F*, боеприпасов, средств связи и другого оборудования. Часть этих обязательств была законтрактована в 2011 г., в том числе контракт на 30 млрд долл. с *Боингом* на поставку 84 новых *F-15SA* и модернизацию 70 *F-15*, состоящих на вооружении¹².

В целом контракты со странами Ближнего Востока составляют почти половину самых крупных сделок по всему миру. Очевидно, что увеличение доли сделок со странами региона на мировом рынке обычных вооружений продолжится.

СТРУКТУРА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ИМПОРТА ВООРУЖЕНИЙ

Анализ имеющихся данных по долевному распределению отдельных категорий ВиВТ в общем балансе экспорта ПВН в страны Ближнего Востока в 2005–2012 гг. позволяет провести ранжирование¹³ закупаемых вооружений по их приоритетности и стоимости¹⁴ (см. таблицу 2).

Таблица 2. Долевое распределение отдельных категорий вооружений и военной техники в общем балансе экспорта продукции военного назначения в страны Ближнего Востока в 2005–2012 гг.¹⁵

Место по стоимостному объему экспорта обычных вооружений	Объем заключенных контрактов	Фактические поставки в 2012 г.	Показатели тенденций
Военные самолеты и беспилотные летательные аппараты ¹⁶	71,84 млрд долл. (45,3%)	5,321 млрд долл. (31,6%)	Максимум: 2011 г. — 6,021 млрд долл. Минимум: 2008 г. — 1,795 млрд долл. ¹⁷
Бронетехника ¹⁸	16,039 млрд долл. (16,64%)	2,28 млрд долл. (13,53%)	Максимум: 2008 г. — 2,676 млрд долл. Среднее значение: 2,3–2,5 млрд долл.
Другие вооружения ¹⁹	12,044 млрд долл. (12,5%)	1,462 млрд долл. (8,68%)	Максимум: 2010 г. — 3,242 млрд долл. Минимум: 2006 г. — 637 млн долл. ²⁰
Вертолеты ²¹	11,219 млрд долл. (11,64%)		Максимум: 2007 г. — 2,265 млрд долл. Минимум: 2006 г. — 657 млн долл. Среднее значение (2011–2012 гг.): 1,8–1,95 млрд долл. ²²

Место по стоимостному объему экспорта обычных вооружений	Объем заключенных контрактов	Фактические поставки в 2012 г.	Показатели тенденций
Средства ПВО ²³	11,138 млрд долл. (11,55%)	2,158 млрд долл. (12,8%)	Максимум: 2011 г. — 2,385 млрд долл. Минимум: 2005 г. — 197 млн долл. Среднее значение (2010–2012 гг.): более 2 млрд долл. ²⁴
Военно-морская техника ²⁵	7,06 млрд долл. (7,32%)	2,135 млрд долл. (12,67%)	Максимум: 2012 г. — 2,135 млрд долл. ²⁶
Ракетно-артиллерийское вооружение ²⁷	6,92 млрд долл. (7,18%)	1,657 млрд долл. (9,84%)	Максимум: 2011 г. — 1,739 млрд долл. Минимум: 2006 г. — 145 млн долл.

Военные самолеты и беспилотные летательные аппараты

Экспорт. В первую десятку стран-экспортеров, заключивших наибольшее число контрактов на поставку самолетов и беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), входят²⁸ США, Великобритания, Франция, Россия, Швейцария, Италия, Южная Корея, Испания, Израиль и Канада.

Всего контракты на поставку ВиВТ на Ближний Восток заключили 24 страны, в 2012 г. — 6 стран. Первое место по итогам 2012 г. занимает Великобритания (5,9 млрд долл.), второе место у США (2,725 млрд долл.), замыкает тройку лидеров Швейцария (1,5 млрд долл.).

По объему реально осуществленного экспорта в первую десятку поставщиков вошли США, Великобритания, Франция, Швейцария, Южная Корея, Россия, Китай, Израиль, Канада. Всего поставки осуществляли 25 стран. Первое место по итогам 2012 г. заняли США (2,682 млрд долл.), второе место у Франции (1,68 млрд долл.) и третье место у Великобритании (264 млн долл.).

Импорт. Первое место по объему заключенных контрактов в 2012 г. занимает Оман (5,025 млрд долл.), второе — Саудовская Аравия (2,757 млрд долл.), третье — Ирак (2,3 млрд долл.).

По фактическим поставкам в 2012 г. первое место занимают ОАЭ (1,628 млрд долл.), второе место у Турции (1,595 млрд долл.) и третье у Саудовской Аравии (1,21 млрд долл.). На эти три страны в 2012 г. пришлось 83,3% от всего объема импорта вооружений стран Ближнего Востока по данной категории. Последующие места по фактическому объему импорта в 2012 г. заняли Катар (425 млн долл.), Ирак (286 млн долл.), Оман (80 млн долл.), Йемен (38 млн долл.), Египет (36 млн долл.) и Иордания (22,5 млн долл.).

Бронетехника

Экспорт. В 2005–2012 гг. контракты на поставку бронетехники заключили США (11,01 млрд долл.)²⁹, Канада (1,008 млрд долл.), Турция (741 млн долл.), Германия (735 млн долл.), Россия (654 млн долл.), Украина (620 млн долл.), Южная Корея (404 млн долл.), ЮАР (394 млн долл.), Нидерланды (260 млн долл.) и Болгария

(188 млн долл.). Во вторую десятку входят Франция (168,5 млн долл.), Великобритания (163 млн долл.), Беларусь (120 млн долл.), Сербия (112 млн долл.), Бельгия (93,8 млн долл.), Польша (30,5 млн долл.), Италия (20 млн долл.), Греция (10 млн долл.), Чехия (5 млн долл.) и Оман (1 млн долл.).

Первое место по итогам 2012 г. по объему заключенных контрактов занимают США — 632 млн долл., второе место у Болгарии — 188 млн долл. и третье у Франции — 125 млн долл.³⁰

По объемам фактических поставок в 2012 г. первое место закономерно заняли США (1,605 млрд долл.), на второе место вышла Украина (216 млн долл.), на третьем месте — Канада (138 млн долл.).

Из приведенных данных очевидно, что позиции России являются недостаточно прочными, поскольку практически в таких же объемах экспорт осуществляют еще три страны, да и Украина все больше становится конкурентом России на рынке бронетехники не только на Ближнем Востоке, но и в других регионах.

Импорт. Среди стран-покупателей бронетехники в этом регионе в 2005–2012 гг. лидируют Ирак (5,631 млрд долл.), Саудовская Аравия (4,953 млрд долл.), Египет (2,386 млрд долл.).

По итогам 2012 г. первое место занимают ОАЭ (400 млн долл.), второе — Ирак (220 млн долл.), третье — Израиль (200 млн долл.).³¹ На эти три страны пришлось почти 73% от всего объема импорта бронетехники в страны Ближнего Востока.

Другие вооружения

Абсолютно точных данных по мировому обороту ЛСО (стрелковое оружие и легкие вооружения), включая ближневосточный регион, не существует по ряду причин.

Во-первых, потому что только небольшое количество государств — продавцов оружия публикует свои данные об этом. Во-вторых, потому что фактически невозможно учесть попадание ЛСО из легального оборота в нелегальный. Также невозможно учесть поставку ЛСО по *серым* и *черным* схемам, включая экспорт через третьи страны или *перетекание* от законных владельцев к незаконным вооруженным формированиям, бандитским группам и террористическим организациям.

В 2008 г. в документах ООН упоминалось, что мировой оборот ЛСО составлял 870 млн ед.³², в результате применения которых ежегодно погибает 740 тыс. человек³³. В 2011 г. Генеральный секретарь ООН в одном из своих докладов оценил объем мировой разрешенной торговли ЛСО в 7 млрд долл. США³⁴, а в 2012 г., по данным SAS³⁵, в мире накоплено не менее 875 млн ед. ЛСО, причем ежегодно эта цифра возрастает на 8 млн ед.

Объем производства боеприпасов к стрелковому оружию достигает приблизительно 14 млрд патронов в год; ежегодно порядка 1 млн единиц стрелкового оружия меняет хозяев в результате кражи или утери³⁶. Страны Среднего и Ближнего Востока и Северной Африки являются крупнейшими импортерами ЛСО и боеприпасов к ним, что, безусловно, повышает риски вооруженных конфликтов.

Сегодня на оружейном бизнесе ЛСО специализируются порядка 1200 частных компаний более чем в 90 странах мира. К ведущим мировым экспортерам ЛСО, объемы продаж продукции которых составляют не менее 100 млн долл. в год, относятся (в порядке убывания) США, Италия, Германия, Австрия, Япония, Швейцария, Россия, Китай, Франция, Южная Корея, Бельгия и Испания.

Хотя США и Россия не публикуют официально своих данных по экспорту ЛСО, считается, что на долю США приходится порядка 40% мирового экспорта ЛСО, а на Россию примерно 7%. Пальму первенства в экспорте ЛСО держит Европейский Союз.

Если даже ориентироваться на отрывочные сведения Регистра ООН о поставках ЛСО, несмотря на их неполноту, можно привести некоторые данные из об экспорте разных видов и типов ЛСО в страны Ближнего Востока и Северной Африки за последние три года (см. таблицу 3).

Таблица 3. Поставки стрелкового оружия и легких вооружений разных категорий в страны Ближнего Востока

Страна	2009 г. ³⁷	2010 г. ³⁸	2011 г. ³⁹
Австрия		Алжир, Иордания, Ирак, Египет, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия	
Болгария	Йемен, Эфиопия, Ирак	Алжир, Йемен, Эфиопия	Египет, Алжир, Ирак, Эфиопия, ОАЭ
Босния и Герцеговина	Йемен		
Великобритания	Бахрейн, Катар, Ливан	Иордания, Ирак, Кувейт, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия	Бахрейн, Джибути, Оман, ОАЭ, Ирак, Кувейт, Ливан, Саудовская Аравия
Венгрия		Саудовская Аравия	
Германия	Бахрейн, Чад, Катар	Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман, ОАЭ, Саудовская Аравия	
Дания	Эфиопия		
Канада		Саудовская Аравия	
Польша			Саудовская Аравия, Ирак
Румыния	Ливан		
Сербия	Бахрейн		
Словакия			Египет
Турция		Иран, Египет, Сирия	
Украина	Ливан, Чад		
Франция			Катар
Швейцария	Катар, Ливан, Кувейт		

При более детальном анализе экспорта ЛСО за эти же годы обращал на себя внимание рост поставок переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) и противотанковых управляемых ракет (ПТУР). Именно ПЗРК в последние годы стали все чаще использоваться в военных конфликтах, а их легальное и нелегальное распространение становится *головной болью* международного сообщества⁴⁰.

На основе отрывочной информации из различных источников можно предполагать, что ежегодные объемы российского ЛСО на экспорт составляют 150–300 млн долл. При этом большая часть этой суммы приходится на самое дорогое оружие этого класса — ПЗРК и ПТУР, основными покупателями которого являются страны

Ближнего Востока и Африки (Алжир, Ливия, Эфиопия, Иордания, Эритрея, Оман и др.), Азии, некоторые государства Латинской Америки и страны СНГ.

В США производством стрелкового оружия занимается около 200 компаний. Ежегодный объем американского экспорта ЛСО по всем программам оценивается в среднем в 1,2 млрд долл. (в 4–5 раз больше, чем в России), из которых на ПТУР тратится примерно 775 млн долл., на ПЗРК — 102 млн долл. и на все остальные категории ЛСО — около 275 млн долл. Годовой объем производства ЛСО всех категорий в США составляет около 4 млн единиц, что составляет примерно половину мирового объема. Основными покупателями американского ЛСО являются западноевропейские страны, Япония, Израиль, Тайвань, Саудовская Аравия и Египет.

К общей характеристике мирового оборота ЛСО следует присовокупить оборот нелегальной торговли ЛСО, который составляет не менее 3–4 млрд долл. в год. Только 50–60% мирового объема торговли ЛСО является законным, остальные поставки осуществляются по *серым* и *черным* схемам⁴¹, что делает ситуацию с его распространением все менее наблюдаемой и все более критически значимой с позиций международной безопасности.

Вертолеты

Экспорт. В рассматриваемый период на этом рынке ситуация с контрактами на поставку сложилась следующим образом: США — 15,108 млрд долл. (72,8%), Россия — 2,646 млрд долл. (12,75% в случае подтверждения крупного контракта с Ираком), Италия — 2,22 млрд долл. (10,7%), Франция (611 млн долл.), ОАЭ (101 млн долл.), Иордания (32 млн долл.), Польша и Украина (по 6 млн долл.).

Импорт. В 2005–2012 гг. в рейтинге покупателей вертолетной техники на Ближнем Востоке первое место занимает Саудовская Аравия — 10,885 млрд долл. (52,45%), второе место у Ирака — 3,049 млрд долл. (14,65%), третье место у Турции — 2,524 млрд долл. (12,16%). Далее следуют: ОАЭ (1,965 млрд долл.), Египет (1,159 млрд долл.), Катар (548 млн долл.), Бахрейн (302 млн долл.), Иордания (84,6 млн долл.), Ливан (81,1 млн долл.) и Израиль (80 млн долл.), Иран (45 млн долл.), Йемен (27 млн долл.) и Оман (10 млн долл.). По итогам 2012 г. первое место занимает Ирак (около 2 млрд долл.), далее идут ОАЭ — 400 млн долл. и Ливан — 69 млн долл.

По данным фактического импорта, первое место по 2005–2012 гг. с объемом 3,013 млрд долл. (26,86% от всех закупок вертолетной техники странами региона) занимают ОАЭ. Второе место с объемом 1,25 млрд долл. (11,14%) занимает Кувейт и третье Саудовская Аравия — 1,215 млрд долл. (10,83%). Далее следуют Египет (1,075 млрд долл.), Ирак (1,048 млрд долл.), Турция (785 млн долл.), Израиль (720 млн долл.), Оман (665 млн долл.), Катар (578 млн долл.), Бахрейн (352 млн долл.), Иордания (305 млн долл.), Йемен (77 млн долл.), Ливан (71 млн долл.) и Иран (65 млн долл.).

Средства ПВО

Экспорт. Среди экспортеров средств ПВО первое место в рассматриваемый период занимают США — 5,504 млрд долл. (49,4% от всего объема экспорта средств ПВО в страны Ближнего Востока). Второе место у России — 4,776 млрд долл. (42,9%). Замыкает тройку лидеров Швейцария — 307 млн долл. (2,76%). За ними следуют Франция (166 млн долл.), Великобритания (165,3 млн долл.), Египет (130 млн долл.), Италия (85 млн долл.) и Чехия (4 млн долл.)⁴². В 2012 г. экспорт средств ПВО в регион Ближнего Востока осуществили 3 страны: США (1,644 млрд долл.), Россия (413 млн долл.) и Франция (100 млн долл.).

Импорт. Среди покупателей средств ПВО первое место в 2005–2012 гг. с объемом 4,247 млрд долл. (38,1%) занимают ОАЭ. И за последние пять лет эта страна увеличила свои затраты на закупки средств ПВО более чем в 100 раз.

Второе место по импорту зенитно-ракетного вооружения с объемом 1,994 млрд долл. (17,9%) занимает Египет, за ним следует Иран — 1,4 млрд долл. (12,57%). За ним следуют Кувейт (1,193 млрд долл.), Сирия (776 млн долл.), Турция (510 млн долл.), Саудовская Аравия (373 млн долл.), Израиль (340 млн долл.), Иордания (200 млн долл.) и Оман (100 млн долл.).

По итогам 2012 г. первое рейтинговое место импортеров выглядит так: ОАЭ — 1,121 млрд долл. (51,95%), Кувейт — 524 млн долл. (24,3%), Египет — 300 млн долл. (13,9%). На эти три страны в указанном году пришлось 90,1% от всего объема закупок средств ПВО всеми странами Ближнего Востока. Последующие места заняли Сирия (113 млн долл.) и Оман (100 млн долл.).⁴³

Военно-морская техника

Экспорт. В 2005–2012 гг. первое место по экспорту военно-морской техники (ВМТ) в регион Ближнего Востока принадлежит Германии — 2,2 млрд долл. (31,15% всех поставок ВМТ на Ближний Восток). Второе место у Франции — 1,629 млрд долл. (23,1%). Третье место у США — 1,369 млрд долл. (19,4%). Затем идут Италия (645 млн долл.), Великобритания (437 млн долл.), Швеция (171 млн долл.), Турция (160 млн долл.), ОАЭ (156 млн долл.), Россия (120 млн долл.) и Австралия (71 млн долл.).

В 2012 г. экспорт по категории ВМТ в регион Ближнего Востока осуществляли 9 стран, среди них первое место у Германии (635 млн долл.), второе — у США (494 млн долл.) и третье — у Великобритании (327 млн долл.). Россия в 2012 г. экспорт ВМТ в страны Ближнего востока не осуществляла⁴⁴.

Импорт. Среди покупателей ВМТ первое место в регионе в 2005–2012 гг. занимает Турция — 2,179 млрд долл. (30,87%). Хотя по годам объемы закупок имели существенные колебания: от 105 до 656 млн долл. в год. Второе место у Саудовской Аравии — 1,3 млрд долл. (18,4%). Третье место у Кувейта — 713 млн долл. (10,1%). Далее следуют Израиль (635 млн долл.), Ирак (622 млн долл.), ОАЭ (616 млн долл.), Египет (344 млн долл.), Оман (322,5 млн долл.), Бахрейн (84,5 млн долл.), Йемен (71 млн долл.), Катар (43,6 млн долл.), Иран (40 млн долл.), Ливан (39 млн долл.), Сирия (30 млн долл.) и Иордания (20 млн долл.).

По итогам 2012 г. первое место в рейтинге импортеров по категории ВМТ в регионе Ближнего Востока принадлежит Израилю — 635 млн долл. (29,74%), второе место у ОАЭ — 256 млн долл. (12%) и третье у Омана — 252 млн долл. (11,8%). На эти три страны по итогам 2012 г. пришлось 53,5% от всего объема регионального импорта ВМТ. Далее следуют Ирак (246,2 млн долл.), Турция (240 млн долл.), Египет (215 млн долл.), Кувейт (138,5 млн долл.), Саудовская Аравия (75 млн долл.), Ливан (29 млн долл.), Катар (28,3 млн долл.) и Иран (20 млн долл.).⁴⁵

Ракетно-артиллерийское вооружение

Экспорт: США в 2005–2012 гг. заняли первое место среди экспортеров ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ) на Ближний Восток — 4,424 млрд долл. (63,9%). Второе место занимает Южная Корея — 700 млн долл. (10,1%). Третье место у Франции — 500 млн долл. (7,23%). Далее следуют Китай (485 млн долл.), Сербия (195 млн долл.), Россия (145 млн долл.), Турция (140 млн долл.), Финляндия (86,7 млн долл.), Сингапур (80 млн долл.) и Италия (53,6 млн долл.), Нидерланды (45 млн долл.), Швеция (12,5 млн долл.), Бельгия (11 млн долл.), Болгария (10,5 млн долл.), Австрия (10 млн долл.), Словения (6,4 млн долл.), Босния (5 млн долл.), Чехия (5 млн долл.), Украина (3 млн долл.) и Румыния (2 млн долл.).

По итогам 2012 г. первое место с большим отрывом от остальных участников рынка занимают по-прежнему США — 1,267 млрд долл. Второе место у Франции — 150 млн долл. и третье у Южной Кореи — 140 млн долл.⁴⁶.

Импорт: Первое место в ряду импортеров РАВ среди стран Ближнего Востока в рассматриваемый период занимают ОАЭ — 1,975 млрд долл. (28,54%). Второе место по импорту РАВ заняла Иордания — 1,048 млрд долл. (15,15%), третье место у Саудовской Аравии — 922 млн долл. (13,32%). Далее следуют Египет (829 млн долл.), Турция (764 млн долл.), Ирак (454 млн долл.), Израиль (354,5 млн долл.), Кувейт (347 млн долл.), Бахрейн (138 млн долл.), Оман (48 млн долл.), Иран (25,1 млн долл.) и Йемен (16 млн долл.).

По итогам 2012 г. тройка лидеров не изменилась: первое место в рейтинге импортеров занимают ОАЭ — 859 млн долл. (51,84%), второе место у Иордании — 379 млн долл. (22,87%) и третье у Саудовской Аравии — 233 млн долл. (14,06%). На эти три страны по итогам 2012 г. пришлось 88,8% от всего объема импорта РАВ странами Ближнего Востока. Далее следуют Турция (97,9 млн долл.) и Египет (87,8 млн долл.)⁴⁷.

ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ОБЫЧНЫХ ВООРУЖЕНИЙ В 2013–2016 гг.

Поскольку военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке остается нестабильной, прогнозные оценки рынка вооружений этих стран можно делать только на краткосрочный период. Исходя из ситуации на начало 2013 г. и ориентируясь на имеющуюся информацию об уже подписанных контрактах, а также об известных тендерах и заявленных намерениях, таким периодом могут быть 2013–2016 гг.

Таблица 4. Прогноз по долевым распределению отдельных категорий вооружения и военной техники в общем балансе экспорта продукции военного назначения в страны Ближнего Востока за 2013–2016 гг.⁴⁸

Категория вооружения	Характеристика тенденций	Стоимостной объем экспорта, млрд долл.			
		2013	2014	2015	2016
Военные самолеты и БПЛА	<p>В указанный период отраженные закономерности сохраняются и категория <i>военные самолеты и БПЛА</i> по стоимостному объему экспорта вооружений в страны Ближнего Востока останется на первом месте.</p> <p>Прогнозируемый объем закупок составит порядка 41 млрд долл. (около 40% от всего ожидаемого объема экспорта ПВН в этот регион).</p> <p>Долевой объем экспорта по категории <i>военные самолеты и БПЛА</i> в 2013–2016 гг. на 5,07 процентных пункта превысит долевой показатель этой категории в 2005–2012 гг. (38,27% против 33,2%).</p>	7,466	10,492	11,653	11,37

Категория вооружения	Характеристика тенденций	Стоимостной объем экспорта, млрд долл.			
		2013	2014	2015	2016
Бронетехника	В указанный период категория <i>бронетехника</i> со второго места может переместиться на четвертое, поскольку, по имеющимся данным, ожидаемый объем контрактации составит 8,594 млрд долл. (примерно 8,0% от всего ожидаемого объема экспорта ПВН).	2,056	2,132	2,445	1,962
Другие вооружения	В указанный период категория <i>другие вооружения</i> в рейтинге закупок ВиВТ странами Ближнего Востока может занять шестое место. По данной категории срок с момента заключения контракта до фактической поставки значительно меньше по сравнению с основными системами вооружений. В этой связи можно полагать, что пакет заказа по данной категории еще находится в стадии формирования и на текущий момент представленные данные являются сугубо предварительными.	1,346	1,727	0,618	0,058
Вертолеты	В указанный период вертолеты по стоимостному объему экспорта вооружений в страны Ближнего Востока переместятся с четвертого на второе место и ожидаемый объем контрактов составит примерно 27,721 млрд долл. (около 26% от всего ожидаемого объема экспорта ВиВТ всех категорий). В целом долевой объем экспорта по категории <i>вертолетная техника</i> в 2013–2016 гг. на 14,25 процентных пункта превысит долевой показатель той же категории в 2005–2012 гг. (25,89% против 11,64%). Иными словами, предполагаемый рост экспорта вертолетной техники в ближайшем будущем будет самым высоким в сопоставлении с долевым ростом всех остальных категорий вооружений ⁴⁹ .	2,707	4,443	9,511	11,059

Категория вооружения	Характеристика тенденций	Стоимостной объем экспорта, млрд долл.			
		2013	2014	2015	2016
Средства ПВО	<p>В указанный период в рейтинге категорий вооружений средства ПВО по объемам продаж переместятся с пятого на третье место.</p> <p>Предполагается, что объемы продаж зенитно-ракетного вооружения за указанные годы составят 17,249 млрд долл. (16,1% от всего ожидаемого объема экспорта ПВН в страны Ближнего Востока).</p> <p>Долевой объем экспорта по этой категории в 2013–2016 гг. превысит аналогичный показатель за 2005–2012 гг. примерно на 4,5 процентных пункта и составит 16,1% против 11,5%⁵⁰.</p>	0,772	1,34	6,5	8,639
Военно-морская техника (ВМТ)	<p>В указанный период прогнозируется, что общий объем закупок ВМТ составит 6,18 млрд долл. (5,77% от всего ожидаемого объема экспорта ПВН в страны региона).</p> <p>В целом долевой объем экспорта по категории ВМТ в 2013–2016 гг. снизится на 1,55 процентных пункта по сравнению с аналогичным показателем в 2005–2012 гг. (5,77% против 7,32%).</p> <p>Однако в общем рейтинге объемов закупок ВиВТ разных категорий возможно перемещение ВМТ с шестого на пятое место за счет изменения баланса закупок по другим категориям⁵¹.</p>	2,383	0,835	1,142	1,82
Ракетно-артиллерийское вооружение (РАВ)	<p>В указанный период категория РАВ, по всей вероятности, сохранит за собой седьмое место.</p> <p>Общий объем поставок по данной категории ожидается в сумме 2,61 млрд долл. (2,44% от всего прогнозируемого объема экспорта ПВН в страны региона).</p> <p>При этом долевой объем экспорта по данной категории в 2013–2016 гг. на 4,74 процентных пункта может снизиться по сравнению с долевым показателем этой категории в 2005–2012 гг. (2,44% против 7,18%)⁵².</p>	1,312	0,508	0,654	0,135

В прогноз включены два основных параметра: рейтинг стран Ближнего Востока по объемам ожидаемого импорта и рейтинг мировых экспортеров на этих рынках.

Рейтинг стран по объемам ожидаемого импорта. В краткосрочном периоде (до конца 2013 г.) первое место по объему импорта ВиВТ в регионе Ближнего Востока, как ожидается, будет у Саудовской Аравии (5,183 млрд долл.), второе у ОАЭ (3,441 млрд долл.) и третье у Египта (2,597 млрд долл.)⁵³ (см. таблицу 5).

Таблица 5. Рейтинг стран Ближнего Востока по объемам ожидаемого импорта

Страна	Объем импорта обычных вооружений всех категорий (согласно классификации Регистра ООН) странами Ближнего Востока				
	по рассматриваемому 4-летнему периоду (2013–2016 гг.)	В 2013 г.	В 2014 г.	В 2015 г.	В 2016 г. ⁵⁴
Весь регион	107,084 млрд долл. ⁵⁵	18,042 млрд долл.	21,478 млрд долл.	32,522 млрд долл.	35,041 млрд долл.
Саудовская Аравия	40,827 млрд долл. (38,1% от всего расчетного объема импорта ПВН странами региона). Для сравнения заметим, что за предыдущие четыре года (2009–2012 гг.) военный импорт Саудовской Аравией составил 12,222 млрд долл., то есть в ближайшие четыре года закупки ПВН возрастут более чем в 3,3 раза.	5,183 млрд долл.	8,223 млрд долл.	14,018 млрд долл.	13,403 млрд долл.
ОАЭ	15,417 млрд долл. (14,4% от прогнозируемых закупок ВиВТ всех категорий всеми странами региона). В предыдущий четырехлетний период (2009–2012 гг.) импорт ОАЭ составил 13,705 млрд долл., то есть ожидаемый рост в 2013–2016 гг. составит около 2 млрд долл.	3,441 млрд долл.	2,737 млрд долл.	4,93 млрд долл.	4,309 млрд долл.
Катар	11,302 млрд долл. (10,55%) По сравнению с предыдущим аналогичным периодом времени (в 2009–2012 гг. объем закупок вооружений всех категорий оценивался в 2,243 млрд долл.) военный импорт Катара возрастет в 4,6 раза, причем основные закупки в больших объемах начнутся с 2015 г. и далее продолжатся в нарастающем темпе. Судя по имеющимся данным, рост закупок вооружений Катаром будет самым значимым в регионе, что и обусловит перемещение этого государства в рейтинге стран-покупателей с десятого места, которое он занимал в 2009–2012 гг. на третье.	13 млн долл.	198 млн долл.	4,682 млрд долл.	6,409 млрд долл.

Страна	Объем импорта обычных вооружений всех категорий (согласно классификации Регистра ООН) странами Ближнего Востока				
	по рассматриваемому 4-летнему периоду (2013–2016 гг.)	В 2013 г.	В 2014 г.	В 2015 г.	В 2016 г. ⁵⁴
Турция	10,697 млрд долл.				
Ирак	7,079 млрд долл.				
Кувейт	6,797 млрд долл.				
Египет	4,997 млрд долл.				
Оман	4,57 млрд долл.				
Израиль	3,069 млрд долл.				
Сирия	2,105 млрд долл. — при условии реализации текущих контрактов с Россией				

В целом страны Ближнего Востока продолжают вооружаться значительными темпами, и за четыре предстоящих года суммарный рост военных закупок увеличится почти в два раза. Такой вывод более чем справедлив, поскольку в указанных цифрах учтены данные только по известным контрактам, но за это время общая сумма импорта может увеличиться за счет новых договоров на поставку систем с коротким производственным циклом (ЛСО, РАВ и др.). Из этого следует, что военный потенциал стран Ближнего Востока продолжит ускоренный рост, в связи с чем нельзя исключить возрастание конфликтности в регионе.

Рейтинг мировых экспортеров вполне предсказуем и базируется на данных за последние восемь лет (2005–2012 гг.), имеющихся сведений о заключенных контрактах на ближайшую перспективу и наблюдаемых тенденциях⁵⁶.

Первое место по экспорту вооружений в регион Ближнего Востока в ближайшие 3–4 года, как и за предыдущие восемь лет, займут США. Общая доля поставок ими вооружений всех категорий на Ближний Восток составит более 70% (72–75%) от всего прогнозируемого объема экспорта ПВН в страны региона, т.е. положение США в качестве *монополиста* на рынке вооружений Ближнего Востока укрепитя (в 2003–2010 гг. доля США составляла порядка 55%).

Если рассматривать географию американского экспорта ВиВТ в ключевые регионы мира, то Ближний Восток уже не одно десятилетие занимает ведущие места. Если в 2004–2011 гг. поставки оружия в этот регион составили около 50 млрд долл. (примерно 37% от всего объема военного экспорта Соединенных Штатов во все регионы мира), то с 2012 г. доля стран Ближнего Востока резко возрастает и до 2016 г. составит порядка 72 млрд долл. (общий объем экспорта прогнозируется на уровне 120,3 млрд долл.). Во многом этот рост будет обеспечен военными заказами Саудовской Аравии и ОАЭ.

Большая часть крупных контрактов была заключена после прокатившейся по странам Северной Африки и Ближнего Востока *арабской весны*. *Благоприятным* фоном для новых заказов на американские вооружения является также продолжающаяся гражданская война в Сирии. Одновременно происходит вытеснение с ближневосточного рынка вооружений России и ведущих западноевропейских производителей ВиВТ.

Второе место займет Великобритания с долевым объемом от всего экспорта не менее 9% (9,2–9,5%). Третье место займет Франция с долевым объемом от всего экспорта около 6% (5,7–5,9%).

В региональном аспекте Великобритания и Франция имеют самую сбалансированную структуру военного экспорта среди ведущих мировых поставщиков вооружений. В этих государствах поставки на Ближний Восток, АТР и Северную Америку имеют приблизительно одинаковые доли в общем объеме военных поставок. К примеру, у Франции в 2004–2011 гг. доля военного экспорта на Ближний Восток занимала третье место в его общем объеме и составила 7,681 млрд долл., или 24,58%. Ожидается, что в 2013–2016 гг. военные поставки Франции на Ближний Восток составят около 26,5% всего французского экспорта ВВТ.

Последующие места в ряду крупнейших мировых экспортеров вооружений в страны Ближнего Востока, распределяются, скорее всего, следующим образом: Германия⁵⁷, Италия, Россия, Канада, Южная Корея, Швейцария и Украина.

В среднем ниша каждой из этих стран на рынке вооружений рассматриваемого региона невелика. Так, доля Германии прогнозируется на уровне 2,2%, Италии — 2,13% и России — 2,05%. В случае реализации уже заключенных контрактов с Сирией процентная доля России может возрасти и переместить Россию с шестого на пятое место, но это маловероятно. Доля остальных перечисленных стран в сумме не превысит 3% от всего регионального экспорта, а доля каждой из них будет находиться в интервале от 0,78 до 0,6%.

Во вторую десятку с объемом планируемого экспорта в процентном соотношении от 0,35 до 0,05% от общего объема в порядке убывания войдут Швеция, Израиль, Нидерланды, Турция, Сербия, Испания, ОАЭ, Саудовская Аравия, Сингапур и ЮАР. Замкнут рейтинг Бельгия, Норвегия, Португалия и Австрия, доля поставок которых составит сотые и тысячные доли процента.

ИТОГИ

Тенденции ближневосточного рынка обычных вооружений в полной мере отражают происходящий здесь процесс милитаризации, который уже привел к тектоническим сдвигам в арабском мире, резкому росту напряженности и чреват непредсказуемыми последствиями для всего мира.

Сдвиги в мировой экономике и политике, внутреннее развитие Большого Ближнего Востока, действия или бездействие великих держав делают дальнейшее погружение региона в конфликты практически неизбежным. Итог этих фундаментальных и необратимых изменений невозможно прогнозировать. При этом следует понимать, что индикаторами возможной катастрофы являются не только неконтролируемые события *арабской весны*, но и действия продавцов оружия, которые пытаются проводить политику недопущения эскалации насилия в регионе, но продолжают этот регион вооружать.

Пока международным сообществом не будет понято, что поставки оружия и судьба протестного движения в странах *арабской весны* — вещи взаимосвязанные, мира в этом регионе ждать не приходится.

Вторая статья, посвященная российским позициям на ближневосточном рынке вооружений, будет опубликована в следующем номере журнала. 📄

Примечания

¹ Более подробно о причинах конфликтов и ходе их развития см. материалы Института Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/index.html> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

² Решение о введении эмбарго на поставки вооружений принимается в соответствии со статьей 41 Главы VII Устава ООН резолюцией СБ ООН, за которую должны проголосовать как минимум 9 членов Совета из 15, включая 5 постоянных его членов.

³ Полная база данных по эмбарго относительно всех стран, а также база данных эмбарго, введенных ЕС: SIPRI Arms Embargoes Database. <http://www.sipri.org/databases/embargoes> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁴ United Nations Arms Embargoes Their Impact on Arms Flows and Target Behaviour. A report by D. Fruchart, P. Holtom, S. T. Wezeman, D. Strandow and P. Wallensteen. SIPRI-2007.

⁵ С 2004 по 2011 гг. расходы на оборону в мире в номинальном выражении увеличились с 994,965 млрд долл. до 1639,972 млрд долл., то есть возросли в 1,65 раза.

⁶ Детальная информация по военным расходам всех стран Ближнего Востока и Северной Африки с 2004 по 2011 гг. имеется в Ежегоднике ЦАМТО-2012: статистика и анализ мировой торговли оружием: Глава 1. Мировые расходы на оборону в 2004–2011 гг. <http://armstrade.org/pages/main/magazines/yearly/report/1/index.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁷ Sam Perlo-Freeman, Elisabeth Sköns, Carina Solmirano and Helen Wiland. Trends in world military expenditure, 2012/SIPRI Fact Sheet From. 2013, 15 April. http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=458# (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁸ Список наиболее милитаризованных государств, по мнению аналитиков Боннского международного института конверсии, возглавляет Израиль (1-е место), за ним следуют Сирия (3-е), Иордания (5-е), Кувейт (8-е) и Саудовская Аравия (10-е). См.: Вероятность эскалации насилия на Ближнем Востоке и в Северной Африке: прогнозы экспертов. 2012, 19 января. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327503600> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁹ Общий стоимостной объем мирового импорта вооружений в 2004–2011 гг. составил 356,159 млрд долл.

¹⁰ Места в рейтинге регионов по объему заключенных контрактов в 2004–2011 гг. распределились следующим образом: 1) АТР (155,488 млрд долл.), 2) Ближний Восток (142,592 млрд долл.), 3) Западная Европа (51,671 млрд долл.), 4) Южная Америка и Мексика (35,291 млрд долл.), 5) Северная Америка (32,602 млрд долл.), 6) Северная и Северо-Восточная Африка (17,526 млрд долл.), 7) страны на постсоветском пространстве (10,123 млрд долл.), 8) Восточная Европа (6,456 млрд долл.), 9) Тропическая Африка с ЮАР (5,382 млрд долл.), 10) Центральная Америка и Карибский бассейн (791 млн долл.). Более детально см.: Ежегодник ЦАМТО–2012. Глава 3. Мировой экспорт ВнВТ в 2004–2011 гг. Центр анализа мировой торговли оружием. <http://www.armstrade.org> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

¹¹ Рынок вооружений стран Ближнего Востока в 2005–2012 гг. и прогноз на 2013–2016 гг. Аналитические материалы к выставке IDEX–2013. ЦАМТО. <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0217/102717125/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

¹² Более подробно о ТОП-20 см.: 20 наиболее крупных сделок по продаже вооружений. *Вестник актуальных прогнозов*. 2013, 15 января. <http://www.vestnikrf.ru/news/info/1510/> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.); Рейтинг 20 наиболее крупных сделок по продаже вооружений в 2012 году. ЦАМТО. 2012, 26 декабря. <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2012/1226/100516383/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

¹³ Ранжирование проведено по семи укрупненным категориям вооружений, представляемым странами в Регистр ООН по обычным вооружениям: бронетехника, военные самолеты и БЛА, вертолетная техника, военно-морская техника, ракетно-артиллерийское вооружение, средства ПВО и категория *другие вооружения*.

¹⁴ В стоимостном объеме экспорта учтены поставки новых вооружений, поставки из состава вооруженных сил стран-экспортеров, ремонт и модернизация. В анализе использованы данные ЦАМТО, представленные им к открытию выставки IDEX–2013 в Абу-Даби (ОАЭ). <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0217/102717125/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

А
Н
А
Л
И
З

¹⁵ Приведенные здесь и далее данные также проверяются по базе данных СИПРИ: Transfers of major conventional weapons: sorted by recipient. Deals with deliveries or orders made for year range 2004 to 2012. SIPRI Arms Transfers Database. http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

¹⁶ В категорию военные самолеты и БЛА включены многоцелевые истребители, штурмовики, самолеты-заправщики, самолеты базовой патрульной авиации, военно-транспортные самолеты, самолеты ДРЛОиУ, разведывательные самолеты, самолеты РЭР, самолеты связи, реактивные учебно-боевые самолеты, турбовинтовые учебно-тренировочные самолеты, а также все типы БЛА.

¹⁷ Рынок военных самолетов и БПЛА стран Ближнего Востока в 2005–2012 гг. и прогноз на 2013–2016 гг. ЦАМТО. 2013, 15 февраля. <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0217/102717125/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

¹⁸ В категорию бронетехника включены ОБТ, БМП, БМТВ, БТР, БРМ, бронированные автомобили, БРЭМ.

¹⁹ В категорию *другие вооружения* включены все типы ВиВТ, не входящие в основные категории, в частности это легкое стрелковое оружие, боевые модули для бронетехники, боеприпасы, радиостанции, двигатели всех типов, системы динамической защиты бронетехники, мишени, наשלменные системы, системы связи, системы целеуказания, тепловизоры, тренажеры и прочие системы вооружений.

²⁰ Более детально см.: Долевое распределение отдельных категорий ВиВТ в общем балансе экспорта ПВН в страны Ближнего Востока в 2005–2012 гг. ЦАМТО. 2013, 17 февраля. <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0217/102717125/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

²¹ В категорию вертолетная техника (вертолеты) включены ударные вертолеты, вертолеты ДРЛОиУ, противолодочные и морские патрульные вертолеты, тяжелые транспортные вертолеты, многоцелевые вертолеты среднего и легкого класса.

²² Более детально см.: Рынок военных вертолетов стран Ближнего Востока в 2005–2012 гг. и прогноз на 2013–2016 гг. ЦАМТО. <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0214/100217078/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.). Также см.: Долевое распределение отдельных категорий ВиВТ в общем балансе экспорта ПВН в страны Ближнего Востока в 2005–2012 гг.

²³ В категорию средства ПВО включены зенитные ракетные системы (комплексы) большой, средней и малой дальности, ПЗРК и ЗАУ.

²⁴ Долевое распределение отдельных категорий ВиВТ в общем балансе экспорта ПВН в страны Ближнего Востока в 2005–2012 гг.

²⁵ В категорию *военно-морская техника* включены боевые надводные корабли основного класса (авианосцы, эсминцы, фрегаты, корветы, минно-тральные корабли, танко-десантные корабли), подводные лодки, катера (ракетные, артиллерийские, патрульные, десантные, прибрежной и морской зоны).

²⁶ В стоимостный объем экспорта внесены поставки новой военно-морской техники, поставки из состава ВС стран-экспортеров, ремонт и модернизация. См.: Рейтинг стран-поставщиков по фактическому экспорту военно-морской техники в регион Ближнего Востока в 2005–2012 гг. ЦАМТО. 2013, 17 февраля. <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0217/115517128/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

²⁷ В категорию ракетно-артиллерийское вооружение включены ПТРК (ПТУР), РСЗО, артиллерийские системы (орудия ПА и САО), ПУ ОТР и ПУ ТР, минометы всех типов.

²⁸ Здесь и далее экспортно-импортные оценки представляются в порядке убывания.

²⁹ Для справки: за тот же период объем фактического экспорта США по категории *бронетехника* в страны Ближнего Востока составил 10,033 млрд долл.

³⁰ См.: Рынок бронетехники стран Ближнего Востока. ЦАМТО. 2013, 13 февраля. <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0213/094917053/detail.shtml> и <http://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2013/0217/102717125/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

³¹ Там же.

³² Заместитель генерального секретаря ООН Ян Элиассон на открытии Конференции ООН для обзора прогресса, достигнутого в осуществлении Программы действий по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбе с ней (27 августа — 7 сентября 2012 г.) озвучил другую цифру: ежегодно от пуля в мире гибнут около 500 тыс. человек.

³³ Документ СБ ООН S/PV.6288 (Resumption1) от 19 марта 2010 г.

³⁴ Доклад Генерального секретаря ООН «Стрелковое оружие». Документ СБ ООН S/2011/255. 2011, 5 апреля.

³⁵ Обзор стрелкового оружия—2012: движущиеся цели. См.: Small Arms Survey. <http://www.smallarmssurvey.org/>(последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

³⁶ Более подробно см.: Договор о торговле оружием: международный контроль за международной торговлей. Amnesty International, 2009. <http://amnesty.org.ru/node/703> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

³⁷ О количествах и категориях проданных ЛСО в перечисленные и другие страны, не относящиеся к нестабильным, см. документ ГА ООН A/65/113 от 15 июня 2010 г.

³⁸ Категории поставленных ЛСО и их количество см.: The Global Reported Arms Trade. The United Nations. <http://www.un-register.org/SmallArms/Index.aspx> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

³⁹ О количествах и категориях проданных ЛСО в перечисленные и другие страны, не относящиеся к нестабильным, см. документ ГА ООН A/67/212 от 30 июля 2012 г. и A/67/212/Add.1 2012, 21 сентября.

⁴⁰ Особенностью ПЗРК являются их возможности по поражению не только гражданских, но и военных самолетов на расстоянии от 5 до 7 км. Большая часть ракет этого вида ЛСО, включая, к примеру, системы СА советского (российского) производства, американской — ПЗРК *Стингер*, китайской *Вангард*, имеют малый вес и являются самонаводящимися на цель по ее инфракрасному (тепловому) излучению. Страны Ближнего Востока и Северной Африки проявляют все больший интерес к ПЗРК и его закупкам.

⁴¹ Более подробно см.: Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: основы, проблемы и перспективы. Под ред. Н. И. Калининой. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 70–77.

⁴² Там же.

⁴³ Полностью статистический материал по рынку Ближнего Востока см.: Мировая торговля оружием. 2013, № 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Более подробно см.: Долевое распределение отдельных категорий ВиВТ в общем балансе экспорта ПВН в страны Ближнего Востока в 2005–2012 гг.

⁴⁷ Мировая торговля оружием. 2013, № 2.

⁴⁸ В составлении прогноза также использован материал: Paul Holtom, Mark Bromley, Pieter D. Wezeman and Siemon T. Wezeman. Trends In International Arms Transfers, 2012. SIPRI Fact Sheet. 2013, March. http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=455# (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁴⁹ Долевое распределение отдельных категорий ВиВТ в общем балансе экспорта ПВН в страны Ближнего Востока в 2013–2016 гг. ЦАМТО. 2013, 17 февраля. <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0217/134017134/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

А
Н
А
Л
И
З

⁵² Там же.

⁵³ Мировая торговля оружием. 2013, № 2.

⁵⁴ Здесь и далее фактические цифры взяты из прогнозных оценок ЦАМТО, сделанных им к выставке IDEX-2013 в Абу-Даби. <http://www.armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0221/115517211/detail.shtml> (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁵⁵ В стоимостном объеме учтен планируемый импорт новых вооружений, импорт из состава ВС стран-экспортеров, ремонт и модернизация.

⁵⁶ Прогноз сделан на основании: 1) материалов СИПРИ: Government and industry data on the financial value of national arms exports, 1994–2011. *SIPRI*. 2013, 1 May. http://www.sipri.org/research/armaments/transfers/measuring/financial_values/gov_exp.xls (последнее посещение — 26 июля 2013 г.); 2) ежегодника ЦАМТО–2012: статистика и анализ мировой торговли оружием: Глава 3. Раздел 3.5. *Структура поставок ПВН странами-экспортерами по конкретным странам-импортерам* и раздел 3.6. *Детализированная структура военного экспорта России по конкретным странам-импортерам в 2004–2011 гг. и 2012–2015 гг.* ЦАМТО. http://www.armstrade.org/files/yearly_2012_3_1_1_1.pdf (последнее посещение — 26 июля 2013 г.).

⁵⁷ В структуре поставок ВиВТ Германии страны Ближнего Востока занимают третье место, что в процентном соотношении на ближайшую перспективу составит 25,5%, или около 4 млрд долл.

Юрий Федоров

КАЗАХСТАН: В ПРЕДЧУВСТВИИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Стратегическое значение Казахстана выходит за рамки Центральной Азии. Эта страна является значимым поставщиком нефти на европейский и китайский рынки¹. Еще важнее, что Казахстан представляет своего рода стратегический буфер, разделяющий Россию и северную часть Каспийского региона с одной стороны, и Киргизию, типичное *рухнувшее государство*, находящийся на грани краха Таджикистан и потенциально неустойчивый Узбекистан с другой. Если нынешний *петрифицированный* казахстанский режим рухнет, возможны не только перебои с экспортом нефти, появляется перспектива возникновения крупного регионального очага нестабильности, охватывающего большую часть Центральной Азии и Афганистан и непосредственно примыкающего ко всей южной слабо защищенной границе России. Нельзя исключать, что в этом случае Москве придется взять на себя крайне тяжелую и ресурсоемкую задачу поддержания стабильности в Казахстане силовыми методами.

Такой прогноз может показаться малообоснованным, относящимся к жанру низкопробной политической фантастики, поскольку на протяжении всех двадцати лет постсоветской истории Казахстан представлял классический образец авторитарной стабильности. В последнее время, однако, аналитики в связи с приближающейся сменой высшей власти все чаще говорят о возможности взрывной эскалации внутриэлитных противоречий в Казахстане и выходе там ситуации из-под контроля. В 2013 г. президенту Нурсултану Назарбаеву исполнилось 73 года, что, естественно, ставит вопрос о его личных и политических перспективах. Но дело не только в физическом возрасте президента. Назарбаев находится во главе Казахстана почти четверть века (считая от момента его избрания первым секретарем ЦК местной компартии в 1989 г.). За это время в элите не могли не появиться персонажи и группы, *уставшие* или *устающие ждать*, которых не устраивают установленные президентом порядки и правила игры и которые сами претендуют на высшую власть. Кроме того, созданный Назарбаевым механизм функционирования режима предполагает, что все сколько-нибудь значимые решения принимаются только им лично. Учитывая сокращающиеся физические возможности президента Казахстана, это приводит к накоплению нерешенных проблем, заметному снижению эффективности управления и в дальнейшем его коллапсу в целом.

Наконец, революции (точнее, то, что именуется революциями) в арабских странах показали, что многие авторитарные режимы, кажущиеся вполне благополучными и стабильными, на самом деле поражены глубокими внутренними недугами и могут рухнуть в любой момент. Предсказать заранее время и характер социально-политического взрыва, а также сочетание причин и поводов, переводящих латент-

А
Н
А
Л
И
З

ный кризис в открытую острую форму практически невозможно. Как свидетельствуют события в Египте и Тунисе этого не могли предвидеть не только внешние наблюдатели, но и местные службы безопасности, для которых такого рода анализ является важнейшей служебной обязанностью.

МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

Сохраняющаяся на протяжении 24 лет стабильность казахстанского режима обусловлена совокупностью нескольких причин. Прежде всего экономическое положение широких масс в Казахстане, особенно в последнее десятилетие, было заметно лучше, чем в других странах Центральной Азии. В 2000-е гг. уровень жизни в стране повышался. В частности, согласно официальной статистике, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась с 46% в 2001 г. до 5% в 2011 г.² По сравнению со второй половиной 1990-х гг. безработица снизилась в два раза, составив в 2010 г. 5,8% экономически активного населения по критериям Международной организации труда³. И хотя официальная статистика склонна приукрашивать ситуацию, и критерии прожиточного минимума могут быть существенно занижены, приведенные данные отражают реальные положительные изменения социально-экономической ситуации в стране.

Далее, в Казахстане не было и нет заметной политической силы или личностей, способных воспользоваться действительным или предполагаемым недовольством масс и трансформировать это недовольство в политические ожидания и действия. Официально зарегистрированные политические партии, в том числе называющие себя оппозиционными, на деле сотрудничают с президентской администрацией⁴. Бюрократическая, политическая и деловая элиты Казахстана находятся под внимательным наблюдением служб безопасности. Фигуры, уличенные или подозреваемые в действительно оппозиционных настроениях, недостаточной лояльности к Назарбаеву и, что еще опаснее, способные выступить его реальными соперниками, подвергаются преследованиям, ликвидируются или вынуждены бежать из Казахстана⁵.

В Казахстане практически нет сколько-нибудь влиятельных групп исламистского толка, которые в Узбекистане и Таджикистане представляют наиболее опасную для властей силу. Хотя 70% казахстанского населения считаются мусульманами, ислам в Казахстане (как и в северных районах Киргизии) никогда не имел политического влияния. Кроме того, Казахстан не граничит непосредственно с главным очагом распространения радикального ислама в Центральной Азии — Ферганской долиной. Правда, в последние годы в молодом поколении казахстанской элиты распространилось движение так называемых *коранитов*, его иногда называют *Islam-light*, лидеры которого демонстрируют далеко идущие властные амбиции. Однако в серьезную политическую силу это движение пока не превратилось⁶.

Однако главным фактором политической стабильности на протяжении практически всего периода существования Казахстана как независимого государства был механизм личной власти Нурсултана Назарбаева, позволявший ему контролировать элиту и манипулировать различными бюрократическими кланами и финансово-промышленными конгломератами, возникшими в процессе слияния экономических групп и бюрократических *клик*.

Этот механизм эволюционировал со временем, отражая происходящие в бюрократической и деловой элитах страны изменения. В частности, после краха СССР Нурсултан Назарбаев опирался, прежде всего, на преданные ему бывшие партийно-государственные кадры. Вместе с тем он целенаправленно выдвигал на ответственные посты представителей молодого поколения, постепенно формируя из них дополнительные опоры своего режима. Менялись принципы рекрутирования элиты.

Кланы. В 1990-е гг. продвижение по карьерной лестнице в государственных ведомствах и успехи в бизнесе во многом определялись принадлежностью к одному из трех жузов, родоплеменному клану, а также семейными связями. С начала 2000-х гг. на первое место среди факторов, определяющих кадровую политику Нурсултана Назарбаева, вышли безусловная лояльность и готовность выполнить любые его распоряжения, подкрепленные полной личной зависимостью от президента.

Вместе с тем вопрос о месте и значении племенных и семейно-родственных кланов и связей в экономической и политической жизни Казахстана остается открытым. Некоторые эксперты считают, что они по-прежнему играют важную, возможно, ключевую роль. Так, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ А. В. Грозин уверен: «В будущем нынешнему президенту придется согласовывать кандидатуру преемника со всеми основными кланами. Причем Большой или Южный Жуз (прежняя феодальная система власти на казахских просторах пережила даже Советскую власть) намерен укрепить свое влияние. Но вряд ли новый правитель будет из числа *назарбаевских*. Южане хотят видеть в качестве руководителя страны фигуру как можно знатнее, возможно даже, из династии Чингизидов»⁷. Другие же полагают, что казахстанские кланы формируются сегодня не столько на родственных связях, сколько на основе общности интересов, ведомственной и корпоративной принадлежности, отношениях типа *патрон–клиент*.

Сложившийся в Казахстане механизм власти выстроен вокруг президента, находящегося на вершине бюрократической пирамиды и принимающего все сколько-нибудь значимые кадровые, политические и экономические решения. В основе этого механизма лежит система *сдержек и противовесов*, позволяющая Нурсултану Назарбаеву выступать в качестве верховного арбитра в разрешении конфликтов и противоречий между различными бюрократическими кланами, финансово-промышленными конгломератами и несколькими спецслужбами, следящими друг за другом. Для политической тактики казахстанского президента характерны:

- стимулирование указанных противоречий;
- регулярное перемещение высших кадров с одного поста на другой, с тем чтобы предотвратить формирование устойчивых *клик* и *клиентел*, контролирующих соответствующие государственные ведомства и ориентированных на ту или иную фигуру из высших эшелонов власти;
- поощрение наиболее лояльных персонажей, в том числе путем назначения на должности, позволяющие перераспределять финансовые потоки в свою пользу; жестокое преследование заподозренных в нелояльности.

Старая гвардия. Несущей опорой режима Назарбаева является относительно устойчивая группа, состоящая из 10–12 человек, которую иногда называют *старой гвардией* президента. Она сформировалась в своем нынешнем составе к началу 2000-х гг. из лиц, пользующихся его максимальным доверием и расположением. Как писал казахстанский эксперт Мухамеджан Адилов, в эту группу входят те, кто зарекомендовал себя «в итоге долгой политической деятельности и государственной службы, а их влияние держится на проверенной десятилетиями репутации, полном или почти полном доверии лидера нации, наработанной годами привычке окружающих подчиняться и повиноваться, знании людей, их тайн, слабостей и сильных сторон, проверенных жизнью навыках негласного управления»⁸.

Впрочем, как уверяют оппозиционные средства информации, в полной мере казахстанский лидер не доверяет никому, а потому необходимым условием принадлежности к этой группе, как и вообще для занятия видного положения в бюрократической иерархии, является наличие компрометирующих материалов, позволяющих в любой момент возбудить против соответствующего персонажа уголовное дело.

Некоторые из членов ближайшего окружения президента занимают ключевые государственные посты, другие находятся на своего рода *теневых* должностях в качестве, главным образом, помощников или советников президента. Их фактическое положение в системе власти зависит не столько от формальной должности, сколько от возможности постоянного доступа к президенту и доверия, которое Назарбаев, обосновано или нет, питает к этим людям. Именно они являются исполнителями воли и наиболее деликатных поручений президента, в том числе касающихся его личных финансов, а также являются своего рода связующими звеньями между ним крупнейшими финансово-промышленными конгломератами. С одной стороны, с их помощью Назарбаев в той или иной мере контролирует эти конгломераты; с другой — последние используют свои доверительные контакты в ближайшем окружении президента для лоббирования собственных интересов.

Суммируя и перепроверяя разрозненные данные, приведенные в средствах массовой информации и веб-сайтах различной политической направленности, можно предположить, что наиболее известными и влиятельными фигурами *старой гвардии* являются:

- председатель Счетного комитета по контролю над бюджетом Аслан Мусин, до сентября 2012 г. возглавлявший администрацию президента⁹;
- руководитель администрации президента Карим Масимов, до 2012 г. бывший премьер-министром республики¹⁰;
- председатель правления Фонда национального благосостояния Самрук-Казына Умирзак Шукеев, до декабря 2011 г. занимавший пост первого вице-преьера¹¹;
- государственный секретарь Марат Тажин, до января 2013 г. бывший помощником президента и секретарем совета безопасности республики¹²;
- председатель Комитета национальной безопасности (КНБ) Нуртай Абыкаев¹³;
- заместитель премьер-министра Кайрат Келимбетов¹⁴;
- аким (губернатор) Астаны Имангали Тасмагамбетов¹⁵;
- аким Алма-Аты, племянник Назарбаева Ахмеджан Есимов¹⁶;
- один из богатейших предпринимателей страны Булат Утемуратов¹⁷;
- командующий Республиканской гвардией Амангедьды Шабдарбаев¹⁹;
- не занимающий с 2009 г. каких-либо официальных постов Нартай Дутбаев²⁰.

Из этой команды в апреле 2013 г. неожиданно выпал Канат Саудабаев¹⁸, возглавлявший до этого Назарбаев-центр и бывший одним из наиболее влиятельных людей в окружении президента.

Члены *старой гвардии* Нурсултана Назарбаева относятся к числу наиболее богатых людей Казахстана, но, за отдельными исключениями, не являются собственниками крупных компаний и холдингов. Главным источником их материального благополучия является близость к президенту.

На протяжении многих лет наиболее влиятельной фигурой *старой гвардии* был скончавшийся в сентябре 2010 г. Владимир Ни, личный друг и конфидент Назарбаева²¹. Он занимал руководящие должности в администрации президента и одновременно был одним из лидеров так называемого *корейского лобби* или *корейской группы интересов*, контролирующей одну из крупнейших

казахстанских корпораций *Казахмыс*. *Корейская группа*, помимо всего прочего, использовалась Нурсултаном Назарбаевым, чтобы осуществлять надзор над *евразийской группой* Машкевича–Ибрагимова–Шодиева²². «Надзор в первую очередь финансово-экономический, но и политический, идеологический и так далее»²³.

После смерти Владимира Ни казахстанские наблюдатели считают самыми крупными и влиятельными персонажами *старой гвардии* руководителя администрации президента Аслана Мусина, шефа КНБ Нуртая Абыкаева и секретаря совета безопасности Марата Тажина. Такое предположение вполне правдоподобно, учитывая роль администрации как фактически личного штаба Назарбаева (ее можно сравнить с аппаратом ЦК компартии в советский период) и КНБ как главной, хотя и не единственной структуры, сочетающей обычные функции службы государственной безопасности с функциями контроля над элитой. Именно КНБ ответственна за сбор информации о происходящих в высших эшелонах казахстанской власти процессах, выявление в ней недовольных президентом, а также за накопление компромата на все сколько-нибудь заметные фигуры в бюрократических и деловых кругах. В свою очередь, совет безопасности Казахстана играет роль третейского судьи, разбирающего конфликты между силовыми ведомствами, прежде всего МВД, КНБ и финансовой полицией и контролирующего их деятельность.

Семья. Закономерен вопрос о роли семьи президента в политической и экономической системе режима Назарбаева. Его зять, Тимур Кулибаев, возглавляет мощную финансово-промышленную группу, имеющую немалые ресурсы политического влияния²⁴. Некоторые племянники президента занимают видные, но не ключевые должности в государственных учреждениях и в бизнесе. Другие родственники Назарбаева играют заметную роль в экономике, контролируя ряд крупных компаний. Но в целом влияние семьи несопоставимо с влиянием *старой гвардии*. Но ни один из ближайших родственников президента, за исключением Ахмеджана Есимова, не входит в узкий круг лиц, являющихся его главной политической и силовой опорой. Похоже, что Назарбаев не испытывает особого доверия к своему семейному окружению, особенно после конфликта с бывшим зятем Рахатом Алиевым, завершившегося бегством и превращением последнего в главного противника президента за рубежом, а также сложными отношениями со старшей дочерью Даригой, бывшей супругой Алиева²⁵.

Финансово-промышленные группы. Наряду со *старой гвардией* важнейшую роль в казахстанской бюрократической и экономической элите играют четыре крупнейших финансово-промышленных группы (точнее, своеобразные конгломераты), имеющие разветвленные системы контактов с высшими бюрократическими кругами и контролирующие ведущие средства массовой информации.

1. Группа Тимура Кулибаева, контролирующая практически весь нефтегазовый рынок Казахстана, считается наиболее мощной с точки зрения финансовых возможностей и связей в государственном аппарате как на центральном, так и на региональном уровне. По слухам, с Тимуром Кулибаевым связана почти половина акимов (губернаторов) областей. Влияние этой группы резко возросло после поражения считавшейся до этого самой влиятельной силой в стране группировки Рахата Алиева–Дариги Назарбаевой.

О неоднозначном влиянии Тимура Кулибаева свидетельствует его назначение в апреле 2011 г. председателем акционерного общества *Фонд национального благосостояния Самрук-Казына*, предназначенного для руководства всеми государственными активами Казахстана, с последующим снятием в декабре. В группу *Фонда* входит более 500 крупнейших компаний страны, являющихся его дочерними или зависимыми организациями. Среди них — *Казмунайгаз*, *Казактелеком*, *Казпочта*, *Эйр Астана*, *Народный сберегательный банк Казахстана*, *Каза-*

томпром и другие ведущие компании и предприятия страны. Предполагается, что Тимур Кулибаев поддерживает тесные доверительные отношения с премьер-министром Каримом Масимовым, губернатором Астаны Имангали Тасмагамбетовым и Амангельды Шабдарбаевым.

2. Группа *Казкоммерцбанка*, контролируемая Нуржаном Субханбердиным, иногда считается элементом финансово-промышленной империи Тимура Кулибаева²⁶. Другие аналитики утверждают, что это самостоятельный игрок на экономической и политической сценах Казахстана, хотя и имеющий некоторые общие интересы с Т. Кулибаевым. В частности, в начале 2000-х гг. обе группы объединили усилия в противоборстве с группой Алиева–Назарбаевой.

Сердцевиной группы является основанный в 1990 г. *Казкоммерцбанк*, ставший краеугольным элементом всего банковского сектора. Это крупнейший коммерческий банк Казахстана, в настоящее время занимающий первое место по размеру активов, ссудного портфеля и собственного капитала и второе по размеру общих депозитов. В казахстанской аналитической публицистике можно встретить утверждение, что Нуржан Субханбердин и его окружение выражают интересы той части казахстанского бизнеса, прежде всего его молодого поколения, которая недовольна существующими в стране порядками. В какой мере это соответствует действительности, проверить практически невозможно.

3. *Евразийская группа*, сформировавшаяся в середине 1990-х гг., контролирует алюминиевую и хромовую промышленность, а также черную металлургию — отрасли, производящие 25–30% ВВП Казахстана. Во главе ее стоят Александр Машкевич, Патох (Фаттах) Шодиев и Алиджан Ибрагимов. Своим названием она обязана тому, что А. Машкевич и его коллеги позиционируют себя в качестве сторонников евразийской политико-философской доктрины, хотя в чем, собственно, это выражается, ясности нет.

Считается, что Александр Машкевич имеет более или менее тесный личный контакт с Назарбаевым, представляет наряду с некоторыми другими казахстанскими деятелями экономические и политические интересы президента в Европе, например, лоббировал, хотя без всякого успеха, представление Нурсултана Назарбаева к Нобелевской премии мира.

Вместе с тем предполагается, что в 2009 г. политическое влияние этой группы сократилось, поскольку в отставку был отправлен ее главный лоббист в высших эшелонах власти — Даниал Ахметов, занимавший в 2003–2007 гг. пост премьер-министра, а в 2007–2009 гг. — министра обороны. После устранения Д. Ахметова с политической арены основным *контактом* Александра Машкевича в высших эшелонах власти считается государственный секретарь Канат Саудабаев.

4. *Корейская группа* контролирует компанию *Казахмыс*, являющуюся крупнейшим производителем меди, некоторых других цветных металлов и электроэнергии в Казахстане. Ведущую роль в этой группе играют этнические корейцы, появившиеся в Казахстане в 1930-е гг. в результате массовых депортаций корейского населения с Дальнего Востока. Видные фигуры корейской диаспоры в Казахстане входят в политическую и деловую элиты страны и одновременно связаны с южно-корейскими экономическими кругами.

После смерти Владимира Ни на первое место в *корейской группе* выдвинулся Владимир Ким, самый богатый человек Казахстана, собственник почти 46% акций *Казахмыса*²⁷. В совет директоров *Казахмыса* входит брат президента, Болат Назарбаев. Главным связующим звеном *корейской группы* с высшим эшелоном власти является нынешний шеф госбезопасности Нуртай Абыкаев.

Группа Алиева–Назарбаевой: падение как иллюстрация. Крах группы Алиева–Назарбаевой в первой половине 2000-х гг. стал одним из важнейших, может быть даже наиболее важным эпизодом политической истории Казахстана. Он привел к серьезной перестройке системы *сдержек и противовесов*, с помощью которой Нурсултан Назарбаев контролирует положение дел в элите. Крах группы иллюстрирует нравы и порядки, доминирующие в казахстанской верхушке.

По мнению исследователей, группа Алиева–Назарбаевой сформировалась в середине 1990-х гг. Ее основными экономическими активами были принадлежавшая Рахату Алиеву компания *Сахарный центр*, монополизировавшая торговлю сахаром в стране; компания *Нефтяной центр*, занимавшаяся розничной продажей автомобильного топлива; и крупный частный банк *Нурбанк*.

Однако главными инструментами влияния этой группы стали связи и контакты Рахата Алиева в органах безопасности, а также контроль над ведущими средствами массовой информации и пропрезидентской партией *Асар* со стороны Дариги Назарбаевой. Она де-факто руководила крупнейшим казахстанским информационным холдингом *Алма-Медиа*, в который входили две крупные газеты, три телеканала, в том числе общенациональный канал *Хабар*, несколько радиостанций и информационное агентство *Kazakhstan Today*.

Карьера Рахата Алиева в правоохранительной системе началась в 1996 г., когда он был назначен первым заместителем начальника налоговой полиции. В 1999 г. его переводят в Комитет национальной безопасности начальником департамента по Алма-Ате; через год — первым заместителем председателя КНБ, а в 2001 г. — заместителем начальника Службы охраны президента. Иными словами, эта группа была не столько финансово-промышленным конгломератом, как все остальные формирования этого типа, сколько центром политического влияния, опирающимся на связи в госбезопасности и СМИ.

Падение Рахата Алиева началось в 2002 г., когда он был снят со всех своих постов в Казахстане, за исключением поста председателя Футбольного союза, и назначен послом в Австрию, что означало почетную ссылку. В 2005 г. Р. Алиев возвращается в Астану, на пост первого заместителя министра иностранных дел, но в феврале 2007 г. в очередной раз отправлен послом в Австрию. В мае 2007 г. он был смещен со всех постов и обвинен в серьезных уголовных преступлениях.

В Казахстан Рахат Алиев категорически отказался возвращаться и объявил о своем переходе в оппозицию в Назарбаеву, после чего он объявлен в международный розыск. За этим последовал развод с Даригой Назарбаевой, а в январе 2008 г. Р. Алиев был приговорен к 20 годам тюремного заключения. Его бывшая супруга лишилась политического влияния, потеряла империю СМИ и в конечном итоге сохранила лишь должности члена совета директоров *Нурбанка* и члена Политсовета президентской партии *Нур-Отан*, представляя в нем некий Фонд первого президента Казахстана. В 2009 г. Рахат Алиев опубликовал книгу *Крестный тесть*, раскрывающую малопривлекательные детали личной жизни и финансовых дел Назарбаева, что сделало примирение бывших родственников окончательно невозможным.

Официальная версия — совершение Алиевым уголовных преступлений — не объясняет возникновение конфликта Рахата Алиева с Нурсултаном Назарбаевым, даже если он действительно виноват в инкриминируемых ему деяниях. В Казахстане преступления, совершенные людьми из высшего руководства, сами по себе не являются причиной уголовного преследования. Столь же неубедительна версия самого Р. Алиева, который позиционирует себя в качестве последовательного сторонника демократизации страны.

Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что Алиев не смог скрыть президентские амбиции и переоценил потенциал своих сторонников в спецслуж-

бах. В итоге, во-первых, Нурсултан Назарбаев увидел в нем реального или потенциального соперника, имеющего силовую поддержку, и, во-вторых, лидеры других групп интересов объединились против Рахата Алиева с тем, чтобы не допустить нарушения сложившегося в высших эшелонах страны баланса сил и влияния. Нельзя исключать, что аналогичные причины могут привести к краху наиболее значимую сегодня группу Тимура Кулибаева.

Вместе с тем некоторые казахстанские аналитики уверены, что Рахат Алиев сохранил часть связей с бывшими подчиненными в системе госбезопасности, и в случае ухода с политической арены Нурсултана Назарбаева может вернуться в Казахстан и сыграть некоторую роль в борьбе за власть. Утверждается, что он и его бывшая супруга сохранили хорошие отношения и при изменении политической ситуации в стране могут выступить единым фронтом.

ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ 2011 Г.

Досрочные президентские выборы в апреле 2011 г., проведенные вместо очередных, запланированных на 2012 г., стали важным событием в политической жизни Казахстана и свидетельствовали о накоплении в ней кризисных явлений. Внешне канва событий выглядела следующим образом.

23 декабря 2010 г. несколько видных казахстанских общественных деятелей неожиданно для широкой публики предложили провести общенациональный референдум о продлении президентских полномочий Нурсултана Назарбаева до 2020 г. Эту идею немедленно поддержала Центральная избирательная комиссия, которая через четыре дня зарегистрировала *инициативную группу* по проведению такого референдума. К середине января 2011 г. было собрано более 5 млн подписей в поддержку референдума, или более 55% от числа граждан, имеющих право голоса. Парламент Казахстана единогласно утвердил соответствующие поправки в конституцию и направил их для утверждения в Конституционный совет. Представить себе, что столь масштабная политическая кампания, могущая иметь далеко идущие последствия, была начата не по инициативе президента, невозможно.

Однако Конституционный совет признал идею замены президентских выборов референдумом по продлению полномочий президента неконституционной. Нурсултан Назарбаев моментально согласился с этим решением и 31 января 2011 г. предложил провести досрочные президентские выборы в апреле 2011 г., что, естественно, было с энтузиазмом поддержано парламентом. Выборы состоялись 3 апреля 2011 г., Н. Назарбаев получил на них более 95% голосов и был переизбран на четвертый срок — до 2016 г.

Масштабы фальсификации на выборах, судя по всему, достаточно велики. Так, Казахстанское международное бюро по правам человека, осуществлявшее при поддержке *Freedom House* и Института открытого общества мониторинг участия в голосовании, подсчитало, что явка была на 21% ниже, чем сообщила Центральная избирательная комиссия²⁸. Тем не менее большинство избирателей все же проголосовали за Назарбаева. Это, по мнению экспертов, вызвано страхом рядовых казахстанцев, порожденным возможными политическими пертурбациями в случае его ухода.

Вместе с тем аналитики обращают внимание на то, что *всенародная поддержка* авторитарных лидеров отнюдь не означает прочности режима. Так, бывший президент Туниса Бен Али получил на выборах 2009 г. чуть меньше 90% голосов, а за бывшего президента Египта Хосни Мубарака на выборах 2005 г. проголосовали 88% избирателей²⁹.

Досрочные выборы поставили два вопроса: во-первых, почему Нурсултан Назарбаев очень легко отказался от инициированной им же идеи референдума? И во-вторых, зачем вообще ему были нужны досрочные выборы?

Отказ Н. Назарбаева от референдума о продлении его полномочий до 2020 г. и замена этого референдума досрочными выборами легко объясняются нежеланием окончательно испортить собственную репутацию на Западе. Понятно также (во всяком случае это единственное рациональное объяснение), что досрочные выборы понадобились Назарбаеву для того, чтобы продемонстрировать всем, и, видимо, в первую очередь казахстанской элите, собственную легитимность, политическую мощь и популярность в массах.

Самый интересный вопрос, однако: какова подлинная цель демонстрации своей политической мощи? Еще острее поставил похожий вопрос российский эксперт Аджар Куртов: «В конституционной практике других стран досрочные выборы обычно устраивают в период кризисов, когда требуется подтвердить мандат доверия то ли президенту, то ли парламенту, то ли кабинету министров. Но ведь в Казахстане такой ситуации сегодня нет [...] оставаясь в правовых рамках, трудно найти логику происходящего»³⁰. По сути дела, ответ на этот вопрос содержится в нем самом: если досрочные выборы проводятся, значит, в стране имеет место реальный или прогнозируемый руководством кризис.

Некоторые из официальных объяснений причин, вызвавших необходимость досрочных выборов, заведомо абсурдны. Так, директор Института мировой экономики и политики при Фонде первого президента Казахстана Султан Акимбеков заявил в начале 2011 г.: «Тактически мы тем самым пытаемся опередить аналогичные процессы, которые пройдут в 2012 г. в России, США и Китае. Учитывая, что Казахстан находится в самом центре Евразии, где сегодня идет серьезная геополитическая борьба интересов между этими странами (и смысл этой борьбы понятен и очевиден), лучше будет решить все свои вопросы заранее»³¹.

Эта точка зрения, которая высказывается и другими казахстанскими деятелями, не учитывает, что во время предвыборных кампаний и в первое время после них Москва и Вашингтон будут заниматься собственными внутренними проблемами и обратят внимание на Центральную Азию лишь в том случае, если там произойдут из рук вон выходящие события. Султан Акимбеков сообщил также, что решение о досрочных выборах принималось на фоне событий, происходящих на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и оно «лишний раз доказывает уверенность как самого Нурсултана Назарбаева, так и государства в целом в своих силах»³².

Действительно, возникает искушение связать досрочные выборы в Казахстане с событиями в арабских странах. Во время предвыборной кампании избирателям старательно внушалось, что в отличие от Ближнего Востока обстановка в Казахстане стабильна и страна движется к демократии по некоему собственному пути, отвечающему национальным особенностям. Однако предложение о референдуме было сделано 23 декабря 2010 г., то есть на день раньше, чем в Тунисе начались первые беспорядки. Понятно также, что соответствующее решение принималось, по крайней мере, за несколько дней до того, как эта идея была высказана вслух казахстанскими общественными деятелями. Вместе с тем можно предположить, что, принимая данное решение, Нурсултан Назарбаев и его окружение учитывали события в Киргизии, приведшие к смещению Курманбека Бакиева в результате объединения против него основных элитных групп.

В выступлениях других высокопоставленных казахстанских деятелей просматриваются и иные любопытные моменты. Так, советник президента по внутренней поли-

тике Ермухамет Ертысбаев сформулировал четыре тезиса, раскрывающих, по его мнению, причины появления идеи референдума и затем досрочных выборов:

- угроза новой волны финансового кризиса, которая породила политические проблемы;
- заинтересованность политической элиты Казахстана и непосредственно ближайшего президентского окружения в стабильности правил игры на ближайшее десятилетие;
- необходимость постепенного выстраивания системы, не замкнутой на одну личность со всеми вытекающими из этой замкнутости рисками и опирающейся на дееспособные институты;
- планы по созданию президентско-парламентской республики, где должна быть усилена роль законодательной власти и победившей на выборах партии, участвующей в реальном формировании правительства. При этом парламент должен будет реально выполнять функции диалогового механизма для основных политических сил³³.

Тезис о том, что казахстанская элита хочет как можно дольше сохранить Нурсултана Назарбаева во главе страны, в известном смысле, справедлив. Действительно, часть казахстанского истеблишмента опасается, что смена власти приведет к существенным и неблагоприятным для нее сдвигам в нынешней расстановке сил и влияния различных кланов и клик, а также к политическому кризису и, не исключено, хаотическому развитию событий вплоть до распада страны. Но само по себе это не объясняет, почему вместо очередных выборов понадобилось срочно проводить внеочередные, почти на два года раньше, чем это было запланировано, если только не предположить, что за это время могут произойти некие события, серьезно подрывающие позиции президента.

Интересны и заявления о готовящейся модернизации политической системы в результате снижения роли лидера и усиления институтов, прежде всего парламента. Теоретически, это абсолютно правильно, поскольку эффективно действующие институты снижают риск дестабилизации в случае кризиса или напряженности в высших эшелонах власти. Представляется, однако, что таким образом Нурсултан Назарбаев и его окружение стремятся заменить вопрос о преемнике, все сильнее волнующий казахстанскую верхушку, вопросом о реформировании парламента.

В целом же, наиболее правдоподобно, что досрочные выборы понадобились президенту для того, чтобы укрепить свои позиции в условиях накапливающихся в элитных кругах страны напряженности и раздражения, вызванных неясностью относительно перспектив высшего руководства. Как отмечал в начале 2011 г. российский аналитик Андрей Грозин: «Раздрай среди казахстанской элиты нарастает. В прошлом году он заметно усилился. Проявлением этого можно назвать грызню между силовиками, похожую на ту, которая наблюдалась в начале 1990-х гг. при Ельцине. В Казахстане схлестнулись местная служба госбезопасности, КНБ, с МВД. К этому следует добавить и бурно растущие амбиции налоговиков, финансовых служб, таможенников. Казахстанскую политическую элиту также нервировало и то, что своих постов лишились многие силовики, в том числе генералы, за коррупцию. В этой ситуации необходимо было законсервировать существующие порядки на как можно более длительное время, за которое и должен определиться преемник»³⁴.

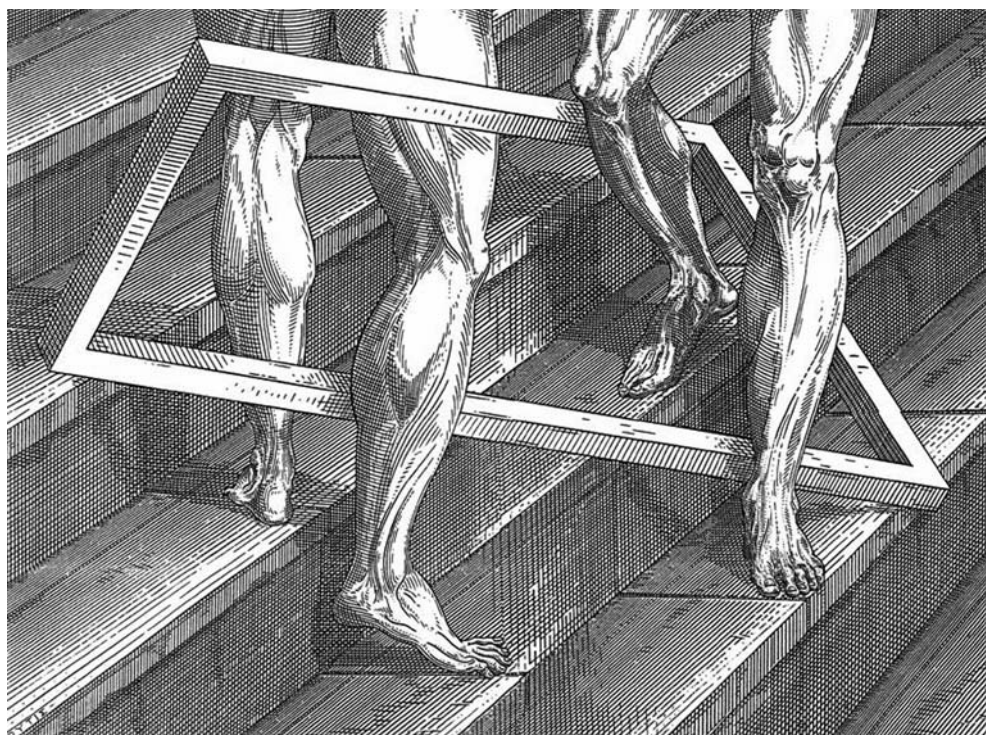
Видимо, в свете нарастающей борьбы за власть можно рассматривать наиболее важное кадровое перемещение, произведенное Нурсултаном Назарбаевым в преддверии выборов. Председатель Сената Касым-Жомарт Токаев был отправлен директором отделения ООН в Женеве, а на его должность был назначен

бывший генеральный прокурор Казахстана Кайрат Мами, заметно уступающий К.-Ж. Токаеву по реальному положению в высших эшелонах страны³⁵. Хотя роль Сената и парламента в целом в Казахстане минимальна, согласно Конституции его председатель становится во главе государства, если действующий президент ушел из жизни или не может исполнять свои обязанности.

ФАКТОРЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Созданный Назарбаевым механизм личной власти обеспечивал стабильное существование его режима на протяжении 20 с лишним лет. Он позволял президенту, как позволяет до сих пор, играть роль верховного арбитра в спорах и противоречиях различных групп кланов в бюрократической и экономической элитах. Последние, в этом специфика Казахстана, соперничали до сих пор не столько в борьбе за власть, сколько за благорасположение президента, которое, в свою очередь, определяет доступ к доходам от экспорта сырья и контролю над другими привлекательными сегментами национальной экономики, прежде всего, транспортом, телекоммуникациями и банками.

Еще в 2005 г. российские аналитики писали, что в Казахстане политическая борьба между различными группировками «велась не за электорат, а за влияние на главу государства. Во многом по этой причине в Казахстане практически отсутствует электоральная политика (в лучшем случае можно говорить о ее зачатках). Соответственно, теневая политика доминирует над публичной. Политические партии создаются не под идею или интересы социальных групп, а под конкретного человека или группу»³⁶. Сегодня, однако, все сильнее проявляются факторы нестабильно-

Иштван Орос. Ступени.

сти, которые не могут быть купированы существующей практикой функционирования режима.

Концентрация власти в руках Назарбаева чрезмерно высока. В итоге, по мере снижения его способности регулярно принимать осмысленные решения (вариант позднего Брежнева), в стране будет нарастать вакуум власти. Последний неизбежно обернется борьбой финансово-промышленных конгломератов, бюрократических группировок за политическую власть и контроль над силовыми ведомствами и ключевыми регионами. В частности, об этом говорят серьезные кадровые перестановки 2012–2013 гг., а наблюдатели отмечают усиление сепаратистских настроений в западных областях, где находятся основные месторождения нефти.

Теоретически такое развитие событий можно предотвратить двумя путями. Первый — выбор преемника, который при помощи действующего президента постепенно овладевает важнейшими рычагами управления и получает поддержку наиболее влиятельных фигур режима. Подобный вариант был осуществлен в Азербайджане и в Северной Корее. Некоторые эксперты видят в качестве преемника Н. Назарбаева Тимура Кулибаева, однако убедительных подтверждений этому нет. Это не случайно: назначение де-факто преемника, в какой бы форме оно ни произошло, обернется сокращением власти самого президента, превращающегося в *хромую утку*. Скорее всего, для Нурсултана Назарбаева это неприемлемо.

Второй путь — заведомое согласование ведущими деятелями режима, руководителями армии и спецслужб кандидатуры преемника и, в случае форс-мажорных обстоятельств, во избежание хаоса ее выдвижение для утверждения высшим эшелоном власти и последующего прохождения всех конституционных формальностей. Видимо, нечто подобное имело место в Туркмении перед смертью бывшего президента Сапармурата Ниязова. Этот вариант крайне рискованный, поскольку если Нурсултан Назарбаев узнает о том, что за его спиной происходит такого рода сговор — все его участники будут немедленно репрессированы.

Другой источник напряженности в казахстанском обществе вызван закрытым характером элиты. Для представителей не элитных социальных групп доступ в высшие эшелоны государственной власти, бизнеса и политики практически невозможен. В итоге в Казахстане накапливается контрэлита, состоящая главным образом из молодых и относительно молодых амбициозных выходцев из низшего и среднего класса, получивших высшее образование. Такие социальные группы, что еще раз подтвердили события *арабской весны*, являются движущей силой оппозиционных выступлений. В случае борьбы за власть между различными кланами в высших кругах казахстанского истеблишмента, контрэлитные группы образуют политическую базу той группы, которая выдвинет наиболее привлекательные для них лозунги.

В целом же, дальнейшие перспективы Казахстана зависят от того, сумеют ли ведущие экономические и бюрократические группировки, по крайней мере большинство из них, выработать единую позицию относительно будущего лидера страны. Наиболее распространенный вариант заключается в том, что в ходе закулисных консультаций и компромиссов на высший пост выдвигают наиболее слабую фигуру, не имеющую собственной силовой и экономической базы, сопоставимой с соответствующими возможностями других персонажей и группировок.

Однако, как показывает опыт многих авторитарных режимов, лидер, которого рассматривали как временную, переходную фигуру, обретает контроль над основными рычагами власти и устанавливает собственную диктатуру. Если же этого не происходит, страна постепенно сползает к нестабильности и хаосу.

Примечания

¹ По данным на 2010 г., доказанные запасы [proved reserves] нефти в Казахстане составляли 2,9% мировых запасов. Добыча нефти в Казахстане в 2010 г. достигла 81,6 млн тонн или 2,1% мировой добычи при внутреннем потреблении 12,5 млн тонн. См.: BP Statistical Review of World Energy. June 2011. P. 6, 10, 11.

² Доля населения Казахстана, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, снизилась до 5%. Новости–Казахстан. 15 декабря 2011 г., <http://newskaz.ru/society/20111215/2290731.html> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

³ Kazakhstan Unemployment Rate. Index Mundi, http://www.indexmundi.com/kazakhstan/unemployment_rate.html (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

⁴ В Казахстане зарегистрированы девять политических партий:

1) *Нур Отан* — пропрезидентская, единственно представленная в парламенте партия, на выборах 2007 г. в Меджлис (нижняя палата парламента) получила почти 89% голосов;

2) Общенациональная социал-демократическая партия *Азат*, называющая себя оппозиционной, на выборах 2007 г. получила 4,5% голосов;

3) Демократическая партия *Ак-Жол*, считающая себя «конструктивной оппозицией», на выборах 2007 г. получила 3,09% голосов;

4) Демократическая партия *Адилет*, в выборах 2007 г. не участвовала;

5) Казахстанская социал-демократическая партия *Ауул*, на выборах 2007 г. получила 1,5% голосов;

6) Коммунистическая партия Казахстана, в выборах 2007 г. не участвовала;

7) Коммунистическая народная партия Казахстана, на выборах 2007 г. получила 1,3% голосов;

8) Партия патриотов Казахстана, на выборах 2007 г. получила 0,8% голосов;

9) Партия зеленых *Руханият*, на выборах 2007 г. получила 0,4% голосов.

⁵ 1) Бывший во второй половине 1990-х гг. премьер-министром Акежан Кажегельдин обвинен в коррупции, бежал из страны. В 2002 г. вся касающаяся его информация, удалена из информационной системы Интерпола.

2) В марте 2004 г. аким (губурнатор) Алма-Аты Заманбек Нуркадилов объявил о намерении выставить свою кандидатуру на следующих президентских выборах. В ноябре 2005 г. найден мертвым в своем доме с двумя огнестрельными ранениями в грудь и одним в голову. Официальная причина смерти — самоубийство.

3) Алтынбек Сарсенбаев, занимавший важные государственные посты вплоть до 2004 г., в 2004 г. обвинил власти в подтасовке выборов и создал оппозиционную партию *Настоящий Ак-жол*. Убит в 2006 г. офицерами элитного подразделения Комитета национальной безопасности.

4) Бывший зять президента Рахат Алиев обвинен в государственных преступлениях, бежал из Казахстана в 2007 г. Крупные бизнесмены и государственные деятели Мухтар Аблязов и Галимбек Жакиянов эмигрировали и в настоящее время возглавляют оппозиционные группы в Европе.

⁶ Движение *коранитов* возникло предположительно в 2008 г. в Атырауской области. Во главе его стоит Аслбек Мусин, сын тогдашнего акима (губернатора) этой области Аслана Мусина, ныне руководителя администрации президента. По данным казахстанской прессы, получает финансовую и административную поддержку крупного бизнеса, прежде всего нефтяного, и государственных органов. Насчитывает 70–100 тыс. членов, главным образом из числа молодого поколения казахстанской элиты. Организационными и идеологическими центрами являются Общественное объединение *Изги Амал*, Конгресс мусульманской молодежи и газета *Наш Мир*. *Кораниты* отрицают Сунну, считающуюся вторым после Корана источником шариата, что приводит к заметному ослаблению норм и запретов, характерных для классического ислама. *Кораниты* видят свою задачу в противодействии радикальному исламу, считающемуся главным противником существующих в мусульманском мире, в том

А
Н
А
Л
И
З

числе в Центральной Азии, авторитарных режимов. Претендуют на ведущую роль в стране на следующих этапах политического цикла.

См.: Талгат Адилев. Казахстанские кораниты: элита будущего или ответ радикальному исламу? Информационно-аналитический центр. 23 июля 2009 г., <http://www.ia-centr.ru/expert/5313/> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

⁷ Без Назарбаева Казахстану угрожает распад. *Pravda.Ru*. 14 января 2011 г., <http://www.pravda.ru/world/formerussr/other/14-01-2011/1063515-elbasi-1/#> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

⁸ Мухамеджан Адилев. Три большие проблемы Назарбаева. *Евразия*. 16 сентября 2010 г. <http://eurasia.org.ru/index.php?sobytiya-i-mneniya/2010-09-14-080222.html> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

⁹ Аслан Мусин, 1954 г.р. Окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства. В 1979–1991 гг. — в аппарате компартии Казахстана. В 1995–2006 гг. — губернатор Актюбинской, затем Атырауской областей. В 2006–2008 гг. на руководящих постах в центральных органах власти. В 2008–2012 гг. — руководитель администрации президента.

¹⁰ Карим Масимов, уйгур, 1965 г.р. Окончил Университет дружбы народов им. Патрицы Лумумбы в Москве (по информации Рахата Алиева, высшего образования не имеет). До 2003 г. работал в банковской сфере и внешнеэкономических организациях. В 2003–2006 гг. — помощник президента. В 2006–2007 гг. — заместитель премьер-министра. В 2007–2012 гг. — премьер-министр.

¹¹ Умирзак Шукеев, 1964 г.р. Окончил Московский экономико-статистический институт. В 1992–1993 гг. — консультант Высшего экономического совета при президенте Казахстана, сотрудник аппарата президента. В 1993–95 гг. — заместитель акима Южно-Казахстанской области. В 1995–1997 гг. министр экономики, заместитель премьер-министра. В 1997–1998 гг. — председатель правления банка *Туран-Алем*. В 1998–2009 гг. — аким Астаны, Костанайской и Южно-Казахстанской областей. В 2009–2011 гг. — первый вице-премьер правительства.

¹² Марат Тажин, 1960 г.р. Окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства. До 1992 г. — на преподавательской работе. С 1992 г. по настоящее время — с перерывами работает в администрации президента, сегодня помощник президента по национальной безопасности — секретарь Совета безопасности. В 2001 г. — председатель КНБ. В 2007–2009 гг. — министр иностранных дел. В 2009–2013 гг. — помощник президента, секретарь совета безопасности.

¹³ Нуртай Абыкаев, 1947 г.р. Окончил Уральский политехнический институт и Алма-Атинскую высшую партийную школу. С середины 1980-х гг. — помощник Н. Назарбаева, после распада СССР — руководитель Аппарата президента. В 1995–1996 гг. — посол в Великобритании. В 1996–2007 гг. первый помощник президента, председатель КНБ, руководитель администрации президента. В 2007–2008 гг. — посол Казахстана в России. В 2008–2010 гг. — первый заместитель министра иностранных дел. С 2010 г. — председатель КНБ.

¹⁴ Кайрат Келимбетов, 1969 г.р. Окончил Московский государственный университет. До 2002 г. на преподавательской работе, затем в аппарате администрации президента и других государственных ведомств. Последняя должность — вице-министр финансов. В 2002–2006 гг. — министр экономики и бюджетного планирования. В 2006–2008 гг. — председатель правления Фонда устойчивого развития *Казына*. В 2008 г. — руководитель администрации президента. В 2008–2011 гг. — председатель правления Фонда национального благосостояния *Самрук-Казына*, одновременно председатель советов директоров *КазМунайГаз* и *Казахстан темир жолы*.

¹⁵ Имангали Тасмагамбетов, 1956 г.р. Окончил Уральский педагогический институт им. А.С. Пушкина. В 1989–91 гг. был первым секретарем казахстанского комсомола, что, согласно советским порядкам, означало близость к руководителю партийной организации республики. В 1991–2002 гг. — председатель государственного комитета по делам молодежи; помощник президента; заместитель премьер-министра; министр образования и культуры; заместитель руководителя администрации президента; первый помощник президента; аким Атырауской области. В 2002–2003 гг. — премьер-министр. В 2003–2004 гг. — государственный секретарь. В 2004 г. — руководитель администрации президента. В 2004–2008 годах — аким Алма-Аты. С апреля 2008 г. — аким Астаны.

¹⁶ Ахметжан Есимов, 1950 г.р. Окончил Казахский сельскохозяйственный институт, Академию общественных наук при ЦК КПСС. В 1990–1991 гг. — первый заместитель председателя Госагропрома Казахской ССР. В 1992–1998 гг. глава Алма-Атинской областной администрации; заместитель премьер-министра; государственный секретарь; первый заместитель премьер-министра; руководитель администрации президента. В 1998–2001 гг. — посол в странах Бенилюкса. В 2001–2008 гг. — министр сельского хозяйства; заместитель премьер-министра. С 2008 г. — аким Алма-Аты.

¹⁷ Болат Утемурастов, 1957 г.р. Окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства. До 1992 г. — на преподавательской работе, затем в торговых организациях. В 1992–1993 гг. директор Казахского торгового дома в Австрии. В 1993–1999 гг. — заместитель министра внешнеэкономических связей; первый заместитель министра промышленности и торговли; посол в Швейцарии. В 1999–2003 гг. — помощник президента. В 2003–2006 гг. — секретарь Совета безопасности. В 2006–2008 гг. — управляющий делами президента. С 2008 г. — внештатный советник президента. По слухам, близок с Канатом Саудабаевым и Умирзаком Шукеевым.

¹⁸ Канат Саудабаев, 1946 г.р. Окончил Ленинградский институт культуры и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Последняя должность в советский период — председатель Государственного комитета Казахстана по культуре. В 1991–1999 гг. — посол в Турции, Великобритании, Швеции. В 1999–2000 гг. — руководитель канцелярии премьер-министра. В 2000–2007 гг. — посол в США. В 2007–2009 гг. — государственный секретарь. В 2009–2011 гг. — министр иностранных дел. Фигурант крупного международного сексуального скандала: в 2010 г. вместе с группой российских и казахстанских бизнесменов был задержан турецкой полицией во время оргии на борту яхты. С апреля 2011 г. — государственный секретарь.

¹⁹ Амангельды Шабдарбаев, 1950 г.р. Окончил Казахский институт физической культуры. С 1976 г. в КГБ СССР. До декабря 1986 г. Шабдарбаев руководил личной охраной тогдашнего первого секретаря компартии Казахстана Динмухамеда Кунаева. Судя по всему, в это время сблизился с председателем Совета министров Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. После декабрьских событий 1986 года был уволен из КГБ по подозрению в содействии студентам, протестовавшим против снятия Д. Кунаева, но сохранил связи с Н. Назарбаевым. С 1992 г. — начальник службы охраны президента и время от времени на руководящих постах в КНБ. С 2006 г. — председатель КНБ. В 2009–2011 гг. советник президента.

²⁰ Нартай Дутбаев, 1956 г.р. Окончил Казахский политехнический институт и высшее учебное заведение КГБ СССР в Москве. В 1986–1993 гг. — в УКГБ/УКНБ по Алма-Атинской области. В 1993–1997 гг. — заместитель начальника, начальник главного управления контрразведки КНБ. В 1997–1998 гг. — начальник УКНБ по Павлодарской области. В 1998–1999 гг. заместитель председателя КНБ, директор службы внешней разведки КНБ. В 2001–2006 гг. — председатель КНБ. В феврале 2006 г. подал в отставку в связи с убийством политика Алтынбека Сарсенбаева. В 2006–2009 гг. — начальник Академии КНБ, советник президента, вице-президент *Казатомпром*. С 2009 г. не занимает официальных постов.

²¹ Владимир Ни, 1933 г.р., скончался в 2010 г. Кореец. Окончил Казахский горно-металлургический институт. В 1990–1999 гг. — на руководящих должностях в управлении делами президента. В 1999–2010 гг. — член правления, вице-председатель, председатель совета директоров *Казахмыс*.

²² 1) Александр Машкевич, 1954 г.р. Окончил Киргизский государственный университет. В 1994–1999 гг. — председатель совета директоров *Евразийского банка*, соучредитель и вице-президент компании *Eurasian Natural Resources Corporation*. С 2001 г. — президент Евроазиатского Еврейского Конгресса.

2) Патох (Фаттах) Шодиев, 1953 г.р. Узбек. Окончил МГИМО МИД СССР в 1976 г. Совладелец компании *Eurasian Natural Resources Corporation*. В 2005 г. избран президентом Всемирного фонда за демократию.

3) Алиджан Ибрагимов, 1953 г.р. Уйгур. Окончил Московскую ветеринарную академию. В 1994–1998 гг. — председатель совета директоров *Евразийского банка*. С 2002 г. — президент *Казхром*. С 2004 г. — председатель совета директоров *Казхром*. Совладелец компании *Eurasian National Resources Corporation*.

²³ Мухамеджан Адиллов. Три большие проблемы Назарбаева...

А
Н
А
Л
И
З

²⁴ Тимур Кулибаев, 1966 г. р. Окончил Московский государственный университет. Сын Аскара Кулибаева, в прошлом первого секретаря Гурьевского обкома компартии, а затем министра строительства. Женат на Динаре, средней дочери Нурсултан Назарбаева. В 1992–2001 гг. — на руководящих должностях в концерне *Алтын Алма, АТФ Банке*, государственном комитете Казахстана по инвестициям. Возглавлял компании *КазТрансОйл* и *Транспорт Нефти и Газа*. В 2002–2005 гг. — первый вице-президент компании *КазМунайГаз*. В 2006–2007 гг. — заместитель исполнительного директора Казахстанского холдинга по управлению государственными активами *Самрук*. С 2008 г. — председатель совета директоров *Казатомпром*. С 2009 г. — председатель совета директоров *КазМунайГаза*. С апреля 2011 г. — председатель правления Фонда национального благосостояния *Самрук-Казына*. Вместе с супругой владеет контрольным пакетом акций *Халык-банка*, четвертого по величине в Казахстане.

²⁵ Рахат Алиев, 1962 г. р. Окончил Алма-Атинский государственный медицинский институт. Сын крупного казахстанского хирурга академика Мухтара Алиева. В 1985 г. женился на Дариге, старшей дочери Нурсултана Назарбаева, в то время председателя Совета министров Казахской ССР. С 1993 г. занимался коммерческой деятельностью.

²⁶ Нуржан Субханбердин, 1965 г. р. Сын писателя Салькена Субханбердина, внучатый племянник академика Шафика Чокина. Окончил Казахский государственный университет и факультет экономики МГУ. Председатель совета директоров и основной акционер *Казкоммерцбанка*. Входил в состав политсовета демократической партии *Ак Жол*.

²⁷ Владимир Ким, 1960 г. р. Кореец. Окончил строительный вуз. До 1991 г. работал инструктором райкома компартии, затем заместителем председателя райисполкома в Алма-Ате. Президент и крупный акционер корпорации *Казахмыс*, занимающейся добычей и переработкой цветных и драгоценных металлов.

²⁸ Явка на выборах в Казахстане была на 1% ниже данных ЦИК: Бюро по правам человека. *Regnum*, <http://www.regnum.ru/news/1391340.html> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

²⁹ Вальдемар Краус. Назарбаев круче Лукашенко. *International Expert Center for Electoral Systems*. 9 апреля 2011 г., <http://www.elections-ices.org/russian/publications/textid:10261/> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

³⁰ Казахстан: Зачем Нурсултану Назарбаеву досрочные президентские выборы (комментарии экспертов). *Информационное агентство Фергана*. 31 января 2011 г., <http://www.fergananews.com/article.php?id=6886> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

³¹ Казахстан после выборов ждет ускоренная модернизация, считают эксперты. *РИА Новости*. 10 марта 2011 г., <http://www.rian.ru/world/20110310/344652961.html> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

³² Там же.

³³ Что ждать от президентских выборов в Казахстане? *Таможенный Союз: Независимое Обозрение*. 28 марта 2011 г., <http://www.customsunion.ru/info/2896.html> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

³⁴ Без Назарбаева Казахстану угрожает распад...

³⁵ Касым-Жомарт Токаев, 1953 г. р. Окончил МГИМО МИД СССР, Пекинский лингвистический институт и Дипломатическую академию МИД РФ. С 1992 г. — заместитель министра иностранных дел. С 1994 г. — министр иностранных дел. С 1999 г. — заместитель премьер-министра, министр иностранных дел. В 1999–2002 гг. — премьер-министр. В 2002–2007 — министр иностранных дел. В 2007–2011 годах — председатель Сената.

³⁶ Группы влияния во властно-политической системе Республики Казахстан. *Zona.Kz*. 29 ноября 2005 г., <http://www.zonakz.net/articles/10280> (последнее посещение — 26 апреля 2013 г.).

Даурен Абен, Артем Блащаница, Евгений Бужинский,
Дмитрий Ковчегин, Владимир Орлов, Александр Чебан

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ОМУ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Доклад «Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности» выпущен ПИР-Центром в сентябре 2013 г. Он является результатом проекта, который продолжался год.

В докладе проанализированы уроки, которые следует извлечь из опыта деятельности международных механизмов по противодействию распространению оружия массового уничтожения (ОМУ) и укреплению физической ядерной безопасности (ФЯБ), а также изложены предложения по поводу того, как можно было бы улучшить эффективность данных механизмов.

В докладе раскрываются те механизмы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и ФЯБ, которые на данный момент представляются наиболее востребованными и перспективными, в частности:

- программа Нанна–Лугара и новый формат российско-американского сотрудничества в ядерной области, который пришел на смену этой программы после подписания российско-американского Соглашения о сотрудничестве по Рамочному соглашению о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации от 21 мая 2003 г. и Протоколу к этому Рамочному соглашению от 14 июня 2013 г. (далее Соглашение о сотрудничестве по соглашению о МНЭПР, или Соглашение от 14 июня 2013 г.);
- деятельность Международного научно-технического центра (МНТЦ), ее итоги и перспективы;
- текущее состояние и перспективы двустороннего российско-американского и многостороннего сотрудничества по улучшению ФЯБ и противодействию распространению ОМУ в третьих странах (странах СНГ, Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии).

Доклад ПИР-Центра «Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности» носит прикладной характер. С его основными положениями и выводами было ознакомлено руководство МИД РФ, других профильных министерств, ведомств, Госкорпорации Росатом и предприятий атомной отрасли. Основные выводы и положения доклада также доведены до сведения всех государств — участников Глобального партнерства. Сегодня мы знакомим с ними наших читателей.

Открывает доклад работа В. А. Орлова и А. Я. Чебана «**Общие принципы будущего российско-американского сотрудничества в ядерной области: 20 тезисов для Нового партнерства**». Эта глава носит программный характер и концентрирует в себе основные предложения ПИР-Центра по реформатированию двустороннего российско-американского сотрудничества в сфере физической ядерной безопасности и нераспространения ОМУ.

Основная мысль представленных тезисов заключается в том, что Россия и США сделали правильный выбор, когда не стали безвозвратно сворачивать сотрудничество после окончания программы Нанна–Лугара, а вместо этого нашли новый равноправный формат взаимодействия, подписав Соглашение о сотрудничестве по МНЭПР. В то же время этим соглашением российско-американское сотрудничество в области нераспространения и ФЯБ не должно ограничиваться.

Предлагается наращивать сотрудничество в таких областях, как нераспространение химического и биологического оружия, причем основной ареной для двустороннего сотрудничества должны стать третьи страны. Это позволит избежать тех сложностей в развитии двустороннего взаимодействия, которые существовали в период действия американских проектов программы Нанна–Лугара на территории России.

Среди конкретных предложений по развитию российско-американского сотрудничества, названного *Новым партнерством (НП)*, можно выделить:

- Направление по уничтожению химического оружия (УХО) в рамках российско-американского сотрудничества целесообразно продолжить в третьих странах, где может быть использован российский опыт в этой сфере.
- Направление по обеспечению безопасности ядерных боеприпасов, а также предприятий атомной отрасли в России за счет американской помощи должно быть завершено — здесь задачи решены, возвращаться к нему нецелесообразно.
- На Ближнем Востоке интересным для России представляется переобучение ученых-ядерщиков, военных химиков и биологов из Ирака и Ливии, осуществляемое совместно с США.
- Крайне полезной может быть реализация совместных программ в Пакистане, где США работают уже давно, выделяя этой стране значительные средства на программу предотвращения хищения ядерных материалов. В Афганистане для России может быть интересным совместное с США обучение специалистов в области экспортного контроля и второй линии защиты. Россия и США могли бы содействовать повышению уровня радиационного мониторинга на границах Афганистана, а также реализации в этой стране программы по предотвращению хищения ядерных материалов с целью не допустить их нелегальный транзит через афганскую территорию. Весьма полезным здесь может оказаться опыт применения российских радиационных мониторов *Янтарь*.
- Противодействие ядерному терроризму, оценка и моделирование угроз также должны стать элементами *НП*. К тому же параметры сотрудничества здесь уже очерчены. Одним из наиболее эффективных инструментов сотрудничества в этой области является ГИБАЯТ.
- Развитие российско-американского сотрудничества по нераспространению в сфере образования — то направление *НП*, которое наименее противоречиво, наименее политизировано и остро востребовано уже сегодня. Обмен опытом, совместная передача знаний молодому поколению станут условиями для обеспечения устойчивости двухстороннего диалога по проблемам нераспространения и ФЯБ.

- Всем текущим проектам в рамках программы Нанна–Лугара, которые еще не завершены, надо дать возможность планомерно завершиться, не прерывая их, но и не начиная новых проектов или новых фаз действующих проектов.
- Одной из основных движущих сил реализации проектов *НП* должны стать российские бизнес и промышленность — точно так же, как одним из главных двигателей программы Нанна–Лугара всегда был интерес американского бизнеса, приближенного к Пентагону и Министерству энергетики США (*Ратеон, Парсонс, Хелибертон, Бектел* и др.). Американский бизнес и сейчас действует инициативно. Важно, чтобы российский не отставал. России необходимо выработать принципы государственно-частного партнерства, которое должно увеличить возможности России по финансированию проектов в третьих странах. В перспективе Россия должна быть готова играть с США в третьих странах пятьдесят на пятьдесят (в том числе в вопросах финансирования). Иначе сама идея равноправного партнерства будет скомпрометирована.

Во второй главе «Уроки и перспективы двустороннего (российско-американского) и многостороннего сотрудничества в области нераспространения: пример Программы Нанна–Лугара и Глобального партнерства»

Е. П. Бужинский анализирует опыт развития двух механизмов нераспространения, а также их уроки для дальнейшего развития двустороннего и многостороннего сотрудничества в области нераспространения ОМУ и ФЯБ. По мнению Е. П. Бужинского, иногда негативные аспекты программы Нанна–Лугара значительно переоценивают. Например, Е. П. Бужинский критически оценивает мнение некоторых представителей российского министерства обороны по поводу того, что благодаря программе Нанна–Лугара американцы получили массу секретной информации о российских военных ядерных объектах. По мнению автора, во время проведения работ по улучшению физзащиты этих объектов за счет госбюджета США и инспектирования этих работ американскими представителями последние имели доступ только к периметру секретных объектов, и никакой чувствительной информации они не могли получить.

Е. П. Бужинский критически оценил перспективы российско-американского сотрудничества в области противодействия биологическим угрозам. По мнению автора, налаживанию двустороннего сотрудничества в этой сфере препятствует высокий уровень недоверия между двумя странами. Например, американские представители склонны подозревать Россию в проведении биологических разработок военного назначения. В сфере биологии, по мнению эксперта, более целесообразно развивать сотрудничество на многостороннем, а не на двустороннем уровне, в частности в рамках такого механизма, как программа «Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения».

В третьей главе «**Правовые механизмы соглашения МНЭПР: применение в новом российско-американском соглашении о сотрудничестве в ядерной области**» А. Я. Чебан рассматривает правовые механизмы соглашения о Многосторонней ядерно-экологической программе (МНЭПР), которые легли в основу нового российско-американского соглашения по ядерному сотрудничеству. В главе дается оценка того, насколько соответствуют данные механизмы интересам России. В итоге был сделан вывод о том, что после подписания нового соглашения сотрудничество между Россией и США стало в полной мере равноправным, и в этом заключается его главное отличие от программы Нанна–Лугара. Учтены фактически все озабоченности России, в частности вопрос о преднамеренном ядерном ущербе.

В четвертой главе «**Российско-американское сотрудничество в области физической ядерной безопасности: опыт программы ФЗУК ЯМ**» Д. А. Ковчегин отметил следующие достижения двустороннего взаимодействия в области ФЯБ:

1. Российские ядерные объекты, участвующие в Программе, оборудованы современными системами безопасности.

2. Созданы два национальных центра подготовки персонала в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов, которые ежегодно проводят несколько десятков курсов подготовки по различным вопросам ФЗУК ЯМ и в которых принимают участие несколько сотен специалистов с российских ядерных объектов.
3. Разработан значительный объем нормативных документов, регулирующих деятельность в области ФЗУК ЯМ.

Среди конкретных направлений дальнейшего сотрудничества, по которым позиции России и США близки, Д. А. Ковчегин предлагает следующие:

1. Продвижение принципа: атомная энергетика — не только право, но и ответственность, в частности ответственность за обеспечение физической ядерной безопасности. Согласно ДНЯО, развитие атомной энергетике — это неотъемлемое право каждого государства. На этом праве часто акцентируют внимание страны, стремящиеся к развитию собственной ядерной инфраструктуры. Но при этом такие страны должны четко понимать, что это право предполагает и ответственность. Следует обратить внимание на то, что ряд международных соглашений также устанавливает обязанность обеспечения безопасности ядерных материалов и объектов, что связано со значительными дополнительными затратами и требует доступа к существенным объемам знаний и опыту в соответствующих областях. Это должно приниматься во внимание при оценке возможности той или иной страны обеспечить безопасную эксплуатацию того или иного ядерного объекта, получить который они стремятся.
2. Стандарты физической ядерной безопасности. Нормативные требования, действующие и в России, и в США, строже, чем те, которые рекомендованы в существующих документах МАГАТЭ. Россия и США должны сотрудничать, для того чтобы требования, применимые к обеспечению безопасности ядерных материалов и объектов в России и США, использовались и другими странами, эксплуатирующими ядерные установки и имеющими в обращении ядерные материалы. К этому же вопросу относятся общие подходы к определению угроз и эффективности систем, направленных на противодействие им. Как уже отмечалось выше, при создании систем обеспечения безопасности ядерных материалов ключевым вопросом являются угрозы, которым эта система должна противостоять. На основе угроз, определенных применительно к каждому конкретному объекту определяются требования к системам защиты. Согласование на международном уровне подходов к оценке угроз и эффективности систем защиты, включая методики анализа уязвимости, оценки эффективности, проверки функционирования систем позволит добиться того, что ядерные материалы и объекты, представляющие одинаковый интерес для потенциальных террористов, будут обеспечены одинаковым уровнем защиты от одинаковых угроз, независимо от их расположения.
3. Учебные центры в России и США уже сейчас используются для подготовки персонала третьих стран, а российские и американские специалисты участвуют в международных программах подготовки, организуемых МАГАТЭ. Эта деятельность должна быть продолжена и расширена, как за счет дальнейшего развития существующих учебных центров, так и посредством содействия другим странам в развитии инфраструктуры подготовки персонала.
4. В феврале 2013 года МАГАТЭ выпустило документ *Цели и существенные элементы государственного режима ядерной безопасности*. Этот документ может быть использован государствами, находящимися на начальной стадии развития собственной атомной энергетике, для создания национальной инфраструктуры обеспечения ядерной безопасности.

С учетом накопленного опыта Россия и США могут сотрудничать для содействия странам в реализации рекомендаций МАГАТЭ.

В пятой главе «**МНТЦ как пример многостороннего научно-технического сотрудничества по решению проблем ОМУ и ФЯБ**» А. Я. Чебан рассматривает опыт Международного научно-технического центра по решению проблем нераспространения ОМУ и ФЯБ и перспективы дальнейшего международного научно-технического сотрудничества в этой области. По итогам главы сделан вывод, что МНТЦ имеет позитивный потенциал для решения проблем нераспространения и ФЯБ в третьих странах. В своей деятельности МНТЦ допустил определенные просчеты, что привело к выходу России из организации.

Тем не менее в деятельности МНТЦ больше достижений, чем упущений. К тому же организация реформируется и адаптируется к современным реалиям. МНТЦ превращается в организацию, в рамках которой у России и других стран-членов вряд ли могут возникнуть те озабоченности, которые появлялись во времена существования заведомо неравноправной схемы «донор–реципиент» в рамках механизмов финансирования МНТЦ. В настоящее время МНТЦ отказывается от этой схемы, что делает организацию более эффективной в решении проблем нераспространения и ФЯБ.

Особенно значительный потенциал МНТЦ в решении проблем *третьих* стран. России следует стремиться к поддержанию сотрудничества с этой организацией, определив новый формат взаимодействия с МНТЦ. Под *третьими* подразумеваются те страны, в которых имеются запасы ядерных и других радиоактивных материалов, нуждающихся в более надежной физической защите и в которых потенциально можно использовать опыт двустороннего российско-американского сотрудничества в области нераспространения ОМУ и ФЯБ.

Также к этим странам относятся те, в которых остались запасы химического или биологического оружия, которые необходимо утилизировать. Кроме того, к таким странам иногда относятся и те, в которых нет никаких видов оружия массового уничтожения или материалов для их изготовления, но тем не менее эти страны представляют риск, так как потенциально могут быть использованы для нелегального транзита ядерных и других радиоактивных материалов с целью террористических действий.

В шестой главе «**Перспективы международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и ядерной безопасности в СНГ**» Даурен Абен и А. Я. Чебан характеризуют перспективы международного сотрудничества по решению проблем советского ядерного наследия и других вопросов нераспространения ОМУ в странах СНГ. Сделан вывод, что перспективы участия России в международном сотрудничестве в некоторых странах СНГ (Украине, Белоруссии, Армении) невелики по той причине, что эти страны либо не имеют масштабных проблем, по преодолению которых необходимо масштабное сотрудничество, либо давно решают эти проблемы уже без российского участия, как делает Украина. В то же время есть простор для международного сотрудничества по противодействию угрозе незаконного оборота ядерных и других радиоактивных материалов через Азербайджан и, особенно, Грузию. Особенно много задач по улучшению ситуации с нераспространением ОМУ и ФЯБ предстоит решать в Центральной Азии.

Актуальность продолжения международного (в первую очередь российско-американского) сотрудничества в Центральной Азии в области нераспространения ОМУ и ядерной безопасности продиктована целым рядом факторов. Прежде всего это нерешенные проблемы, связанные с советским наследием программ по разработке ОМУ. Появились также новые вызовы и угрозы, причем наиболее опасным из них является незаконный оборот материалов, технологий и оборудования, имеющих отношение к ОМУ и средствам его доставки, а также возможность террористических актов с применением ОМУ. Нельзя сбрасывать со счетов и такой

фактор, как планы отдельных государств региона по развитию атомной промышленности и ядерной энергетики.

Еще одним аргументом в пользу продолжения такого сотрудничества является принятое в рамках Глобального партнерства против распространения оружия и материалов массового уничтожения решение о расширении географии программы посредством принятия Казахстана в партнерство в качестве 24-го участника и страны-реципиента. Стоит особо отметить и то обстоятельство, что Казахстан находится на первом месте в мире по производству урана и планирует разместить на своей территории международный банк низкообогащенного ядерного топлива.

По мнению Даурена Абена, главными сферами международного сотрудничества в Центральной Азии в области нераспространения ОМУ и ядерной безопасности могут стать такие направления, как совершенствование систем ядерной безопасности на объектах атомной инфраструктуры, продолжение взаимодействия по бывшему Семипалатинскому испытательному полигону, противодействие угрозам радиологической безопасности, укрепление экспортного контроля и безопасности границ, налаживание сотрудничества в рамках зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, обеспечение кибербезопасности в атомной отрасли, а также содействие совместным научным проектам и продвижение образования в области разоружения и нераспространения.

В седьмой главе «**Перспективы решения проблем физической ядерной безопасности и нераспространения ОМУ на Ближнем и Среднем Востоке: опыт Глобального партнерства**» А. В. Блащаница рассматривает перспективы решения проблем ОМУ и ФЯБ через механизмы Глобального партнерства в регионе Ближнего и Среднего Востока. Автор предлагает следующие рекомендации по дальнейшему развитию программы ГП в регионе:

1. В качестве главных направлений деятельности ГП целесообразно выделить:
 - ❑ экспортный и пограничный контроль (поставки современного оборудования, обучение персонала через Центр по подготовке в области защиты химических, биологических, радиоактивных и ядерных материалов (EU CBRN Centre of Excellence) в Иордании, экспертная правовая помощь в гармонизации национальных законов с международным правом);
 - ❑ переориентация ученых-оружейников в Ираке, Ливии, Сирии (целесообразно использовать опыт ГП, имеющийся у ЕС, Италии, США);
 - ❑ вовлечение в международные научные проекты исследователей, занятых в работах, связанных с технологиями двойного назначения (Ливия, Сирия, Ирак, Иран, Иордания, ОАЭ);
 - ❑ содействие УХО (извлечение поврежденного ХО из двух бункеров в Эль-Мутане в Ираке, продолжение финансирования УХО в Ливии, намеченного на 2016 г., до конца программы, уничтожение сирийского ХО в соответствии с четвертым этапом предлагаемой МИД РФ инициативы об установлении международного контроля над химоружием Сирии);
 - ❑ повышение культуры нераспространения и обучение основам ФЯБ (обучение будущих специалистов по физзащите, учету и контролю ядерных материалов для Египта, Иордании, Турции, Ливии, ОАЭ, Марокко);
 - ❑ техническая и экспертная помощь в укреплении систем ФЯБ (Турция, Египет, Иордания, Алжир, Ливия, Марокко), защиты химических агентов и прекурсоров (Ливия, ОАЭ) и биобезопасности (Ирак, Египет, ОАЭ) в лабораториях и на предприятиях;
 - ❑ утилизация РАО в Ираке (оказать финансовую поддержку проекту ЕС).

2. Необходимо применять дифференцированный подход для финансирования проектов ГП в странах БСВ, учитывая их благосостояние. Для стран, переживающих нестабильность и серьезный экономический спад (Ирак, Ливия, Сирия), рекомендуется проводить проекты в формате оказания донорской помощи.

При этом для предлагаемого Россией проекта по международному контролю над сирийским ХО и его последующей ликвидации было бы целесообразно установить финансирование со стороны РФ и США в рамках *Нового партнерства* и в рамках ГП с участием других стран-доноров.

Для остальных государств, прежде всего для тех, которые заинтересованы в развитии атомной энергетики (ОАЭ, Иордания, Турция, Саудовская Аравия, Марокко, Алжир, Египет), финансирование должно осуществляться прежде всего за счет данных стран.

3. Поскольку осуществление проектов ГП открывает рынок определенных услуг и товаров, российскому правительству следовало бы принять участие в тех проектах, в реализации которых могут быть задействованы российские компании (например, *НПЦ Аспект*, производящий приборы и детекторы радиационного контроля, МИФИ, осуществляющий подготовку специалистов по ФЯБ, учету и контролю ядерных материалов).

В восьмой главе «**Перспективы участия России в международном сотрудничестве по решению проблем нераспространения ОМУ и ФЯБ в регионе Юго-Восточной Азии**» А. Я. Чебан констатирует, что рассматриваемая в докладе проблематика становится актуальной для Юго-Восточной Азии. Это связано с планами ряда стран региона (Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Таиланд) по развитию атомной энергетики, что неизбежно будет сопровождаться рисками для режима нераспространения и физической ядерной безопасности.

По итогам изучения проблем стран ЮВА в ядерной области и путей их решения можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, в странах ЮВА, несмотря на их слаборазвитую ядерную инфраструктуру, уже есть проблемы с сохранностью ядерных материалов в исследовательских реакторах, а также проблемы с прочими радиоактивными материалами, применяемыми в медицинских, сельскохозяйственных, промышленных и других неэнергетических целях. Для этих материалов необходимо обеспечить более надежную систему физической защиты.

Во-вторых, в странах ЮВА, даже в тех, которые не имеют значительных количеств ядерных и радиоактивных материалов, с международной помощью предстоит решать вопрос улучшения экспортного контроля. Этот вопрос особо актуален для стран ЮВА, многие из которых имеют протяженную береговую линию и при этом не имеют достаточного количества оборудования по измерению радиации в портах и таможнях (радиационных мониторов). Поэтому потенциально страны ЮВА удобно использовать для незаконного оборота ядерных и прочих радиоактивных материалов.

В-третьих, повышенные риски для физической ядерной безопасности в странах ЮВА обусловлены наличием террористических угроз и пиратства в регионе. Это опять же вызывает необходимость для тесного международного сотрудничества по нейтрализации этих рисков, с которыми страны ЮВА вряд ли сумеют справиться самостоятельно, тем более что у них нет соответствующего опыта.

Итак, решать все эти проблемы в ЮВА можно только в ходе международного сотрудничества. Однако естественно, что для такого сотрудничества есть объективные препятствия, поскольку страны, способные помочь ЮВА в решении ядерных проблем региона, еще нужно убедить в предоставлении такой помощи и в том, что это будет отвечать их интересам. Для того чтобы оказание международной помощи странам ЮВА состоялось, следует исходить из следующего:

1. Делать акцент на ядерном образовании. Человеческий фактор в обеспечении физической ядерной безопасности имеет еще большее значение, чем предоставление современных систем физической защиты и радиационных мониторов. Поэтому для решения ядерных проблем в странах ЮВА необходимо обучать специалистов из этого региона в области экспортного контроля и физической защиты. Таким образом, ядерное образование является одним из эффективных путей решения ядерных проблем в ЮВА.
2. При проведении проектов опираться по возможности на местных специалистов и местные технологии. Это предложение связано с предыдущим, касающимся ядерного образования. Смысл предоставления ядерного образования специалистам из стран ЮВА как раз и заключается в том, чтобы дать возможность этим странам решать свои ядерные проблемы своими же силами и ресурсами.
3. Кроме работы с человеческим потенциалом, в странах ЮВА следует также проводить определенные меры технического характера. Речь идет о необходимости улучшать национальные системы экспортного контроля за счет предоставления странам ЮВА оборудования по измерению радиации.

Что касается России, то для нее повышенный интерес в предоставлении помощи странам ЮВА по решению их ядерных проблем заключается в том, что она претендует на потенциально перспективные рынки предоставления ядерных услуг в ЮВА. Поэтому, для того чтобы упрочить свои позиции на этих рынках, Россия заинтересована в оказании помощи этим странам по улучшению систем экспортного контроля и предоставлению специалистам услуг в области ядерного образования.

Таким образом, в главах доклада предложен ряд выводов и рекомендаций. На основе этих выводов можно выделить несколько основных тенденций, которые характеризуют текущее состояние рассмотренных в докладе механизмов двустороннего и многостороннего сотрудничества в области нераспространения ОМУ и ФЯБ:

- Россия и США продолжили сотрудничество в ядерной области и подписали новое базовое соглашение в этой сфере. Вместе с тем очевидно, что в современных условиях масштаб и объем двустороннего взаимодействия будет объективно меньше, чем был во время действия программы Нанна–Лугара. Россия сегодня готова к равноправному сотрудничеству с США в ядерной области, но вряд ли пойдет на взаимодействие с Вашингтоном в области биобезопасности, пока он считает Москву потенциальным распространителем биологического оружия.
- В условиях выхода России из МНТЦ эффективность деятельности этой организации вызывает сомнения. Вместе с тем очевидно, что организация продолжит свое существование и после переноса ее штаб-квартиры из Москвы в Астану. Важно, что руководство МНТЦ намерено провести внутреннюю реформу, использовать накопленный опыт для увеличения количества членов организации, повышения эффективности и масштаба ее деятельности. Есть основания предполагать, что после своего реформирования и при соответствующей политической поддержке со стороны руководства Казахстана, в первую очередь президента Нурсултана Назарбаева, являющегося генератором ряда важных инициатив в области нераспространения ОМУ, МНТЦ может стать даже более влиятельным инструментом противодействия распространению, чем был ранее.
- Все более важной становится необходимость международного сотрудничества по решению проблем ядерной и радиационной безопасности в *третьих странах*. Если еще в 1990–2000-е гг. основным объектом сотрудничества в данной сфере была Россия и другие страны СНГ, то сегодня проблемы в этих странах в основном решены. Поэтому основ-

ные *нераспространенческие* усилия международного сообщества смещаются в страны Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, а также Африки. Значительная часть этих стран не имеет развитой ядерной инфраструктуры, но они уже вызывают обеспокоенность в связи с тем, что начинают развивать атомную энергетику на фоне нерешенных внутренних проблем, таких как вспышки сепаратизма и наличие действующих на их территории террористических группировок. Это ставит под сомнение способность их руководства обеспечить физическую и эксплуатационную безопасность ядерных объектов.

Материалы доклада позволяют сформулировать следующие предложения:

1. У России и США есть необходимость разработать детализированные соглашения, которые уточняли бы и конкретизировали общие направления сотрудничества, прописанные в Соглашении от 14 июня 2013 г. Очевидно, более конкретные документы необходимы для дальнейшего развития и таких многосторонних механизмов, как Глобальное партнерство. Среди прописанных в Соглашении от 14 июня 2013 г. направлений российско-американского сотрудничества наиболее перспективными и наименее противоречивыми представляются:
 - таможенный контроль ядерных и других радиоактивных материалов;
 - извлечение, хранение, утилизация опасных радиоактивных источников.
2. Другие прописанные в Соглашении от 14 июня 2013 г. направления (ФЗУК ЯМ, консолидация ВОУ, конверсия исследовательских реакторов) могут вызвать противоречия между США и Россией в силу чувствительности данных вопросов. Однако по данным направлениям можно было бы сотрудничать в *третих странах* (Ближний и Средний Восток, Юго-Восточная Азия, СНГ).
3. Российско-американское сотрудничество в области нераспространения ОМУ и ФЯБ не должно исчерпываться Соглашением от 14 июня 2013 г. В этом отношении позитивным моментом может и должна стать разработка соглашения о сотрудничестве в сфере науки и технологий.
4. При развитии международного научно-технического сотрудничества крайне важно использовать опыт и до сих пор не исчерпанный потенциал МНТЦ. России, даже несмотря на выход из этой организации, целесообразно было бы рассмотреть возможность продолжения сотрудничества с ней в другом формате.
5. Международное сотрудничество в области нераспространения не должно ограничиваться лишь ядерной областью, значение здесь имеют вопросы уничтожения химического оружия и биобезопасности. Россия и США могли бы сотрудничать по уничтожению сирийского химического оружия в рамках *Нового партнерства*, а также ГП. Российско-американское сотрудничество в сфере биобезопасности возможно лишь после вступления России в Австралийскую группу, что позволит рассматривать эту проблематику и в рамках других многосторонних форматов, включая Глобальное партнерство.
6. Первым шагом к налаживанию сотрудничества в области биологии должна стать выработка общих принципов биобезопасности. Для этого целесообразно было бы создать международную рабочую группу экспертов, которая, помимо формулирования данных принципов, занялась бы выработкой единого, всеми признанного перечня биологических угроз.
7. Параллельно для противодействия биологическим угрозам необходимо наращивать международное сотрудничество по борьбе с инфекциями. На этом направлении можно избежать политических и экономических разногласий, связанных с военной биологией. Сотрудничество в борьбе

с инфекциями позволит усилить международный контроль опасных возбудителей, пригодных для производства биологического оружия. Таким образом, борьба с инфекциями может реально содействовать снижению рисков распространения биологического оружия.

Полный текст доклада доступен на сайте ПИР-Центра: <http://gp.pircenter.org>

8. Для противодействия распространению разных видов ОМУ и укрепления ФЯБ имеет значение образование. Для студентов, получающих техническое образование в этой сфере, и молодых специалистов важно обеспечить высокий уровень стипендий и зарплат, чтобы привлекать в атомную отрасль наиболее талантливых молодых людей. В противном случае продолжится негативная тенденция, когда задачи обеспечения ФЯБ решаются только стареющими профессионалами, в то время как молодые специалисты не приходят им на смену. Образование в сфере нераспространения ОМУ необходимо и для студентов-гуманитариев, которые в будущем, работая в системе МИД и других госорганов, могут иметь прямое отношение к формированию политики своих государств в области нераспространения. Поэтому целесообразно в рамках российско-американского или многостороннего сотрудничества создавать на базе ведущих институтов международных отношений совместные образовательные программы и тренинги в области нераспространения ОМУ, к обучению в которых необходимо привлекать студентов из как можно большего количества стран.
9. Гуманитарное и техническое образование в сфере нераспространения и ФЯБ должно способствовать воспитанию у молодых специалистов культуры нераспространения и ФЯБ. Для более четкого определения термина *культура нераспространения и ФЯБ* и разработки принципов его практического применения целесообразно предложить нескольким авторитетным экспертам из разных стран подготовить коллективный научный труд по данной тематике.
10. Направления взаимодействия сотрудничающих сторон необходимо определять на основании консенсуса. Здесь представляется целесообразным создание специализированной рабочей группы в рамках Глобального партнерства, которая позволила бы доработать и детализировать сформулированные выше предложения.

В целом представленный доклад ПИР-Центра позволяет критически оценить состояние международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и ФЯБ, выявить препятствия на пути развития этого сотрудничества и наметить пути их преодоления. 🗣️

Примечание

¹ Доклад подготовлен в рамках Рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра (см. с. 174).

Авторы доклада выражают признательность его рецензентам: старшему вице-президенту ПИР-Центра Бужинскому Е. П., независимому консультанту Ковчегину Д. А., советнику генерального директора ГК *Росатом* Кучинову В. П., ведущему научному сотруднику Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии Рыбаченкову В. И., представителю Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности (СНУЯЭиП) в МАГАТЭ по вопросам образования в области физической ядерной безопасности Черкашину Д. А.

Отдельные положения доклада будут развиты в статьях, которые будут опубликованы в № 1 журнала *Индекс Безопасности* за 2014 г.

ЗОНА, СВОБОДНАЯ ОТ ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ, НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ СОЗДАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УСПЕХА

Конференция по ЗСОМУ на Ближнем Востоке должна состояться в декабре 2013 г. в Хельсинки — если, конечно, события в Египте и вокруг Сирии не отложат ее, уже повторно, в долгий ящик. Она может стать первым реальным шагом на пути выполнения решения Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1995 г., тем самым укрепив Договор и весь режим ядерного нераспространения. В противном случае все достижения последних 18 лет в этой сфере будут поставлены под сомнение.

Какой подход к созыву и работе Конференции обеспечит положительный результат? Что считать успехом Конференции? Каков оптимальный механизм создания ЗСОМУ? Каковы ее географические контуры? Возможно ли согласовать позиции Израиля, Ирана и арабских государств по выбору отправной точки к созданию ЗСОМУ? Как связана проблематика ЗСОМУ с развитием атомной энергетики на Ближнем Востоке?

В последние месяцы ПИР-Центр провел в различных форматах несколько развернутых экспертных дискуссий по данному вопросу — сначала в Москве¹, а затем, дважды, в Женеве². В них приняли участие заместитель помощника министра иностранных дел Египта Сами **Абул-Энейн**, директор департамента по разоружению и многосторонним отношениям Лиги арабских государств (ЛАГ) Ваэль **Аль-Ассад**, заместитель государственного секретаря США Роуз **Готтемюллер**, заместитель директора по стратегическим вопросам Министерства иностранных дел Израиля Иеремиа **Иссахарофф**, помощник государственного секретаря США по вопросам международной безопасности и нераспространения Томас **Кантримен**, специальный координатор Конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке Яакко **Лааява**, президент ПИР-Центра Владимир **Орлов**, научный сотрудник Фонда стратегических исследований (Франция) Бенжамин **Откувертюр**, директор Центра изучения проблем нераспространения имени Джеймса Мартина (США) Уильям **Поттер**, заместитель Министра иностранных дел России Сергей **Рябков**, постоянный представитель Ирана при Отделении ООН и других международных организациях в Вене Али Асгар **Солтание**, заместитель генерального директора ГК Росатом Николай **Спасский**, заместитель Генерального секретаря ООН, генеральный директор Отделения ООН в Женеве, Генеральный секретарь Конференции ООН по разоружению Касым-Жомарт **Токаев**, директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России Михаил **Ульянов**, директор Арабского института по изучению вопросов безопасности Айман **Халил**, председатель Египетского совета по международным делам Мохаммед **Шакер**.

Ниже мы предлагаем читателям выдержки из тех дискуссий, которые шли в форматах, открытых для цитирования.

ОРЛОВ: Стремительные и противоречивые события, развивающиеся на Ближнем Востоке и в Северной Африке, казалось бы, отодвигают на задний план нахождение ответов на некоторые фундаментальные вызовы безопасности в этом регионе. Так, в тени оказалось обсуждение шагов, которые необходимо предпринять для проведения Конференции по вопросу о создании на Ближнем Востоке ЗСОМУ. Более того, стали слышнее голоса тех, кто считает: в нынешних условиях и на ближайшую перспективу для благоприятного проведения такой конференции нет почвы даже в декабре 2013 г. в Хельсинки.

Однако цель формирования на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и других видов ОМУ, зафиксирована в решении Обзорной конференции ДНЯО 1995 г., когда решались судьба договора и срок его продления. Не должно быть иллюзий: без обязательства продвигаться к освобождению Ближнего Востока от ядерного оружия не было бы бессрочного продления этого договора, остающегося краеугольным камнем глобальной стабильности.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЗСОМУ: ВЫБОР ПОДХОДА

ЛААЯВА: Я хочу обозначить 10 основных тезисов, которыми я руководствуюсь в своей работе в качестве специального координатора подготовки к Конференции и буду рад, если эти 10 тезисов будут созвучны тем принципам, которыми руководствуется уважаемые коллеги.

Во-первых, рост глобальной взаимозависимости требует от государств тесного сотрудничества в сфере безопасности, тем более в такой важной сфере, как нераспространение оружия массового уничтожения.

Во-вторых, Ближний Восток сегодня имеет огромный потенциал для сотрудничества, но и огромный конфликтный потенциал. Любые попытки наладить сотрудничество между странами региона являются большим вызовом для инициаторов таких попыток. Именно поэтому работа над созданием ЗСОМУ в регионе является такой сложной и этим отличается от других подобных зон.

В-третьих, чтобы достичь полного потенциала сотрудничества, регион должен восприниматься остальным миром как равный партнер со своими интересами в сфере безопасности.

В-четвертых, в то время как другие угрозы безопасности Ближнего Востока также необходимо учитывать, обеспечение нераспространения ОМУ должно быть центральной целью для стран региона.

В-пятых, цель создания ближневосточной ЗСОМУ сегодня поддерживается всеми странами региона. Различаются пути и механизмы ее создания. Одни говорят, что прежде необходимо обеспечить региональный мир и стабильность. Другие утверждают, что сначала необходимо создать зону, которая улучшит состояние безопасности в регионе. В этом и заключается главная дилемма дискуссии вокруг ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

В-шестых, решение обозначенной дилеммы может быть найдено только через взаимосвязь контроля над вооружениями и регионального мира в целом. Прийти к этому балансу очень трудно, но для прогресса в этом вопросе необходима совместная работа всех заинтересованных игроков.

В-седьмых, необходима готовность государств региона работать совместно. Показателем такой готовности станет участие всех без исключения стран региона в Конференции по вопросу создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

В-восьмых, Конференция по ЗСОМУ может эволюционировать в более широкий механизм, обеспечивающий выработку мер доверия в регионе и установление мира и стабильности там в широком смысле. Вероятно, именно в этом направлении должен развиваться весь процесс создания ближневосточной ЗСОМУ.

В-девятых, на будущей Конференции должна быть подтверждена приверженность общей цели и заданы направления дальнейшей работы. После ее проведения необходимо будет продолжить работу в различных форматах для проработки конкретных предложений по созданию ЗСОМУ в регионе.

В-десятых, все усилия в сфере региональной безопасности должны исходить из самого региона. Однако площадка Конференции 2012 г. может стать важным инструментом для продвижения процесса вперед.

Проект проведения Конференции по созданию ЗСОМУ можно рассматривать как важную возможность, открывающуюся для всех в регионе, несмотря на риски, связанные с принятием ближневосточными государствами на себя обязательств в области безопасности. В отсутствие усилий рисков будет гораздо больше.

РЯБКОВ: Российская сторона приветствует процесс создания зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО). Считаем его важной и эффективной мерой укрепления международного режима ядерного нераспространения. В регионе по-прежнему есть государства, которые не поставили под гарантии МАГАТЭ свою ядерную деятельность и не участвуют в ДНЯО. Ряд стран остается вне конвенций по запрещению химического и биологического оружия.

Сохраняются вопросы у МАГАТЭ к некоторым странам региона, являющимися участницами ДНЯО, в отношении характера их ядерной деятельности. Мы понимаем, что перспективы создания зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке неразрывно связаны с ближневосточным мирным процессом, но есть и обратная связь — развитие поступательного диалога по ЗСОМУ в свою очередь может служить интересам достижения ближневосточного урегулирования, создавая для этого более благоприятную атмосферу.

И мы допускаем, что региональные аспекты безопасности могли бы стать предметом обсуждения в ходе Конференции и после нее. Но основное внимание должно все-таки фокусироваться непосредственно на проблематике ЗСОМУ. Сейчас у нас имеется реальный шанс стать свидетелями и соучастниками субстантивного развития данного процесса.

ОРЛОВ: Важно отметить, что в случае срыва Конференции по этой проблеме в декабре 2013 г. мы поставим большой вопросительный знак над всем режимом нераспространения. И мы должны понимать, что многое уже было сделано, особенно в начале 1990-х гг., и мы должны собрать все это для реализации этого международного проекта с учетом текущего политического климата в регионе.

К примеру, в 1993 г. Израиль и Иордания приняли Совместную декларацию о нормализации двусторонних отношений. В нем оба государства подтвердили свою готовность начать работу над установлением ЗСОМУ на Ближнем Востоке в условиях всеобъемлющего и устойчивого мира в регионе, характеризующегося неприменением силы, мирным урегулированием и транспарентностью. При этом в документе речь шла о включении в предмет будущей зоны как собственно ОМУ, так и отдельных видов обычных вооружений. Кроме того, в отношении Ирана принят ряд резолюций Совета Безопасности ООН, введен режим санкций. Резолюции СБ ООН прямо увязывают «решение иранской ядерной программы... и реализацию цели того, что Ближний Восток станет свободным от ОМУ, включая средства его доставки»³.

В этой связи для ускорения процесса создания ЗСОМУ участники конференции прежде всего должны будут договориться об ограничении предмета рассмотре-

ния. Но здесь многих дипломатов и экспертов настораживает, что говорить придется не только о ядерном оружии, но и о других видах ОМУ, а также о средствах его доставки. Действительно, опыта такого широкого подхода к зонам в мире нет.

Тем не менее конференция должна будет принять несколько решений, которые стали бы комбинацией формирования региональных мер доверия и подготовки *черновика* будущего договора по ЗСОМУ.

Первым решением может стать совместное заявление всех участников конференции воздерживаться от атак на все задекларированные ядерные объекты друг друга, равно как и от угрозы таких атак. Политическая риторика вокруг иранской ядерной программы подтверждает актуальность этого вопроса и ставит вопрос об определении спектра таких атак.

Вторым решением может стать создание постоянно действующего регионального механизма по мерам доверия в ядерной области, в области химического и биологического оружия и отдельных типов средств доставки таких видов оружия.

Третьим решением могла бы стать *дорожная карта*, указывающая путь к постепенной постановке всех объектов ядерной инфраструктуры региона под гарантии МАГАТЭ. Конечно, такое решение будет невозможно без согласия Израиля на определенном этапе поставить под гарантии МАГАТЭ объект в Димоне. Подобное решение конференции может предусматривать рекомендацию для всех государств региона неотложно ратифицировать Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. Здесь пример мог бы показать Иран, если бы он еще до конференции в духе доброй воли ратифицировал Дополнительный протокол.

Четвертым решением могли бы стать односторонние параллельные заявления Израиля, Египта и Ирана о готовности ратифицировать ДВЗЯИ в ближайшее время.

Пятым могло бы стать решение конференции о формировании межгосударственной комиссии по выработке текста договора о безъядерной зоне на Ближнем Востоке, при понимании того, что в процессе разработки договора все государства региона присоединяются к Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО) и Конвенции о запрещении биологического оружия (КБТО).

Такой результат послужил бы хорошим фундаментом для Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., на которой будет *замерена* эффективность усилий за прошедшие пять лет. Для того чтобы способствовать этому процессу, ПИР-Центр подготовил и в марте 2013 г. опубликовал Белую книгу *Десять шагов на пути к созданию зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке*.

УЛЬЯНОВ: К сожалению, высказанные В.А. Орловым идеи являются сегодня трудно выполнимыми. Я думаю, что в Хельсинки нам нужно ориентироваться на выработку очень краткого итогового документа, в котором содержалось бы два основных положения.

Во-первых, подтверждение готовности работать в направлении достижения долгосрочной цели создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ОМУ.

Во-вторых, решение о создании соответствующего механизма, может быть нескольких рабочих групп, чтобы запустить процесс. Все конкретные вопросы, конечно, надо откладывать на потом. На самой конференции никаких других крупных решений принять не удастся, да и не нужно.

ГОТТЕМЮЛЛЕР: Соединенные Штаты рассматривают Конференцию в Хельсинки как уникальную возможность для начала на Ближнем Востоке официального диалога по вопросам региональной безопасности, которого в настоящее время не существует. С 2010 г. мы работали и продолжаем работать рука об руку с Великобританией, Россией и ООН, чтобы сделать эту Конференцию реальностью.

Подход США к Конференции в Хельсинки основан на объективной оценке препятствий, которые необходимо преодолеть, чтобы добиться прогресса в избавлении Ближнего Востока от ОМУ. Если государства подходят к своему участию в Конференции таким образом, который препятствует возможности диалога и решению основных вопросов на основе консенсуса, у нас не будет перспектив для конструктивного диалога в Хельсинки, а достижение общей цели создания ЗСОМУ в регионе останется иллюзией.

Во-первых, конференция может иметь место, только если все страны уверены, что она будет проводиться в конструктивной и сбалансированной атмосфере. Они также должны знать, что могут принимать участие на равной основе, независимо от политического признания или их статуса по отношению к различным международным договорам о контроле над вооружениями. Только региональные государства сами по себе могут обеспечить такую уверенность. Она не может быть обеспечена организаторами или посредниками.

Во-вторых, участники конференции должны ставить перед собой реальные цели, чтобы обеспечить конструктивный диалог. Отсюда целью Конференции должен быть обмен мнениями по широкой повестке дня, в том числе и региональной безопасности и вопросов оружия массового уничтожения, а не начало переговоров.

В-третьих, Конференция должна получить свой мандат от стран региона в соответствии с международно-признанными принципами, гласящими, что региональные механизмы должны быть основаны на соглашениях, добровольно заключенных государствами региона, и такая инициатива должна исходить от самого региона. В отличие от зон, существующих в настоящее время, мы должны признать, что ЗСОМУ на Ближнем Востоке требует такого уровня сотрудничества, взаимопонимания и взаимного доверия, которого еще не было в новейшей истории.

Перспективы успеха и значимости Конференции в Хельсинки зависят от способности и готовности государств Ближнего Востока заложить основу для полноценного участия и консенсусного подхода. Это требует прямой работы на официальном уровне, которой откровенно не хватало в течение трех лет после Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Думаю, мы все согласимся, что раздор между ближневосточными странами в Хельсинки не пойдет на пользу ДНЯО и не поможет при создании ЗСОМУ.

ПОТТЕР: В связи с текущей ситуацией вокруг ЗСОМУ на Ближнем Востоке я могу сформулировать ряд тезисов.

Во-первых, несмотря на текущие споры, у нас есть решение ОК ДНЯО 2010 г., а все потенциальные участники ЗСОМУ в тот или иной момент заявили о своей поддержке создания такой зоны, а также одобрили концепцию, гласящую, что такая зона должна быть верифицируема посредством регионального международно-правового механизма.

В-вторых, консенсусный Заключительный документ ОК ДНЯО 2010 г. является гораздо более хрупким, чем это обычно считается, и вполне может быть ослаблен, если в ближайшее время не будет достигнут прогресс в реализации рекомендаций по Ближнему Востоку. И многие неядерные государства (особенно, члены Движения неприсоединения) будут оказывать здесь гораздо большее давление. Они уже перешли в наступление в 2010 г. в знак уважения к позиции Египта по проблематике разоружения на Ближнем Востоке.

Таким образом, сейчас очень неподходящий момент для стран ядерной пятерки, чтобы почивать на лаврах и в то же время коллективно бойкотировать конференцию в Осло по гуманитарным последствиям разоружения. В этих условиях они не должны удивляться, что получают мало внимания к их работе по разоружению на сессиях Подготовительного комитета.

В-третьих, государства ядерной пятерки и другие члены международного сообщества открыто не признают тот факт, что ряд государств-участников уже существующих зон не соблюдают согласованные условия функционирования таких зон, включая запрещение торговли ядерными материалами, систему эффективных гарантий, подписание дополнительных протоколов. В связи с этим остается нерешенным вопрос: зачем создавать подобные зоны в других регионах, включая Ближний Восток? Для начала все без исключения члены уже существующих зон должны начать соблюдать условия этих зон, иначе весь зональный подход становится пустым обещанием.

В-четвертых, мы должны рассмотреть новые подходы для нахождения точек соприкосновения, связанных с Конференцией по ЗСОМУ. Это выводит нас на тему образования в сфере разоружения и нераспространения, на использование моделирования ради получения лучшего видения проблемы глазами других людей, а также на поиск альтернативных решений задач реальной политики.

В заключение, проведение Конференции по ЗСОМУ в конце 2013 г. и присутствие на ней всех участников стало бы очень многообещающим результатом, потому что никто не захочет нести ответственность за хаос, который начнется на других международных форумах, если нынешний тупик сохранится. И самое лучшее, что мы можем ожидать — проведение краткого совещания, которое в основном будет посвящено организации механизма работы в период до Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., наряду с повторением мандата для этого длительного процесса. Если же Конференцию по ближневосточной ЗСОМУ так и не удастся создать до конца 2013 г., то Договор и его обзорный процесс значительно пострадают.

ТОКАЕВ: Успех исторической Конференции 1995 г. по рассмотрению и продлению ДНЯО стал возможен благодаря целому пакету решений. Существенной частью этого пакета стала резолюция, подготовленная в соавторстве тремя государствами — депозитариями ДНЯО — Россией, Великобританией и США — и призвавшая к созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

И сегодня, несмотря на длительную задержку в этом процессе, мы должны сосредоточиться на том, как мы можем двигаться вперед. Конечной целью является мир без ядерного оружия. Сильный Договор о нераспространении является частью усилий по достижению этой цели, а продолжительная *патовая* ситуация вокруг Конференции просто неприемлема для всего международного сообщества.

ЗСОМУ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

ГОТТЕМЮЛЛЕР: На Ближнем Востоке все еще остаются серьезные разногласия по вопросу, как начать конструктивный диалог. Они не могут быть преодолены с помощью механизмов, навязанных извне региона. Соединенные Штаты не могут гарантировать того, что Конференция состоится или будет иметь успех. Но мы можем гарантировать, что будем продолжать работать, чтобы призвать государства региона взаимодействовать друг с другом напрямую с целью создания политических условий, необходимых для успешного проведения Конференции.

КАНТРИМЕН: Главная сложность в том, что никто никогда не создавал зон, подобных этой. В регионе, где постоянно ведутся конфликты, где часть стран не признает факта существования своего соседа, это является крайне сложной задачей. Здесь требуется высокая степень прозрачности и коммуникаций, которые пока не способны предоставить ближневосточные государства.

ПОТТЕР: Создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке, как и безъядерных зон в других регионах, будет возможно, если она отразит предполагаемые интересы национальной безопасности всех государств региона. Разумеется, зона просто не может быть навязана извне.

ОРЛОВ: Здесь мы можем вспомнить предложение египетского эксперта Набиля Фахми (в настоящее время — министр иностранных дел Египта. — **Ред.**), который еще в 1990 г. готовил позицию Египта о ЗСОМУ. Согласно ему, Конференция должна сосредоточиться на ядерном оружии и нацелить государства региона на разработку договора именно о зоне, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО).

Когда уже договор о ЗСЯО перестанет быть гипотезой, те государства региона, которые еще не сделали этого, должны будут присоединиться к Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), которая содержит эффективный верификационный режим. То же должно быть сделано и с Конвенцией о запрещении биологического оружия (КБТО). Однако в этом случае необходимо будет создать региональное верификационное агентство.

В то же время Конференция по ЗСОМУ сама по себе вряд ли станет панацеей для региона, но она может стать долгожданным первым шагом на пути практической реализации резолюции 1995 г.

ОТКУВЕРТЮР: Безусловно, ближневосточная ЗСОМУ может стать результатом только долгосрочного процесса. Это связано с теми особенностями, с которыми мы столкнемся при создании такой зоны.

Во-первых, в отличие от уже существующих зон, ЗСОМУ на Ближнем Востоке будет касаться не только ядерного, но и химического и биологического оружия, а также средств доставки ОМУ.

Во-вторых, ЗСОМУ будет создана там, где некоторые государства подозреваются в обладании или разработке ОМУ.

В-третьих, нет действенных механизмов верификации сокращений биологического оружия.

В-четвертых, несколько стран в рамках будущей зоны существуют в контексте исторической вражды друг с другом.

В-пятых, необходимо учитывать кризис вокруг иранской ядерной программы и развитие событий в Сирии. К сожалению, нынешняя ситуация в этой стране показывает нам, что использование химического оружия не является фантазией или табу. Химическое оружие и программы по его разработке на Ближнем Востоке должны быть ликвидированы независимо от решения вопросов, связанных с ядерным оружием в регионе.

Что касается участия ЕС в процессе создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке, то оно реализуется двумя путями: через зону сотрудничества и диалога в Средиземноморье и на Ближнем Востоке и через механизмы ДНЯО.

Мы исходим из того факта, что Конференция по ЗСОМУ на Ближнем Востоке является одним из основных вызовов для следующей Обзорной конференции ДНЯО, а значит, должна быть проведена как можно быстрее.

ИССАХАРОФФ: Как отметил посол Лааява, в контексте создания ЗСОМУ в регионе есть два направления мысли: а) ЗСОМУ можно создать без универсального регионального мира; б) универсальный мир для всех стран региона должен предшествовать ЗСОМУ. Израиль поддерживает вторую точку зрения, поскольку ей нет альтернативы. Нельзя освободить любой регион планеты от оружия, пока там нет мира. Мир является жизненно необходимой основой создания ЗСОМУ.

Я не знаю ни одного прецедента создания ЗСОМУ, пока есть прецеденты создания в различных регионах зон, свободных только от ядерного оружия. При этом регионы, где созданы ЗСЯО, имеют гораздо меньше структурных проблем, чем Ближний Восток. Мы должны помнить о том, что на Ближнем Востоке использовалось химическое оружие, четыре члена ДНЯО его нарушили, а ракетные удары наносились по израильским гражданским лицам.

Поэтому мы должны сосредоточиться на более широкой повестке дня региональной безопасности, чем та, что была определена в заключительном документе Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. И здесь главный вопрос: как идея ЗСОМУ будет способствовать снижению региональной напряженности и вероятности возникновения конфликта с использованием обычных вооружений? В конечном итоге, когда мы говорим о войне и мире, я вспоминаю одноименный роман Льва Толстого, в котором самыми сильными из всех воинов названы время и терпение, и я настоятельно призываю всех принять во внимание эти факторы.

АЛЬ-АССАД: В 1974 г. идея ближневосточной ЗСОМУ была впервые представлена на Генеральной Ассамблее ООН Ираном, была принята Египтом и арабскими государствами, и почти 40 лет мы все еще продолжаем проводить предварительные переговоры. У нас достаточно хороших идей по созданию зоны, но проблема в том, что эти идеи не реализуются. Здесь основное препятствие — отсутствие политической воли у стран региона и международного сообщества, тогда как все технические стороны создания ЗСОМУ реализуемы, хотя разделение политических и технических вопросов во многом условно.

Предстоящая Конференция должна стать началом процесса создания ЗСОМУ, в ее ходе должны выкристаллизоваться обязательства сторон по осуществлению практических шагов в этом направлении, своего рода *дорожная карта*. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы инициировать этот процесс, потому что идеальное время никогда не наступит и нам надо начинать процесс сейчас.

Региональный комплексный подход к идее нераспространения является лучшим решением проблемы Ближнего Востока в отношении нераспространения, он эффективнее, нежели попытки решения вопросов нераспространения на уровне отдельных государств. Идея ЗСОМУ обеспечивает единые правила для всех и создает равную безопасность для всех, по крайней мере, так в арабском мире мы воспринимаем эту идею. Успешно проведенная Конференция откроет двери для решения других вопросов, связанных с безопасностью на Ближнем Востоке.

АБУЛ-ЭНЕЙН: В начале я хотел бы выразить согласие со многими пунктами, обозначенными ПИР-Центром в его Белой книге *Десять шагов на пути к созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке*. Это прежде всего касается предложений о необходимости поставить все объекты ядерной инфраструктуры региона под гарантии МАГАТЭ, о необходимости более тесного институционального сотрудничества между странами региона для укрепления доверия между государствами и о необходимости выработки договора, на котором бы основывалась будущая ЗСОМУ. И сегодня, безусловно, важно, чтобы Конференция по ближневосточной ЗСОМУ состоялась в 2013 г. и была проведена под эгидой ООН, так как нельзя игнорировать роль этой организации.

Также мы не должны забывать о механизмах имплементации любых договоров, которые станут элементами будущей зоны. Мы уже не раз сталкивались с ситуациями, когда один и тот же договор подписывается и/или ратифицируется одними странами и не подписывается и/или не ратифицируется другими. Сегодня в арабском мире есть разочарование и чувство обиды, что процесс, начатый в 1995 г., завяз.

ШАКЕР: Технические аспекты создания ЗСОМУ обсуждаются в соответствующих комитетах Лиги арабских государств (ЛАГ) на протяжении последних 13 лет, и я надеюсь, что в один прекрасный день ЛАГ будет способна предоставить нам эти *подготовительные материалы* к началу процесса создания Зоны.

В то же время представители Израиля говорят о том, что сейчас еще не время, а сама ЗСОМУ не может стать частью политической культуры региона (хотя подобные зоны смогли стать частью политической культуры Центральной Азии, Африки и других регионов). Это новый и довольно опасный аспект проблемы, который должен быть устранен максимально быстро.

Во-первых, обсуждая вопрос ЗСОМУ на Ближнем Востоке, мы должны иметь в виду, как сказал посол Аль-Ассад, технические аспекты, которые также могут оказывать влияние на политические решения.

Во-вторых, мы должны решить вопрос с участниками ЗСОМУ. Мы говорим о Ближнем Востоке или о Большом Ближнем Востоке? Это очень важный и острый вопрос, который не был в числе прочих проработан и не был урегулирован в техническом комитете ЛАГ, прежде чем тот приостановил свою работу после саммита в Эр-Рияде в Саудовской Аравии.

Были обсуждения по поводу участия Турции, очень активного игрока на Ближнем Востоке, имеющего очень хорошие отношения с большинством стран Ближнего Востока. Однако сейчас есть проблемы между Турцией и Сирией по понятным причинам, кроме того, Турция является членом НАТО и размещает на своей территории элементы американской противоракетной обороны. И все это может быть препятствием для участия Турции в ЗСОМУ.

В-третьих, может возникнуть вопрос о статусе в рамках ЗСОМУ Индии и Пакистана. Возможно, мы должны гарантировать, что ядерные державы в Азии не повлияют на создание ЗСОМУ или не ослабят важность такой зоны. Я не знаю, необходимо ли непосредственное участие в зоне Индии и Пакистана, но они, будучи на ее границе, могли бы предоставить гарантии безопасности членам зоны, подобные тем, какие предоставляют пять официальных ядерных держав в контексте ЗСЯО в других регионах планеты. Африканские государства, граничащие с зоной, также могут быть наделены особым статусом в рамках ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

В-четвертых, мы не должны забывать и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а у нас еще долгий путь, перед тем как ДВЗЯИ станет по-настоящему эффективным. Конвенция о химическом оружии работает очень хорошо и является универсальной конвенцией. Но остаются еще государства, которые не присоединились к ней. Биологическое оружие также до сих пор не покрыто всеобъемлющей системой контроля, поэтому в ходе переговоров по договору о ЗСОМУ мы должны будем обсудить вопрос о верификации уничтожения биологического оружия. Успех переговоров о разработке систем проверки для ближневосточного региона должен будет помочь нам разработать систему проверки для всего мира, а не наоборот. Таким образом, отдельные элементы будущей ЗСОМУ на Ближнем Востоке могут стать первыми шагами к созданию всеобъемлющего режима контроля над биологическим оружием.

В-пятых, гарантии безопасности должны будут присутствовать в будущем договоре о ЗСОМУ, во многом они будут аналогичны предоставленным членами Совета Безопасности ООН в связи с бессрочным продлением ДНЯО в 1995 г. Будущий договор о ЗСОМУ должен будет способствовать сотрудничеству между членами различных механизмов экспортного контроля. Я думаю, что договор о ЗСОМУ на Ближнем Востоке заложит фундамент для систематических и своевременных консультаций между участниками зоны о механизмах экспортного контроля.

В заключение я должен сказать, что значение успеха будущей Конференции, конечно, будет велико не только для режима нераспространения ОМУ, но и для мирного урегулирования в регионе, потому что такая Конференция в случае успеха станет первым прецедентом, когда израильтяне, иранцы и арабы сядут за одним столом.

УЛЬЯНОВ: Со своей стороны Россия охотно предоставила бы гарантии безопасности членам будущей ЗСОМУ в регионе, подобные тем, которые она предоставляет участникам других подобных зон. Создание ближневосточной ЗСОМУ в регионе является одним из российских внешнеполитических приоритетов⁴.

ХАЛИЛ: Распространение ядерного оружия и ОМУ в целом является важнейшей проблемой, стоящей перед хрупкой системой безопасности на Ближнем Востоке.

По моему мнению, Конференция по ЗСОМУ должна начать непрерывный процесс детального рассмотрения всех связанных с этим вопросов.

Однако процессу создания такой зоны очень нужно творческое и нестандартное мышление. Это очевидно, поскольку присоединение Израиля к ДНЯО не будет быстрым, а политические обстоятельства, сложившиеся сегодня в арабском мире, конечно, играют свою особую роль.

Отсюда следует, что условие присоединения к переговорам по ЗСОМУ на Ближнем Востоке всех государств региона не является ни обязательным, ни необходимым. К тому же, когда речь заходит о создании ЗСОМУ, членство в ДНЯО не должно быть препятствием для стран, желающих вступить в нее.

Что касается решения технических аспектов, здесь нам необходимы инновационные технические меры доверия и верификации. Например, взятие проб окружающей среды, инициирование совместных инспекций ядерных объектов или создание региональной сети датчиков радиоактивного загрязнения.

В целом, создание ЗСОМУ является важной предпосылкой для достижения стабильности в регионе.

ТРЕУГОЛЬНИК ПРОТИВОРЕЧИЙ: ИЗРАИЛЬ–ИРАН–АРАБСКИЕ СТРАНЫ

УЛЬЯНОВ: Самым важным является участие в Конференции Ирана и Израиля, и я надеюсь, что обе страны по факту направят в Хельсинки свои делегации. Если в Тегеране и Тель-Авиве тщательно проанализируют сложившуюся ситуацию, то поймут, что отказ от участия будет означать неприятные последствия для обеих стран, имиджевые потери также будут серьезными.

Для Ирана активное участие в Конференции непосредственно отвечает его интересам, поскольку сам Иран является одним из авторов идеи создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке. И если он откажется от участия в конференции, это будет использовано в качестве свидетельства не вполне мирного характера иранской ядерной программы. На сегодняшний день важно, что Иран уже заявил о своем намерении направить в Хельсинки свою делегацию.

Гораздо более сложной является ситуация с Израилем. Израиль имеет достаточно серьезный аргумент, говоря, что он не является частью Обзорного процесса ДНЯО и что для него решение о созыве этой Конференции не является обязательным. Но, с другой стороны, Израиль имеет стимул для участия. Тель-Авив обеспокоен ситуацией в области ядерного нераспространения, а без Конференции по ЗСОМУ будет сложнее работать на этом направлении. Появится больше проблем, и это будет прямо и косвенно влиять на безопасность Израиля. Участие в конференции будет означать для него возможность стать *инсайдером* процесса, а также возможность принятия определяющих решений на основе консенсуса при участии всех стран региона.

Кроме того, для Израиля это была бы хорошая возможность, чтобы продвигать и свою повестку дня, касающуюся вопросов биологического и химического оружия, ракет, способных доставлять обычные боезаряды и ОМУ. Наконец Израиль сам жаловался на отсутствие канала для взаимодействия с другими государствами региона, поэтому сегодня у израильтян есть варианты: либо изолировать себя, исключить из процесса, либо активно содействовать реализации своих представлений о безопасности в регионе дипломатическими средствами.

По большому счету у Израиля есть только один серьезный аргумент против участия — риск того, что Конференция по ЗСОМУ может превратиться в поле боя для пропагандистской риторики и обмена взаимными обвинениями. Это возможно, но маловероятно. В любом случае без Израиля мы не сможем организовать

эффективную Конференцию, поэтому мы надеемся, что вскоре Тель-Авив примет положительное решение.

Арабским странам было бы важно послать позитивный сигнал, что конференция будет проводиться в деловой манере на основе взаимного уважения. Как этот сигнал может быть отправлен — решать арабским государствам. Хорошим шагом было бы установление неформальных контактов по проблемам ОМУ между арабскими и израильскими представителями.

ОРЛОВ: Израиль, единственное государство региона, обладающее ядерным оружием, за это время ни на йоту не приблизился не только к безъядерному статусу и членству в ДНЯО, но даже к самым скромным мерам по сокращению и верификации своей военной ядерной деятельности. Именно Израиль остается сегодня ключевым дестабилизирующим фактором, когда речь идет о возможности формирования ЗСОМУ.

КАНТРИМЕН: Важно признать, что Израиль не чувствует себя обязанным выполнять решения Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., так как он не является членом ДНЯО. Но это остается правом израильтян, и их восприятие не изменится только потому, что какая-либо неправительственная организация или иностранное правительство говорят, что это в их интересах. Восприятие меняется, когда есть усилия по вовлечению и убеждению. Пока таких усилий на официальном уровне принято не было.

Правда, и другие региональные игроки сами не готовы предпринять соответствующие усилия. Они говорят, что единственная проблема безопасности на Ближнем Востоке — арсеналы Израиля. При этом ни слова не говорится об иранской ядерной программе, которая нарушает ДНЯО, или о сирийском химическом оружии. Такая риторика используется для внутреннего потребления, но она не сможет убедить Израиль принять участие в процессе. Более того, давайте будем откровенны, Соединенные Штаты не могут заставить Израиль принять участие в Конференции.

ОТКУВЕРТИОР: В этом контексте нам следует признать, что решения Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. страдают от двух фундаментальных недостатков: они были сформулированы в отсутствие одной из заинтересованных сторон из региона; также, похоже, региональные кризисы напрямую связаны с невозможностью реализации целей, обозначенных в отношении Ближнего Востока в Заключительном документе ОК ДНЯО. Это предмет нашей общей ответственности, и сейчас мы должны сосредоточиться на следующих аспектах.

Во-первых, независимо от Конференции, дипломатический прогресс в разрешении иранского ядерного кризиса по-прежнему является одним из двух ключей для сохранения ДНЯО в качестве краеугольного камня режима нераспространения. Вторым ключом является решение ядерной проблемы КНДР.

Во-вторых, гражданская война в Сирии должна закончиться. Как ни парадоксально, именно проблемы вокруг Ирана и Сирии демонстрируют, насколько ЗСОМУ необходима на Ближнем Востоке, но в то же время делают невозможным создание ЗСОМУ, пока не будут разрешены.

В-третьих, сегодня проект Конференции выглядит как проект сделки между Израилем и арабскими государствами: отказ от ядерного оружия в обмен на присоединение к КЗХО. Но это не работает таким образом. Поэтому необходимо четко сформулировать повестку дня будущей Конференции, способную включить, например, следующие аспекты: меры доверия, технические меры, сотрудничество между учеными, выполнение Резолюции СБ ООН № 1540, улучшение механизмов экспортного контроля, ядерная безопасность, создание всевозможных рабочих групп и т. д. И повестка дня Конференции должна быть предметом переговоров всех ее участников.

ПОТТЕР: Существует определенная рассогласованность в действиях всех ключевых игроков. Особенно остро они проявились в 2011–2013 гг. по линиям Израиль–ЛАГ, Израиль–Иран, ЛАГ–Иран. Здесь важно подчеркнуть: несмотря на то что влияние США в Израиле сегодня, вероятно, стало большим, чем это было в течение последних лет, поведение ЛАГ может подорвать любую перспективу того, что Израиль будет считаться с пожеланиями США и согласится принять участие в Конференции по ЗСОМУ. Таким образом, мы столкнулись с глубокими и растущими водоразделами, которые даже самые способные посредники вряд ли смогут преодолеть, если все ключевые стороны не проявят больше гибкости.

Также большинство наблюдателей за пределами региона недооценивает разочарование арабских государств, утверждающих, что обещания не были выполнены, и справедливо отмечающих, что было потеряно огромное количество времени и энергии из-за обструкционистской позиции одного государства в регионе, которое обладает ядерным оружием. В то же время не следует также недооценивать и влияние политической динамики в ряде ключевых арабских государств. Наконец, несмотря на отсутствие бойкота со стороны арабских стран на 2-й сессии Подготовительного комитета к Обзорной конференции ДНЯО–2015 г., у нас нет гарантий, что этого удастся избежать в 2014 и в 2015 гг. в Нью-Йорке, если только не будет определена точная дата Конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке.

ИССАХАРОФФ: Происходящие изменения в арабском мире и ядерная программа Ирана параллельны и создают угрозу для региона. В то же время документ Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. не отразил специфики региона, а угроза со стороны Ирана была проигнорирована. Опыт показывает, что все дипломатические прорывы: мирные договоры с Египтом, Иорданией и другие инициативы, — всегда исходили от прямых консультаций между Израилем и всеми сторонами, и эти контакты всегда были основой для договоренностей, заключенных добровольно. Именно поэтому Израилю нужны каналы связи с арабскими партнерами. На Ближнем Востоке мы должны высказывать свои озабоченности, глядя в глаза нашим арабским партнерам.

Мы хотели бы, чтобы арабские страны вышли на нас напрямую, а не через форумы, такие как ДНЯО, в котором мы не участвуем. Нужно думать о том, как напрямую разговаривать, как осуществлять диалог, как взглянуть по-другому на проблему.

Каким образом в проекте ближневосточной ЗСОМУ учитываются иранский и сирийский факторы? К тому же ситуация в Сирии представляет не меньший интерес и для наших арабских соседей. А самая главная проблема — это невозможность прогнозировать события в регионе не только в ближайшие годы, но и в ближайшие месяцы.

СОЛТАНИЕ: Я твердо убежден, что диалог и переговоры, обмен мнениями очень важны, потому что мы должны учиться друг у друга, прислушиваться друг к другу. В этой связи как можно ожидать установления ЗСОМУ на Ближнем Востоке, когда Израиль непрерывно говорит, что он не планирует присоединяться к ДНЯО и даже участвовать в решении вопросов нераспространения ядерного оружия? Иран, напротив, является одним из основных сторонников создания безъядерной зоны в регионе, с самого 1974 г.

Проблемы Ближнего Востока будут решены, если все страны без исключения будут непосредственно участвовать в диалоге. Однако непримиримая позиция Израиля в этом вопросе — главный фактор нашего скептического отношения к перспективам Конференции. Израиль ставит под сомнение решения Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., но в то же время хочет мира в регионе и не признает наличия у себя ядерного оружия. И здесь первый шаг к миру и стабильности в регионе — отказ Израиля от ядерного оружия.

Вместе с тем и Иран, и Израиль являются членами ООН, поэтому для успеха Конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке она должна быть организована только под эгидой ООН.

ХАЛИЛ: Несмотря на заявленную готовность всех субъектов в регионе, включая Иран и Израиль, инициировать создание ЗСОМУ, государства на Ближнем Востоке далеки от достижения этой цели. Препятствиями на этом пути являются географическое определение границ региона и те виды ОМУ и средств его доставки, на которые будет наложен запрет. Однако главным из них является наличие ядерного потенциала у Израиля и его отказ от подписания ДНЯО вследствие того, что главной мотивацией этого государства является сдерживание — аргумент, который сегодня не является ни реалистичным, ни логичным.

ЗСОМУ И РАЗВИТИЕ МИРНОГО АТОМА

ХАЛИЛ: Распространение и развитие атомной энергетики в последнее время становится вызовом и воспринимается многими как дестабилизирующий фактор. Хотя экспорт мирного атома не рассматривается как акт распространения и не может рассматриваться в качестве такового, но развитие гражданской ядерной энергетики на Ближнем Востоке привлекло международное внимание и спровоцировало рост противоречий.

Государства Ближнего Востока так же, как и остальные страны сталкиваются с проблемой повышения энергетической безопасности путем разработки и внедрения нетрадиционных источников энергии. В странах, имеющих ограниченные ресурсы и страдающих от острой проблемы нехватки энергии, обеспечение устойчивых источников ее по разумной цене является ключевым приоритетом. Это относится и к Иордании — имея в распоряжении атомную энергию и учитывая наличие запасов урана, мы обречем водную безопасность и обеспечим устойчивое развитие страны.

СПАССКИЙ: Вопрос надо ставить в более широком контексте: какую роль мирная атомная энергетика играет на Ближнем Востоке и как это связано с проблемой ЗСОМУ? Ядерная энергия сама по себе может стать добром или злом в зависимости от того, как ее используют.

Мы категорически не согласны с позицией, когда развитие атомной энергетики на Ближнем Востоке рассматривается как абсолютное зло. При всей нестабильности развитие атомной энергетики на Ближнем Востоке в последние годы продолжается достаточно интенсивно. Более того, отказ от развития атомной энергетики является обременительным и непродуктивным. Безусловно, мы выступаем за широкое международное сотрудничество в этой области и сотрудничаем с целым рядом стран региона. Мы исходим из принципа строгого соблюдения международного права в двух связанных сферах: ядерного нераспространения и ядерной безопасности.

Важнейшее условие состоит в том, что сотрудничество в сфере мирного атома может осуществляться только под очень жестким контролем соблюдения правил нераспространения и ядерной безопасности. Если эти требования будут соблюдены, мы будем сотрудничать. Если же нет, мы будем вынуждены остановить сотрудничество.

В то же время для нормального развития атомной энергетики необходима мирная обстановка: из-за особенностей АЭС вооруженные конфликты не совместимы с этим видом энергетики. Это понимание не приходит автоматически, но когда возникает сотрудничество в ядерной сфере, когда мы начинаем обсуждать накопленный в данной области опыт, делиться информацией, мышление наших собеседников серьезно меняется.

В этом контексте ЗСОМУ на Ближнем Востоке не является самоцелью — это задача, которая является частью системных усилий, которые многие страны принимают на международном уровне. Если спроецировать такие усилия на Ближний Восток, сама идея создания зоны является очень важным элементом стимулирования системы мира и безопасности в этом регионе в целом.

ОРЛОВ: Странам региона следует обратить внимание на возможности, которые открывают многосторонние подходы к развитию ядерного топливного цикла (ЯТЦ). В атомной области странам Ближнего Востока необходимо усиливать институциональное сотрудничество и подумать о разработке механизмов раннего предупреждения ядерного инцидента. Региональная организация по сотрудничеству в атомной энергетике могла бы такую роль выполнить. Она же могла бы, не вытесняя МАГАТЭ, постепенно стать проводником целого ряда мер, необходимых на пути установлению в регионе ЗСОМУ.

Например, механизмы раннего оповещения о ядерном инциденте заложены в Бангкокском договоре о ЗСЯО в Юго-Восточной Азии. И в целом опыт существующих ЗСЯО, а также других региональных структур — от Евратома до Аргентино-бразильского агентства по контролю и учету ядерных материалов (АБАКК) — может быть применен при формировании задач *ближневосточного МАГАТЭ*.

ШАКЕР: Создание ЗСОМУ действительно могло бы открыть возможности для активного сотрудничества в мирном использовании атомной энергии. Возможным итогом могло бы стать установление регионального механизма функционирования ядерного топливного цикла. И наоборот, регионализация ядерного топливного цикла могла бы ускорить процесс создания ЗСОМУ.

Если говорить о создании региональной организации, которая бы обеспечила имплементацию будущего договора о ЗСОМУ, то она, действительно, могла бы иметь много общего с Евратомом или АБАКК. При этом такая организация могла бы работать в тесной связке с МАГАТЭ, КЗХО и другими подобными уже существующими организациями.

И почему бы нам не придать чувствительным технологиям Ирана международный или региональный характер, привлечь заинтересованные круги из арабских стран? Иран сохранит свои обогатительные мощности, но у него появятся партнеры, которые смогут следить за процессом, участвовать в управлении, как в *URENCO*. Мы не только сможем наблюдать друг за другом, но и воспользоваться эффектом масштаба — другим странам не понадобится только своими силами развивать уже существующую отрасль.

БАКЛИЦКИЙ: В развитии атомной энергетике на Ближнем Востоке в течение последних лет прослеживается ряд интересных изменений. Сегодня мы увидим, что Бушерская АЭС в Иране достигла своей проектной мощности, началось строительство реактора в Марокко, южнокорейцы начали строительство АЭС в ОАЭ, ведется подготовка для строительства АЭС в Турции.

Если мы посмотрим на список ближневосточных стран, проявляющих наибольший интерес к атомной энергии, то особо выделяются Иран и Иордания. Они сейчас находятся на перепутье. Иран уже имеет одну АЭС и стоит перед выбором, нужно ли строить еще или не строить, а если строить, то своими силами или нет. *Бушер* сегодня обеспечивает около 2% всей потребляемой в Иране электроэнергии, более того, там ее избыток, который страна продает своим соседям. Поэтому потребность Ирана в новых атомных станциях находится под большим вопросом, если только новые АЭС не призваны улучшить его имидж и повысить статус исламской республики в регионе.

Иордания также заинтересована в развитии атомной энергетике и обладает соответствующим потенциалом в виде запасов урана. Королевство сильно зависит от импорта углеводородов, и ядерная энергетика является хорошим реше-

нием проблемы. Но для Иордании важно иметь источник финансирования строительства АЭС, в то время как стоимость одной АЭС может составить до 1/6 ВВП Иордании. Не факт, что страна пойдет на такие расходы и сможет себе это позволить.

Что касается Египта, то из-за внутривосточной ситуации его способность реализовывать какие-либо крупные инфраструктурные проекты в ближайшее время маловероятна. У Саудовской Аравии есть деньги для инвестиций в отрасль, но у нее нет серьезных стимулов и острой необходимости для этого, несмотря на весь декларируемый интерес.

ОРЛОВ: В заключение должен сказать, что никакие усилия России, равно как и других участников переговорного процесса, не увенчаются успехом, если не найдется воли у самих ближневосточных государств — на сотрудничество в развитии атомной энергетики, на построение мира в регионе и его освобождения от ОМУ. 🐘

Белая книга ПИР-Центра

Десять шагов к созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке:

1. Совместное заявление всех стран региона, в котором страны примут обязательство воздерживаться от атак на все задекларированные ядерные объекты друг друга, находящиеся под гарантиями МАГАТЭ, равно как и от угрозы таких атак.
2. Разработка *дорожной карты*, указывающей путь к постепенной постановке всех объектов ядерной инфраструктуры региона под гарантии МАГАТЭ.
3. Ратификация ближневосточными странами Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ.
4. Формирование постоянно действующего регионального механизма по мерам доверия в ядерной области, а также в области химического и биологического оружия и отдельных типов средств доставки.
5. Ратификация всеми странами региона Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.
6. Заключение договоренностей о запрещении ракет с дальностью свыше 3500 км.
7. Формирование межгосударственной комиссии по выработке текста договора о зоне, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке, в процессе разработки договора все государства региона должны присоединиться к Конвенции о запрещении химического оружия и Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия.
8. Интернационализация и регионализация ядерного топливного цикла.
9. Институционализация сотрудничества в атомной области, создание единой региональной структуры.
10. Создание на Ближнем Востоке эффективных механизмов раннего оповещения о ядерном инциденте.

Полный текст Белой книги доступен на сайте ПИР-Центра: <http://pircenter.org/articles/1302-white-paper-ten-steps-toward-a-weapons-of-mass-destructionfree-zone-in-the-middle-east>

Примечания

¹ Международная Конференция 2012 по созданию зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке — в поиске конструктивных решений проведена ПИР-Центром 4 октября 2012 г. в Москве с участием Ваэля Аль-Ассада, Роуз Готтемюллер, Иеремии Иссахароффа, Сергея Рябкова, Али Асгара Солтание, Николая Спасского, Михаила Ульянова, Мохаммеда Шаке-ра и др. Подробнее: <http://pircenter.org/events/1721-2012-conference-on-the-middle-east-zone-free-of-weapons-of-mass-destruction-searching-for-solutions> (последнее посещение — 5 сентября 2013 г.).

² а) Семинар ПИР-Центра *На пути к Обзорной конференции ДНЯО 2015 на полях четвертой встречи государств Ядерной пятерки* в Женеве 19 апреля 2013 г. с участием Уильяма Поттера, Бенжамин Откувертюра и др. Подробнее: <http://pircenter.org/events/1798-pir-center-and-the-russian-foreign-ministry-p5-conference-public-event-on-the-way-to-the-2015-npt-review-conference> (последнее посещение — 5 сентября 2013 г.); б) Презентация Белой книги ПИР-Центра *Десять шагов к созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке* на полях второй сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции ДНЯО 2015 г. прошла в Женеве 25 апреля 2013 г. в Библиотеке ООН с участием Ваэля Аль-Ассада, Сами Абул-Энейна, Томаса Кантримена, Михаила Ульянова и др. Подробнее: <http://pircenter.org/events/1801-presentation-of-pir-center-white-paper-ten-steps-towards-a-weapons-of-mass-destruction-free-zone-in-the-middle-east-as-a-side-event-at-the-second-prep-com-for-the-2015-npt-review-conference> (последнее посещение — 5 сентября 2013 г.).

³ United Nations Security Council Resolution № 1803 (2008).

⁴ Указ Президента В.В. Путина от 7 мая 2012 г.

Евгений Сатановский, Александр Шумилин

ГОЛУБЫЕ КАСКИ: ПРИЧИНЫ БЕССИЛИЯ

From: Evgeny Satanovsky

To: Alexander Shumilin

Subject: *International peacekeeping missions: success or failure?*

Дорогой Александр Иванович!

Обсуждение эффективности миротворческой деятельности ООН на Ближнем и Среднем Востоке, говоря по чести, ставит меня в тупик. Мое мнение по поводу ООН в целом и миротворческой деятельности этой почтенной организации в частности крайне отрицательное. Едва ли в мире можно найти другой столь же яркий пример забюрократизированности и неэффективности, коррупции и ханжества международной политической системы.

Однако другого механизма согласования интересов победителей Второй мировой войны не было и нет — в этом отношении ООН как реликт холодной войны дееспособна, но именно как реликт. Группы поддержки главных игроков давно перемешались, участвующие в них страны вертят бывшими великими державами, как хотят, и многие из них, вроде Катара и Саудовской Аравии, сами претендуют на роль игроков.

Мир стремительно возвращается к соотношению сил, напоминающему XVIII или даже XVII в., когда Европа по сравнению с Азией представляла собой примерно то, что будет представлять в обозримом будущем. О России и не говорим. Все, кто может обойтись без ООН, обойти ООН или не обращать на ООН внимания, это делают. Но международная бюрократия делает все, чтобы сохранить видимость деятельности, продлевая финансирование.

ИМИТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ VS. СПАСЕНИЯ ЖИЗНЕЙ

Говоря о миротворчестве, односторонние действия вне рамок ООН, будь то операции в Марокко, действия Турции или Израиля, эффективней и имеют больше шансов на успех и позволяют учитывать изменения в обстановке и гибко реагировать на них. В местных конфликтах ООН никого ни от кого не спасает и спасти не может. Взаимодействовать с регулярными армиями государств, договорившихся о прекращении военных действий, у них получается прекрасно. Если есть две столицы, откуда контролируется ситуация на линии прекращения огня, почему бы и не *помиротворствовать*. Классический случай — Кипр, хотя непонятно, зачем в этом случае нужны *голубые каски* — хватило бы видеокamеры на шесте с прикрепленным флажком.

А
К
И
М
Е
П
О
Л
Е

Но вот в случае начала действительных боевых действий, когда миротворцы действительно нужны, они исчезают с поля битвы. Да и когда требуются конкретные действия: разоружить ливанскую *Хезболлу*, противостоять иррегулярным отрядам террористов на сирийских Голанах или предотвратить геноцид в Дарфуре — миротворцы бессильны. Они и себя-то защитить не могут, как показывает текущая ситуация в Судане и Сирии. Таким образом, эффект от их деятельности — ноль. Не согласные с этим могут предъявить общественности хоть какой-нибудь урегулированный с их помощью конфликт.

Есть ли при всем этом альтернатива миротворчеству под эгидой ООН? Нет, поскольку ни о каком реальном миротворчестве речи здесь не идет, хотя и происходит правдоподобная имитация деятельности.

Если разуместь под понятиями *миротворчество* и *миротворец* нечто, удерживающее стороны от войны, то люди, делающие ноги и исчезающие вперед собственно-го визга, — это никакие не миротворцы, они лишь имитируют такую деятельность.

Все, где не получается — а не получается ничего и нигде — оставлено или, как в случае с Афганистаном, вскоре будет оставлено на произвол судьбы, олицетворенной местными бандитами, религиозными экстремистами и террористическими группировками. Обычно это сопровождается сообщениями мировых средств массовой информации о победе демократии.

Поэтому о современном миротворчестве я могу сказать — все это вранье, казнокрадство и имитация деятельности, сопровождающаяся на местах многочисленными преступлениями миротворцев против гражданского населения: вспомним Судан, Сомали, Ирак, Афганистан и ту же Югославию.

Искренне твой,

Евгений Сатановский.

From: Alexander Shumilin

To: Evgeny Satanovsky

Subject: RE: *International peacekeeping missions: success or failure?*

Дорогой Евгений Янович!

Я во многом разделяю твои взгляды, но не во всем. Да, ООН — *реликт* Второй мировой и другого механизма согласования интересов победителей в той войне не было и нет. А потому это данность, причем вместе со всем *ООНовским* миротворчеством. Более того, этот *реликт* должен быть основательно реформирован — хотя бы на уровне Совбеза, чтобы голос одного постоянного члена не парализовал работу всей организации, не становился порой смертным приговором для десятков и сотен тысяч мирных жителей в зоне конфликта.

Да и что предложить взамен? Нечто вроде *Лиги демократических государств*, о которой в ходе своей избирательной кампании в 2008 г. говорил сенатор Джон Маккейн? Не будет ли это означать институциональный раскол мирового сообщества? Как *Орган Морального Приоритета* такая лига, наверное, могла бы существовать, но вряд ли она способна стать эффективной в урегулировании конфликтов. Скорее наоборот: она стимулировала бы потенциал конфронтации и прямого столкновения ядерных держав в конфликтных зонах. Ведь нынешние Россия и Китай были бы, мягко говоря, не самыми желанными ее членами. Сегодня же все вынуждены договариваться, что худо-бедно, но снижает конфронтационные риски.

Понятно, что задачи обороны и безопасности не могут доверяться государством международным структурам и, особенно, миротворческим силам, мандат которых весьма ограничен. Тем не менее не стоит недооценивать сам потенциал миротворчества, который не сводится к размещению наблюдателей в зоне разграничения противостоящих сторон.

Понятие *миротворческой деятельности* включает *превентивную дипломатию*, собственно *миротворчество* (как самостоятельный сегмент миротворческих усилий), *поддержание мира*, *принуждение к миру* и *миростроительство*. Представляется, что в случае принятия согласованных решений в Совбезе ООН может открыться весь спектр мероприятий, которые смогут обеспечивать снижение напряженности и достижение урегулирования.

Все вышесказанное касалось необходимости миротворчества для урегулирования межгосударственных конфликтов, однако остается справедливым и по отношению к другим типам конфликтов. Важно подчеркнуть, что такие видные чиновники ООН, как Бутрос Гали, Кофи Аннан и Лахдар Брахими, в середине 1990-х гг. стали инициаторами развития концепции миротворчества, распространив ее на межэтнические и межконфессиональные конфликты, то есть те, которые протекают внутри государств с большими потерями среди мирного населения.

Так, за период боев в Боснии и Герцеговине в 1992–1994 гг. погибло около 200 тыс. мирных жителей, более 2 млн стали беженцами. Будучи генсеком ООН, Кофи Аннан ввел в практику понятия *превентивное развертывание*, *превентивная гуманитарная помощь*, *превентивное миростроительство*. Более того, в практику миротворческих операций прочно вошли такие нововведения, как создание гражданских полицейских сил и наблюдение за их деятельностью, проведение выборов, контроль над соблюдением прав человека, укрепление институтов демократии и гражданского общества, свободы слова. Это все как раз и направлено на то, чтобы исключить ситуацию *одной победившей стороны*, а урегулирование оказалось максимально прочным.

Также стоит заметить, что сегодня практически ни одна из миротворческих операций ООН не носит чисто военного характера, а включает в той или иной форме гражданский компонент, что спасает жизни десятков и сотен тысяч людей.

С уважением,

Александр Шумилин

From: Evgeny Satanovsky

To: Alexander Shumilin

Тема: RE [2]: *International peacekeeping missions: success or failure?*

Дорогой Александр Иванович!

Я полагаю, что ООН — структура, не подлежащая реформированию в принципе. И ничего взамен не предлагаю — что выросло, то выросло. Видимо, ничего другого вырасти на этой почве и из этих корней не могло.

Истинная правда в том, что все, кто может, в том числе США, в настоящее время плевать хотели на ООН везде, включая вопросы войны и мира, и упомянутое предложение сенатора Маккейна всего лишь предлагает конституировать эту прискорбную реальность.

Но, как ни странно, есть примеры обратного. Лишь присутствие Израиля в Газе сдерживало гражданскую войну между палестинскими группировками и кланами: сразу по окончании оккупации ХАМАС и ФАТХ организовали активную и до сих пор продолжающуюся резню друг друга, в которую на данном этапе лишь включают новые игроки (*Исламский Джихад* и прочие). ООН об этом знает, но призывает израильский ЦАХАЛ уйти, одновременно сотрудничая с террористами в лагерях беженцев и на международной арене. При этом сам Израиль работает на *длинную дистанцию*, невзирая на потери, чего никто из западных держав не делает.

По поводу *принуждений к миру* и им подобных операций последних двух с лишним десятилетий — хоть в Югославии, хоть в Сомали или Ираке — мое мнение также крайне невысоко. Цена — в первую очередь для гражданского населения — громадная, цели сомнительные, а результатов никаких: где-то само затихло, где-то продолжается.

Что до всех перечисленных тобой видных деятелей ООН, снискавших себе лавры и построивших на миротворчестве карьеру. Гали и Брахими — обычные международные бюрократы: толку от них было мало, но и вреда особого они не принесли. Но говорить о Кофи Аннанае как об инициаторе развития концепции миротворчества немислимо!

В истории ООН есть персонажи с более спорной репутацией, но их немного. Именно на его руках кровь сотен тысяч тутси и хуту, убитых в ходе геноцида в Руанде, так как именно он командовал миротворческими операциями ООН. Он отвечал и отвечает за все, что там происходило, и за все, что не было сделано, за всех тех, кого он *не дал* защитить, а также за то, что у миротворцев были связаны руки из-за *отсутствия мандата*.

Чтобы доказать мой вышеизложенный тезис о неэффективности *ООНовского* миротворчества, можно пройтись по примерам миссий, действующих в означенном регионе до сих пор и проанализировать их успешность.

Израиль. Разъединением Израиля и его соседей занимаются Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП) между арабскими странами и Израилем, Силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР) вооруженных сил Израиля и Сирии на Голанских высотах и Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ). ОНВУП был создан на основании резолюции СБ ООН № 50 в 1948 г. В настоящее время военные наблюдатели ОНВУП приданы силам ООН на Голанских высотах и в Ливане. Группа наблюдателей присутствует на Синайском полуострове. За соблюдением условий мирного договора между Египтом и Израилем наблюдают специальные международные силы, не подчиненные ООН. Штаб-квартира находится в Иерусалиме, представительства в Бейруте и Дамаске.

СООННР созданы в соответствии с резолюцией СБ ООН № 350 от 1974 г., их мандат продлевается СБ ООН раз в полгода, они контролируют район протяженностью 80 км и шириной от 1 до 10 км. Штаб СООННР размещен в лагере Фауар, в Дамаске есть их представительство. СООННР размещены в 2 лагерях, несут службу на 44 позициях и 11 наблюдательных пунктах и раз в две недели проверяют зоны ограниченного военного присутствия вооруженных сил Сирии и Израиля, а также проводят разминирование подконтрольной территории.

ВСООНЛ были созданы на основе резолюции СБ ООН № 425 от 1978 г. В соответствии с резолюцией СБ ООН № 1701 от 2006 г. их полномочия были расширены, численность увеличена, создано Морское оперативное соединение. Мандат ежегодно продлевается Совбезом ООН. Штаб расположен в ливанском городе Эн-Накура. Морское оперативное соединение состоит из 5 боевых кораблей и вспомогательного судна ВМС Германии, Греции, Италии и Турции. ВСООНЛ должны наблюдать за режимом прекращения огня, препятствовать незаконному военному присутствию на юге Ливана, пресекать контрабанду туда оружия и боеприпасов. В условиях *Арабской весны* миссии ООН, действующие на арабо-израильском направлении, с обязанностями справиться не смогли.

Афганистан. Политику ООН в Афганистане реализует Миссия по содействию Афганистану (МООНСА), учрежденная в 2002 г. Штаб-квартира находится в Кабуле, региональные отделения в Бамиане, Гардезе, Герате, Джелалабаде, Кандагаре, Мазари-Шарифе и других населенных пунктах, есть отделения в Исламабаде и Тегеране. Краткий итог деятельности: провал по всем направлениям, включая собственную безопасность.

Судан. Рассматривая деятельность ООН в Судане следует остановиться на Миссии ООН в Судане (МООНВС) и смешанной операции Африканского союза (АС) и ООН в Дарфуре (ЮНАМИД). Миссия в Судане, учрежденная на основании резолюции СБ № 1590 от 2005 г. действует в 6 секторах пограничных районов Северного и Южного Судана. Ее возглавляет спецпредставитель Генерального секретаря ООН. Штаб-квартира размещена в Хартуме. Представительства МООНВС действуют в столице Южного Судана Джубе и других городах региона.

Смешанная операция Африканского союза и ООН проводится на основании резолюции СБ ООН № 1769 от 2007 г. в интересах «содействия скорейшему и эффективному осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру и обеспечению защиты гражданского населения». Мандат ЮНАМИД, ежегодно продлеваемый Совбезом ООН, включает наблюдение за ситуацией вдоль границ Судана с Чадом и Центральноафриканской республикой. Руководит ЮНАМИД совместный спецпредставитель АС и ООН, подчиняющийся Генеральному секретарю ООН и председателю Комиссии АС.

Координация деятельности АС и ООН осуществляется через Совместный механизм координации и поддержки в Аддис-Абебе (Эфиопия). Штаб миссии и миротворческого контингента размещен в Эль-Фашере (Северный Дарфур). Зона ответственности ЮНАМИД разделена на сектора: Север (штаб в Эль-Фашере), Запад (Эль-Гонейн) и Юг (Ньяла). Миссия имеет представительства в 55, а миротворцы дислоцированы в 30 населенных пунктах (по 10 в секторе). Деятельность ООН в Судане не влияет ни на конфликт между Севером и Югом, ни на этноконфессиональные столкновения. Безопасность сотрудников и миротворцев не обеспечена и обеспечена быть не может.

Западная Сахара. Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) была учреждена в соответствии с резолюцией СБ ООН № 690 от 1991 г. В том же 1991 г. при посредничестве ООН Марокко, считающее Западную Сахару неотъемлемой частью своей территории, и Народный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО), достигли договоренности о прекращении огня. Помимо разделения сторон и проведения референдума, МООНРЗС должна была обеспечить освобождение западносахарских политзаключенных, наблюдать за обменом военнопленными в сотрудничестве с Международным комитетом Красного Креста и осуществлять программу репатриации вместе с Верховным комиссаром ООН по делам беженцев.

В нарушение изначального плана в 1992 г. референдум не был проведен. Комиссия МООНРЗС по идентификации его участников в 1993–1999 гг. выполнила свою работу, но процесс буксует до настоящего времени. Генеральный секретарь ООН через специального посланника периодически ведет переговоры с представителями конфликтующих сторон.

Штаб-квартира Миссии расположена в городе Эль-Аюн (Западная Сахара). 9 опорных постов наблюдателей ООН размещены по обе стороны вала, построенного Марокко вдоль границы с Мавританией и Алжиром, который отделяет западную зону, контролируемую Марокко, от восточной, управляемой Фронтом ПОЛИСАРИО. В алжирском городе Тиндуф находится отделение связи МООНРЗС, поддерживающее связь с руководством Фронта ПОЛИСАРИО и алжирской администрацией.

Ежегодно проводится до 8500 наземных и 600 вертолетных патрулирований, действует Центр МООНРЗС по координации деятельности, связанной с разминированием. Миссия помогает Международному комитету Красного креста в поиске лиц, пропавших без вести, и оказывает гуманитарную помощь беженцам *сахрави*

в районе Тиндуфа. Конфликт приобрел хронический характер, а обострение ситуации в Сахаре и Сахеле после падения режима Муаммара Каддафи в Ливии сводит его опасность для региона к нулю.

Как следствие всего вышесказанного о роли ООН на Большом и Среднем Востоке, повторю еще раз: ООН на БСВ занимается призраками прошлого, действует исключительно в своих собственных бюрократических интересах, ни на что не влияет и влиять не может, не занимается реальными проблемами и не способна не только ими заняться, но даже поставить вопрос об этом. Вывод: если завтра все без исключения миротворческие миссии ООН в регионе перестанут функционировать, на это мало кто обратит внимание, так как безопасность в настоящей ситуации они никому не обеспечивают и обеспечивать не могут.

Искренне твой,

Евгений Сатановский

From: Evgeny Satanovsky

To: Alexander Shumilin

Subject: *The UN role in Middle East peacemaking process*

Дорогой Александр Иванович!

Исходя из моего убеждения про абсолютную неэффективность миротворчества следовало бы задаться вопросом, а что необходимо для того, чтобы в таком регионе, как Большой и Средний Восток, наступил мир? Необходимо, чтобы был победитель и побежденные, и правила игры определял именно победитель — как в Европе после Второй мировой. На Большом и Среднем Востоке это Марокко в случае Западной Сахары, Израиль в приграничных конфликтах, Иран, когда и если у него случится война с соседями по Заливу, итоги которой, если извне никто не вмешается, понятны. И так далее.

ДИКТАТ ПОБЕДИТЕЛЯ VS. РЕФОРМЫ ООН

Внешние арбитры ни о каком мире отродясь не думали, не думают и думать не будут — они обеспечивают исключительно собственные интересы и собственное присутствие там, где им это представляется необходимым, попутно увековечивая местные конфликты и загоняя их в тупик, но ханжество в политике никто не отменял.

Отдельно стоит сказать про нерегулируемость конфликтов: никто не отменял того факта, что напрямую контролировать даже отдельно взятые Ирак и Афганистан, никто из внешних игроков не в состоянии, и тем более не в состоянии контролировать весь регион. США, НАТО или войска международных коалиций годятся только для того, чтобы снести до основания местную власть — талибскую, баасистскую или каддафистскую. Последующая борьба всех против всех *на местах* заставляет покидать БСВ, не достигнув ни мира, ни безопасности, даже крупнейшие армии современного мира. Миротворцы же ООН в ситуации, когда они призваны препятствовать возрождению доисторических конфликтов, выглядят совсем уже клоунами, притом что в реальной жизни рядом с ними миллионы беженцев становятся десятками миллионов, а число погибших в каждой новой региональной войне насчитывает сотни и сотни тысяч.

Искренне твой,

Евгений Сатановский

From: Alexander Shumilin

To: Evgeny Satanovsky

Subject: RE: The UN role in Middle East peacemaking process

Дорогой Евгений Янович!

Говоря о роли, которую играет ООН конкретно для региона БСВ, я бы поставил под сомнение оправданность разговоров о ее полной бесполезности. Именно резолюция Генассамблеи стала правовой основой создания (или воссоздания) государства Израиль. Именно в ООН сошлись корыстные замыслы и устремления Сталина, Трумэна, Черчилля и других послевоенных лидеров, став решением коллективным, материализованным в этой резолюции. И вскоре после провозглашения государства Израиль 15 мая 1948 г., в ходе несправедливой (т.е. шедшей вразрез с решением ООН) войны арабских стран против Израиля были созданы первые подразделения *голубых беретов* и группы международных наблюдателей, направленные в регион Органом ООН по наблюдению за условиями перемирия в Палестине.

После Суэцкого кризиса 1956 г. концепция миротворчества пополнилась учреждением операций ООН по поддержанию мира с применением вооруженных сил (*голубых касок*) стран-членов и были созданы Первые Чрезвычайные вооруженные силы ООН (UNEF-I) на Ближнем Востоке. Это те самые силы, которые были размещены в основном между Египтом и Израилем, те самые, которым было суждено сыграть немалую роль в ситуации мая-июня 1967 г.

Напомню, что именно решение египетского президента Насера о выводе этих подразделений было расценено израильским руководством как явное намерение Египта и других стран начать боевые действия против Израиля. И тогда последовал упреждающий удар со стороны еврейского государства, завершившийся его тотальной победой. А если бы не эта *помеха* в виде *ООНовских* миротворцев-наблюдателей, как бы развивались события? Кстати, октябрьская война 1973 г. показала наглядно, как: вероломное нападение египтян и сирийцев в еврейский праздник Йом Кипур стало серьезной угрозой для Израиля. Правда, к тому времени еврейское государство уже обладало *стратегической глубиной* в виде территорий (Синай, Голанских высот), что дало запас времени для мобилизации и контрудара.

Добавлю сюда последовавшее в 1974 г. завершение длившейся десятилетия дискуссии об определении понятия *агрессия* — таковой с того момента в Уставе ООН считается не столько сам факт нанесения первого удара, сколько подготовительные мероприятия (в частности в виде блокирования портов и коммуникаций, угрозы применения силы против соседнего государства и т.д.). А новшества эти как раз были *навеяны* ситуацией вокруг Израиля в середине 1967 г.

Не вполне соглашусь и с тезисом о необходимости победителя и побежденных для установления мира на БСВ. В противостоянии с арабскими странами Израиль всякий раз одерживал *победу в бою*, а до окончательной победы еще нужны, подчеркну, политические усилия. К длительному миру с Египтом Израиль пришел в результате победы, подкрепленной политическими договоренностями в Кэмп-Дэвиде в 1979 г., без чего *сериал* военных действий на египетском фронте продолжался бы. То же относится к ситуации Израиля с Иорданией — только политический мирный договор гарантирует настоящую победу. А договор — это всегда компромисс, когда обе стороны формально считают себя *победителями*.

С уважением,

Александр Шумилин

ПОЛИТИКА

From: Alexander Shumilin

To: Evgeny Satanovsky

Subject: *The situation in Syria and the UN peacekeeping possibilities*

Дорогой Евгений Янович!

Рассуждая сегодня о миротворчестве под флагом ООН, мы, конечно, не можем не держать в уме происходящее в Сирии. Думаю, что ты со мной согласишься в том, что трудно найти в истории последних десятилетий более яркий и показательный пример неэффективности ООН в плане миротворчества.

Здесь мы наблюдаем тот самый дефект этой организации, с которого я начал: ООН полностью парализована. Число жертв там уже зашкалило за сотню тысяч и продолжает увеличиваться, а ООН стоит в стороне в позе *укоризненного наблюдателя*! Попытки созвать под ее крылом мирную конференцию оборачиваются фиаско. И это при наличии всех соответствующих данной трагической ситуации норм в самом Уставе и в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи, в частности в известном документе *R2P (Responsibility to Protect)*, обязывающем мировое сообщество, постоянных членов Совбеза, принимать меры по защите мирного населения во внутрисосударственных конфликтах.

В случае с Сирией, конечно, даже теоретически *ООНовское* миротворчество не может быть ограничено подразделениями наблюдателей-филиппинцев или малазийцев. При согласовании в Совбезе это могла бы быть операция по принуждению к миру с мандатом применения оружия по самозащите миротворцев. Речь могла бы идти о совместной операции опытных и оснащенных подразделений ведущих держав. Потенциал миротворчества это предполагает. Но сегодня такое возможно разве что в теории или фантазии.

Впрочем, и попытки США и России созвать мирную конференцию под эгидой ООН — это тоже элемент миротворчества. Значит, проблема не в самом миротворчестве, не в его правовой базе, а в политической воле и готовности постоянных членов Совбеза взяться всерьез за решение проблемы через реализацию хотя бы имеющихся механизмов миротворчества.

С уважением,

Александр Шумилин

From: Evgeny Satanovsky

To: Alexander Shumilin

Subject: *RE: The situation in Syria and the UN peacekeeping possibilities*

Дорогой Александр Иванович!

Я бы не взялся утверждать, что именно Сирия является самым ярким и показательным примером неэффективности ООН. Сирия в этой части ничем не выделяется и ничего особенного, выходящего за рамки стандартного ближневосточного зверства, там не происходит. А по меркам африканским — это полное благолепие, с мелкими *шероховатостями*, не заслуживающими особого внимания общественности.

Я не понимаю, почему жизни жертв *демократизации* Ирака и Афганистана, триа-
балистской войны всех против всех в Сомали, геноцидов в Руанде, Судане и Конго
или исламистско-племенной резни в Йемене, Ливии и странах Сахеля стоят так
мало по сравнению с сирийскими?

Или же вопрос в том, кто оплачивает убийц? И если это Катар, Саудовская Аравия
и Турция при поддержке западного блока, то сепаратисты, террористы *Аль-Каиды*
и боевики *Братьев-мусульман*, не говоря уже о дезертирах из *Свободной Сирий-
ской Армии* — это хорошие парни?

Ни в какой гражданской войне миротворцы ничего сделать не смогут, и не в ООН
тут дело. Когда из нашей страны в нашу Гражданскую войну войска Антанты выши-
бали, ООН и в помине не было. Да и у американцев за полвека до того Авраам
Линкольн победил Конфедерацию. Просто ханжества и глупого инфантилизма в те
времена было меньше, а прагматизма больше. Так что не будем о Сирии.

Политика, в том числе международная, есть, была и будет подлостью высшей
пробы. Раньше все, провоцировавшие войны и совершавшие революции или
занимавшиеся *предотвращением* войн и подавлением революций, были чест-
нее: они не пытались выглядеть херувимами. Так что про *моральные* и прочие
эталоны здесь можно забыть. Для каннибала эталон — бифштекс из человечины.
Для жреца Мардука — принесенный в жертву младенец. Для ацтека — вырван-
ное из груди, еще бьющееся сердце. Для испанской Инквизиции — костер
аутодафе. Для демократических Афин — чаша цикуты, выпитая Сократом. Для
демократической Великобритании — снесенный с лица земли Дрезден. А для
не менее демократических Соединенных Штатов — атомная бомба, сброшенная
на Японию.

Вся мировая политическая система — результат договоренности группы интрига-
нов, ханжей, самодуров, диктаторов и подлецов разного уровня о том, как бы им
друг другу глотки не перегрызть. Приняв такое мое убеждение за исходную пози-
цию, можно понять, что для меня вопрос состоит не в том, плох ли Башар Асад
(конечно, плох), а в том, что все те, кто его свергают, еще хуже.

Если бы там в одной упряжке были не *Братья-мусульмане*, *Аль-Каида*, дезертиры,
ваххабитские диктаторы Залива и их западные партнеры, а мать Тереза, академик
Сахаров и Вацлав Клаус, тогда я бы еще подумал. А так как есть — спаси Господь
Сирию и от таких *демократов* и *освободителей*, и от системы, которая может
открыть им дорогу к власти.

Искренне твой,

Евгений Сатановский

From: Alexander Shumilin

To: Evgeny Satanovsky

Subject: *Political obstacles to the efficiency increasing of
the international peacekeeping*

Дорогой Евгений Янович!

Главная политическая проблема, обрекающая ООН на ту самую бесполезность,
о которой ты говорил в письме первом, — это принцип единогласия при приня-
тии решений по поддержанию мира и безопасности пятью постоянными членами
Совбеза. В острых ситуациях расхождений внутри *пятерки* ООН автоматически

обречена на импотенцию или автоматическую утрату ею формально ведущей роли, на устранение (самоустранение) из возникающего конфликтного пространства.

Мой тезис можно проиллюстрировать на примере подготовки в 2003 г. военной операции в Ираке. Убежден, что вопрос о наличии оружия массового поражения у Саддама Хусейна был в тот момент отнюдь не главным для США и их союзников по созданной коалиции. Этот вопрос витал в воздухе и рассматривался администрацией Джорджа Буша-мл. скорее как яркий аргумент с целью убедить других членов *пятерки* и мировую общественность в необходимости принимать срочные меры.

Существовал набор других оснований для принятия подобных мер: очевидный факт нарушения Саддамом почти десятка резолюций, принятых Совбезом на протяжении десятилетия после *Бури в пустыне*. В преамбуле каждой (!) из них прописана отсылка к базовой резолюции 1990 г., которая позволяла Совбезу применять силу практически автоматически в случае констатации *пятеркой* фактов их нарушения Багдадом. Резюме: официально констатируя эти нарушения, Франция, Россия и Китай, тем не менее не считали возможным реализовать угрозу применения базовой резолюции ООН 1990 г.

Эти государства, по сути, начали умиротворять Саддама Хусейна, ссылаясь на перспективы экономических контрактов, предложенных диктатором их компаниям. Саддам тогда явно почувствовал себя в *прежней силе* и вновь стал угрожать своим соседям. США же сочли, что момент самый что ни на есть подходящий и решили проявить политическую волю. Не будем спорить — успешна ли была данная операция и последовавшее за ней миротворчество в Ираке или нет. Нам важно другое: *пятерка* тогда раскололась во многом по политико-экономическим соображениям, чем вдохновила Саддама на возрождение его заведомо разрушительной роли в регионе, что и вывело ООН из игры в той ситуации.

Тогда эта операция не несла в себе риска столкновения держав из-за судьбы режима Саддама, тем более что мир воочию увидел подлинную *любовь* иракцев к своему правителю: крушение его монументов, встречу американцев цветами, практическое отсутствие сопротивления со стороны иракской армии. Сегодня же касательно ситуации в Сирии речь пока не идет о вторжении международного контингента — некому проявлять политическую волю, да и не совсем понятно, во имя победы каких сил.

Паралич Совбеза в этом вопросе очевиден: Россия, иногда поддерживаемая Китаем, блокирует практически все, даже символические резолюции по Сирии. А Россия, признаем, формально действует в рамках *ООНовской* законности. Но что же это за законный механизм, который обрекает на погибель сотни тысяч сирийцев?

Вывод прост: механизм принятия решений Совбезом может быть пересмотрен как минимум с тем, чтобы законным и принятым считалось решение, за которое проголосует большинство стран *пятерки*. Тем самым каждый постоянный член Совбеза мог бы выразить свою позицию, *сохранить лицо*, но результирующее решение будет иметь шанс стать более жизнеспособным и действенным с учетом главных целей ООН. От его реализации вправе уклониться те, кто голосовал против. Но это будет уже не диктат одной страны, а, если угодно, *диктат большинства* Совбеза.

Во многих арабских странах, равно как и в Латинской Америке, намечается усиление воздействия масс на политику своих верхов. Тренд очевиден — диктаторство все чаще отвергается на национальном и международном уровнях. А право вето в Совбезе, что ни говори, но есть проявление именно диктата. На деле, правда, оно не всегда работает, поскольку другие игроки его обходят, когда считают это необходимым, как это было в Югославии и Ираке. Однако имиджевый ущерб оно наносит тем, кто упорствует в его применении в своих узких политических расчетах.

В отсутствии блокирования решений в Совбезе миротворческие операции имеют шанс быть реализованными во всей своей полноте и во всем многообразии. Это заставит дипломатию каждого государства быть более эффективной и действенной на стадии убеждения партнеров по Совбезу в правильности своей позиции, а не сидеть в состоянии спокойствия.

С уважением,

Александр Шумилин

From: Evgeny Satanovsky

To: Alexander Shumilin

Subject: RE: Political obstacles to the efficiency increasing of the international peacekeeping

Дорогой Александр Иванович!

Что до реформы СБ ООН и функциональности права вето, чтобы голос одного постоянного члена не парализовал работу и не становился смертным приговором для сотен тысяч людей, то благими намерениями дорога в ад вымощена. Поскольку в противном случае те же самые люди все равно погибнут, а с ними много кто еще. Нынешняя структура Совбеза с грехом пополам обеспечивает только то, чтобы все человечество не умерло в один день.

Что до парализованности ООН — не Сирия тому причина и не Сирия та *лакмусовая бумажка*, которая это состояние определила. ООН ничего не может, кроме того, чтобы не сцепились державы-основатели друг с другом и не погибло от этого человечество. Для того она и была создана. А программы ООН, хоть и по большому счету бесполезны для всех, кроме их инициаторов и ближайшего к ним круга исполнителей, которые на этих программах жируют, создавались надолго или навсегда.

Что до Ирака, пересмотра правил голосования в Совбезе и влияния масс на политику, то задача ООН, как я уже обозначил выше, состоит в том, чтобы *великие державы*, у которых в арсенале достаточно ядерных боеголовок, не *передрались* между собой, а не перевоспитание диктаторов. Если на Востоке правитель не диктатор — в хорошем варианте, как сингапурский Ли Куан Ю, или в плохом, как все, кого мы знаем по арабскому миру, то рухнет его страна.

Со времен Улугбека до наших дней просвещенный правитель — кандидат на потерю власти. Лучший из тех, кого я могу вспомнить из недавних, — иорданский король Хусейн. Когда ему понадобилось подавить мятеж палестинцев, устроил им *черный сентябрь* и глазом не моргнул. А рефлексировал бы — не было бы такой страны, как Иордания. И не говори мне об Израиле, государственная и политическая система которого — типичная восточноевропейская, более или менее адаптированная к еврейской традиции и современной англосаксонской парламентской демократии. Во всех прочих вариантах у нас либо исламисты — по Турции, Египту и Ирану видно, как они хороши, либо диктаторы и военные хунты, либо монархи, которые те же диктаторы, но с феодальной историей родов и фамилий за плечами.

МИР КАК ЖЕЛАНИЕ VS. МИР КАК ИНСТИТУТ

Практика *демократического умиротворения* — это Холокост, геноцид цыган, зверства в бывшей Югославии и все, что мы наблюдаем там, куда наши западные коллеги и их местные союзники лезут без разбору. В том числе в Ираке, Ливии

А
К
И
М
Е
Л
А
Н
О
В

и Сирии. И гражданская война не выигрывается без жертв. А если хотеть этого избежать, надо уничтожить тех, кто ее оплачивает, организует и подпитывает боевиками. Если нельзя уничтожить *Аль-Каиду*, то надо *придушить* Доху, Эр-Рияд и Анкару. И закончится сирийская резня малой кровью. Поскольку то, что там сейчас — это малая кровь.

В случае свержения Башара Асада будет кровь большая: с геноцидом христиан, шиитов, этнических меньшинств вроде черкесов и войной всех против всех. И при чем тут ООН? Как раз сирийская ситуация доказала, что от этой старой полуразваленной телеги есть какой-то прок. По крайней мере, в Совбезе Россия и Китай закрыли тему интервенции и правильно сделали.

Искренне твой,

Евгений Сатановский

From: Evgeny Satanovsky

To: Alexander Shumilin

Subject: *The alternatives to the UN peacekeeping*

Дорогой Александр Иванович!

Что до роли ООН в образовании государства Израиль, то резолюция Генассамблеи лишь подвела черту под длительным периодом бессмысленного обсуждения *мировой общественностью* хоть в Лиге Наций, хоть до или после нее возможностей создания *еврейского национального очага*. И, помимо Израиля, десятки государств возникли на обломках колониальных империй в XX в. вне всякой зависимости от ООН. С другой стороны, многие, кому *мировое сообщество* государственность обещало, вроде курдов, безуспешно ждут ее до сих пор. Израиль построили и отвоевали те, кто его строил и за него воевал. Прочие, в том числе из ООН, лишь присоединились к результату.

К тому же всякому, кто проанализирует роль ООН в арабо-израильском конфликте, станет ясно, что эта организация была, есть и будет по самой природе своей в отношении Израиля максимально необъективной и исполненной двойных стандартов. Причем палестинцев, на проблеме которых жирует поколениями несметная орда *ООНовских* чиновников, это тоже касается. Если бы не ООН, Лига арабских государств и прочие любители стравливать друг с другом всех, кого ни попадя, израильтяне и палестинцы давно договорились бы.

Если же говорить об арабо-израильском миротворчестве, его история подтверждает мой тезис: миротворцы присутствуют на месте дислокации, пока конфликтующие стороны воевать не намерены, и немедленно исчезают в тот самый момент, как на горизонте возникает конфликт.

Что касается мирного договора Израиля с Египтом — договор пока есть. Мира не было. А состояние *ни войны, ни мира* — вроде нашего с Японией — ничуть не лучше формального соглашения, которое под давлением Генри Киссинджера Иерусалим заключил с Каиром. Но с Японией у нас мир де-факто, о чем говорят торговля, туризм и другие факторы, а у Израиля с Египтом и Иорданией ничего подобного нет и не будет. Пока лидеры египетской военной хунты и иорданские короли хотят мира, будет мир. Потеряют власть — мир закончится. К слову, отношения с Сирией у Израиля безо всякого Кэмп-Дэвида были не менее стабильными, чем с Египтом — Асады понимали, что не победят.

И почему прочного мира не бывает, если есть победители и побежденные? А Германия и Япония после Второй мировой? По мне, так именно это и есть пример того, каким бывает настоящий мир: когда победитель диктует побежденному, как тот будет в этом мире жить, но при этом не моря его голодом и не унижая через меру.

Единственное, что приносит стабильный мир — это жесткий и долгосрочный контроль спорной территории, как контролирует Марокко Западную Сахару, а Израиль — Западный берег Иордана, поскольку эти две страны стараются для самих себя.

Искренне твой,

Евгений Сатановский

From: Alexander Shumilin

To: Evgeny Satanovsky

Subject: RE: *The alternatives to the UN peacekeeping*

Дорогой Евгений Янович!

Твои описания варианта *настоящего мира*, когда победитель диктует свои условия, впечатляют, но сработать такой мир мог разве что в приведенных ситуациях полной оккупации Германии и Японии. Перебрасывать эту модель на Ближний Восток, мягко говоря, некорректно.

Есть законы природы, физики и разума, которые мало кто в силах отменить. Они предполагают, что малые государства вроде Израиля могут нанести военное поражение государствам более крупным, но поскольку они не могут осуществить оккупацию и реформирование побежденного противника, им требуется вариант преобразования военной победы в политический компромисс.

Израиль после 1967 г. смог удерживать Западный берег, Синай, Газу и Голаны, для чего хватало военного и людского потенциала еврейского государства. Но сработал (и продолжает работать) внешний фактор, которого в принципе не могло быть в случае с Германией и Японией, — соседние арабские страны продолжали воспринимать оккупацию Израилем упомянутых территорий как каждодневное напоминание о собственном бессилии, как оскорбление в свой адрес.

Соглашусь, что на палестинцев и их реальные проблемы лидерам *насеровско-асадовского* арабского мира было наплевать. Как бы то ни было, но именно оккупация этих земель и стала основной причиной последовавшей в октябре 1973 г. войны. Потерпевшие в 1967 г. военное поражение соседние арабские страны пошли новой войной на Израиль — под официальным лозунгом *положить конец оккупации*, а неофициальным — *сбросить Израиль в море*.

Пока арабские элиты не отказываются формально от поддержки палестинцев, с ними придется договариваться, а не *воевать их*. В случае их нападения, как это всегда было, израильтяне дадут мощный отпор — это важный аргумент для принуждения арабских элит к миру. Но варианты насильственной смены арабских режимов извне с последующей люстрацией *приспешников* прежних режимов, как это было в Германии и Японии, в арабском мире немыслимы. Изнутри — да: отчасти это и происходит в странах *Арабской весны*. Посмотрим, насколько это отразится на отношениях новых элит к Израилю.

Военное превосходство Израиля над совокупной арабской мощью — важнейшее условие выживания еврейского государства и принуждения соседей к миру.

Но эта мощь может быть приведена в действие только как потенциал ответного или локально-превентивного удара, под прикрытием которого необходимо искать варианты политического урегулирования. И такое урегулирование должно учитывать все параметры обеспечения безопасности Израиля от всех возможных пертурбаций в соседних с ним странах.

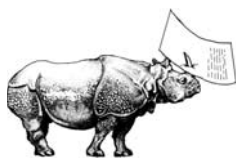
Также должен быть найден вариант создания какого-то *квазигосударства* для палестинцев, которое, разумеется, не сможет быть полностью жизнеспособным. Если угодно, создание и последующий провал жизнедеятельности такого государства могли бы стать аргументами и для крупных держав, и для арабских грандов в том, что данную проблему следует решать другими способами, а не путем создания обреченного на радикализм и реванш антиизраильского образования на границе с Израилем.

А пока будут идти эти эксперименты по притирке к Израилю палестинского *квазигосударства* на Западном берегу, очередные наблюдатели ООН вполне могут оказаться востребованными. Бегут эти наблюдатели при первой опасности или нет — это во многом определяется мандатом, на базе которого они функционируют.

Нельзя исключать и такие условия мандата, при которых *голубые каски* могут превратиться в боевые единицы и вступать в огневое противодействие определенному им противнику, то есть *ООНовские* миротворцы — это лишь инструмент, решение о способах применения которого принимают большие чиновники в Нью-Йорке. И они это стараются делать на условиях компромисса или в условиях полного блокирования всякого компромисса одной державой. Последнее как раз и означает полное бездействие, поэтому все претензии должны быть адресованы дядям на Ист-Ривер.

С уважением,

Александр Шумилин.

Олег Демидов

КИБЕРКОМАНДОВАНИЕ США: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

*

В последнее время в российских вооруженных силах резко ускорилась работа по киберугрозам, остававшаяся едва ли не единственным *белым пятном* в течение предыдущих лет. В январе 2012 г. в открытом доступе появился документ Минобороны с витиеватым названием¹ — по сути, первый прообраз доктрины действий ВС РФ в условиях информационной войны.

В «Концептуальных взглядах...», в частности, отражен болезненный для России опыт *пятидневной войны* 2008 г. — впервые заданы приоритеты информационного освещения и сопровождения конфликтов, прописаны задачи взаимодействия ВС с медиа и общественностью. Дальше — больше: в марте 2012 г. вице-премьер Д. О. Рогозин, ответственный за оборонный комплекс, объявил о скором создании в России собственного киберкомандования. Причем за образец для него предлагается взять киберкомандование Соединенных Штатов (U. S. CYBERCOM), что будет означать резкий отход от двух важных тенденций прежних лет.

Первая из них — приоритет угроз, связанных с социально-политическими аспектами информационной войны, то есть исходящих от информации как таковой, контента (при серьезном отставании в оценке вызовов кибербезопасности в узком смысле, то есть устойчивости и защищенности компьютерных сетей). Вторая — практически полное доминирование в вопросах информационной безопасности спецслужб (ФСБ, ФСО, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю), притом что направляемую в спектр задач Минобороны эти вопросы де-факто не входили.

Подтверждением того, что за укрепление военно-стратегического киберпотенциала России решено взяться всерьез, стало создание Фонда перспективных исследований — некоммерческой структуры для содействия прорывным разработкам в сфере ВПК, которую сразу стали сравнивать с американской DARPA. Директором Фонда в феврале 2013 г. стал бывший сотрудник ФСТЭК Андрей Григорьев. Весь цикл создания фонда от первого объявления о нем в январе 2012 г. до формирования его структуры, утверждения бюджета в размере до 3 млрд рублей и назначения его руководства прошел всего за год, что очень быстро по российским меркам.

На этом фоне почти незамеченным остался тот факт, что 17 октября 2012 г. Минобороны совместно с Агентством стратегических инициатив, Министерством образования и науки РФ и МГТУ им. Н.Э. Баумана объявило всероссийский конкурс научно-исследовательских работ, одна из тем которого — *Методы и средства обхода антивирусных систем, средств сетевой защиты, средств защиты ОС*². Как следует из названия темы и комментариев российских экспертов, речь может идти, в том числе, и о разработке боевых наступательных вирусов для преодоления защитных систем вероятного противника³.

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О
М
И

Подобная постановка вопроса кардинально расходится с сугубо оборонительной стратегией в сфере *информационного противоборства*, которая прописана в Военной доктрине РФ от 2010 г., а также во внешнеполитических российских инициативах. О сдвиге в направлении проактивной деятельности в киберпространстве говорит и возросшая активность по формированию новых (полу)секретных структур, ответственных за информационную безопасность, в составе Минобороны — 13 февраля 2013 г. было объявлено о создании такой структуры в Генштабе ВС РФ.

Однако лихорадочная активность военных вовсе не говорит о том, что спецслужбы *сдают им пост*. Несмотря на растущее внимание Минобороны к киберугрозам военно-стратегического характера, именно ФСБ, ФСО и ФСТЭК сохраняют за собой приоритетную роль в вопросах разработки единой и полноохватной системы кибербезопасности в РФ.

Спустя несколько дней после раскрытия *Лабораторией Касперского* кибершпионской сети *Red October*, 15 января 2013 г. Владимир Путин подписал указ № 31с, который возлагает на ФСБ РФ создание общенациональной государственной системы, призванной обеспечить полный цикл предупреждения и противодействия кибератакам на российские компьютерные сети, включая прежде всего критическую инфраструктуру. Именно это решение некоторые представители экспертного сообщества считают поворотной точкой в российской политике информационной безопасности.

В то же время инициатива конца 2012 г. по разработке комплексной российской стратегии кибербезопасности, выдвинутая сенатором Русланом Гаттаровым⁴, воспринимается как существенно менее приоритетное направление по той причине, что Совет Федерации сам по себе не имеет необходимого аппаратного веса и не обладает неформальным правом на *определение подходов* в этой чувствительной области.

Любопытно, что параллельное продвижение вопросов кибербезопасности по двум ветвям госаппарата (военные и спецслужбы) уже угрожает обострить их доселе латентное соперничество за полномочия. Этот процесс может проявиться в полной мере в ближайшие месяцы по мере выработки решения об окончательном облике и структуре российского киберкомандования.

С одной стороны, идея создания в России аналога американского *Киберкома* доказала свою исключительную востребованность для Минобороны, оказавшись одним из немногих проектов эпохи А. Э. Сердюкова, который получил полную поддержку нового министра обороны С. К. Шойгу. В середине февраля 2013 г. стало известно, что процесс формирования облика перспективной военной структуры должен завершиться уже в нынешнем году, причем, скорее всего, она станет главным управлением военного ведомства или командованием отдельного рода войск (наряду с РВСН и ВДВ).

Опыт США как ведущей мировой кибердержавы говорит о целесообразности разведения функций спецслужб и вооруженных сил в структурно-организационном плане. Киберкомандование США решает задачи наряду с ЦРУ, министерством внутренней безопасности, агентством национальной безопасности и рядом других структур. В то же время синергия военных и спецслужб необходима для борьбы с киберугрозами. Любопытной практикой в этом плане является совмещение одним лицом руководящих постов в ведомствах с частично пересекающимися задачами — так, нынешний руководитель *Киберкома* Кит Александер одновременно является директором АНБ и центральной службы безопасности. Подобные решения вполне возможны и в России в качестве части политико-административного маневрирования в сфере кибербезопасности.

В целом, 2013 и 2014 гг. с большой долей вероятности станут для российского курса в области кибербезопасности решающим периодом, на протяжении которого оформятся внешние контуры и новые доктринальные основания государственной

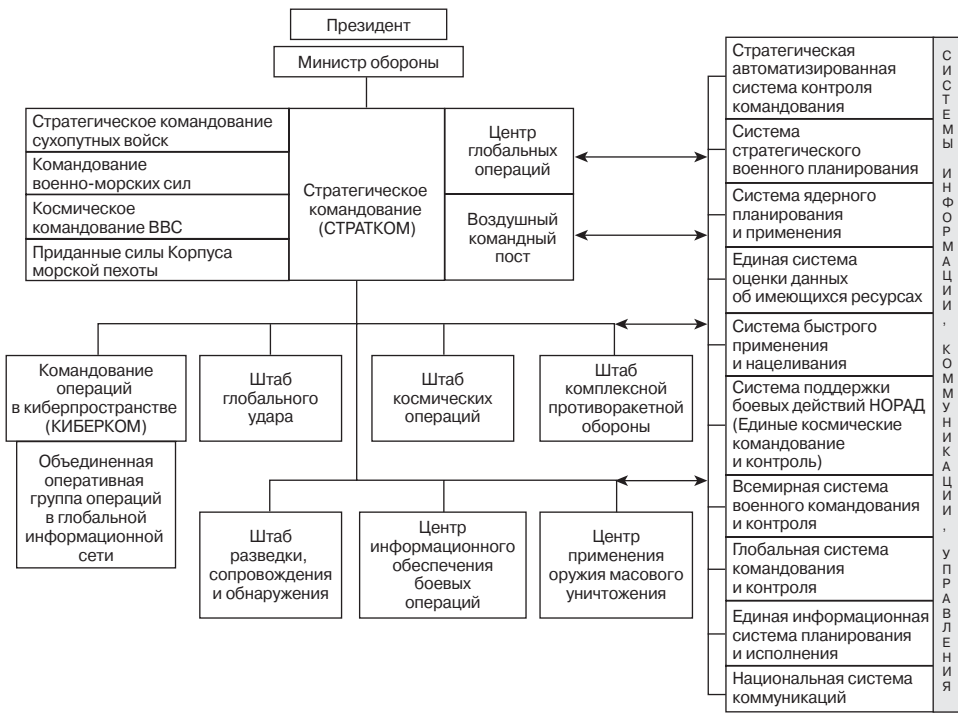
политики, а также будет дан старт новым долгосрочным программам и проектам. Период трансформации государственной политики в области информационной безопасности, из которой выделяется самостоятельное направление борьбы с киберугрозами, означает наличие *окна возможностей* для зарубежных партнеров РФ, а также всех общественных групп, которые заинтересованы в том, чтобы перспективный курс в отношении киберпространства отвечал их интересам.

В то же время для самой России этот временной горизонт является и *окном уязвимости*, в течение которого нехватка отработанных практик реагирования на эволюционирующие вызовы в киберпространстве будет представлять повышенный риск для национальной и общественной безопасности. Политика кибербезопасности в России вступает в *кризис роста* — естественно рискованный этап ее развития.

В этих условиях для российских военных может быть любопытен опыт модели киберкомандования Соединенных Штатов при формировании его отечественного аналога. В частности, он позволяет проследить историю непростых дебатов о том, на каком уровне следует выделять и обособлять повестку кибербезопасности в спектре задач вооруженных сил — что сейчас необходимо сделать и России.

Несмотря на свое название, американское киберкомандование, сформированное в июне 2009 г., не является одним из объединенных боевых командований ВС США, а находится в подчинении стратегического командования, ответственного, в том числе, за использование американских стратегических ядерных сил.

Военные аспекты кибербезопасности выдвинулись в число главных приоритетов Пентагона к середине первого президентского срока Дж. Буша-младшего, с того же времени между американскими спецслужбами и самими военными структурами началась жесткая конкуренция за полномочия в этой сфере. Тогда же возникла идея создания объединенного киберкомандования, которое полностью замыкало бы на себе обеспечение всей деятельности военных

Чтобы быть в курсе ключевых событий в области информационной безопасности и управления интернетом, подписывайтесь на электронный бюллетень Пульс Кибермира: <http://www.pircenter.org/mailouts>

в киберпространстве. Однако общий отказ американских военных от узкой специализации сыграл против этого. Кроме того, у Пентагона тогда не было ни понимания, ни проработанных планов совместной деятельности видов войск в условиях кибервойны, как

и однозначного определения самого этого термина.

Поэтому общая ответственность за проблематику кибервойн и была делегирована Страткому, однако фактическое осуществление боевых операций в сетях было возложено на военно-воздушные силы. В дальнейшем эта тенденция получила развитие: в 2007 г. было создано киберкомандование ВВС США, просуществовавшее в предварительном статусе до конца 2008 г., после чего его функции были переданы Космическому командованию военно-воздушных сил.

Особая роль ВВС в вопросах стратегической кибербезопасности отражала давнюю традицию, уходящую корнями еще к началу 1990-х гг., когда успех операции *Буря в пустыне* был во многом обусловлен применением *умного вооружения* и использованием информационно-компьютерных технологий прежде всего именно авиационными соединениями. 10 сентября 1993 г. был создан центр информационных боевых действий ВВС; цели его включали расширение возможностей информационного оружия на основе опыта иракской кампании.

Оттуда же проистекает и мощный крен на наступательные и превентивные меры, усиленный при Дж. Буше-младшем и разделяемый нынешними *киберстратегами* Пентагона. К 2007–2008 гг. активность представителей военно-воздушных сил достигла апогея; их риторику хорошо обобщает следующий афоризм: «Если вы защищаетесь в киберпространстве, вы уже проиграли».

Столь явное доминирование ВВС вызвало неприятие в структурах других видов и родов войск. После долгих дискуссий и аппаратных маневров к 2009 г. американские военные верхи пришли к пониманию того, что создание некоей универсальной структуры, которая обеспечит взаимодействие и интеграцию функций основных видов и родов войск, неизбежно. В противном случае параллельное развитие киберкомпетенций ВВС, ВМФ и сухопутных сил повлекло бы разрыв в стратегии, тактике, а также совокупном киберпотенциале. Как следствие это привело бы к потере качества взаимодействия различных видов и родов войск, а также возможности их оперативной совместности.

Здесь же возникли вопросы киберобороны, обнажив фундаментальный недостаток сугубо *наступательного* подхода, обусловленный растущей *уязвимостью* США в киберпространстве, основанной на зависимости всех отраслей американского хозяйства и управления (включая национальную оборону) от компьютерных сетей. В итоге 23 июня 2009 г. было основано киберкомандование в составе Страткома. Так была решена *большая дилемма*, связанная с необходимостью определения системы координат кибервойны в спектре задач различных структур вооруженных сил.

Российское военное руководство решает аналогичную задачу сейчас, пока статус *базового уровня* российской военной киберструктуры не определен и плавает в широком диапазоне от главного управления Минобороны до командования отдельного рода войск. Проводя весьма условные параллели, можно сказать, что первый вариант примерно соответствует киберкомандованию США в его нынешнем виде, в то время как второй обещает серьезную доктринальную новацию в российских Вооруженных силах.

Создание же отдельного рода *информационных войск* в России поставит их на один уровень с железнодорожными войсками, ВДВ и РВСН. Столь резкое повы-

шение статуса вопросов информационной безопасности для российской армии пока преждевременно в силу дефицита необходимых ресурсов: доктринальной и тактической базы, материальной инфраструктуры, финансов и, самое главное, квалифицированных кадров, ориентирующихся в вопросах угроз из киберпространства.

Россия, несмотря на резко возросшую активность в этой сфере, только сейчас проходит американскую траекторию 2007–2009 гг. Это значит, что американский опыт в выстраивании национальной системы киберобороны еще не устарел и, по крайней мере, отчасти релевантен для РФ, коль скоро военное руководство ориентируется именно на опыт *Киберкома*. Но, как минимум, одно радикальное отличие уже имеется — более низкая степень зависимости национальной критической инфраструктуры от кибертехнологий и внимание именно вопросам обороны в киберпространстве.

Примечания

* Это произведение доступно по лицензии *Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivs* (Атрибуция — Некоммерческое использование — Без производных произведений) 3.0 Непортированная. Вы можете свободно копировать, распространять и передавать другим лицам данное произведение.

¹ Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных сил Российской Федерации в информационном пространстве. Министерство обороны Российской Федерации. ens.mil.ru/files/morf/Strategy.doc (последнее посещение — 13 февраля 2013 г.)

² Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ среди граждан Российской Федерации в интересах Вооруженных сил Российской Федерации. Министерство обороны Российской Федерации. 2012, 17 октября. <http://ens.mil.ru/education/contests/more.htm?id=1719@morfSimpleEvent> (последнее посещение — 15 февраля 2013 г.)

³ Минобороны объявило тендер на наступательное кибероружие. *Взгляд*. 2012, 18 октября. <http://vz.ru/news/2012/10/18/603077.html> (последнее посещение 15 февраля 2013 г.)

⁴ Совет Федерации создает комиссию по кибербезопасности. *Известия*. 2012, 20 декабря. <http://izvestia.ru/news/541923> (последнее посещение — 15 февраля 2013 г.)

Белая книга ПИР-Центра

ДЕСЯТЬ ШАГОВ

*к созданию зоны, свободной от оружия
массового уничтожения, на Ближнем Востоке*

«Я приветствую практические рекомендации ПИР-Центра»

Касым-Жомарт Токаев, заместитель Генерального секретаря ООН

«Мне кажется удачным каждый из десяти предложенных шагов»

Ваэль аль-Асад, представитель генерального секретаря
Лиги арабских государств

«Это ценный интеллектуальный вклад в нашу работу»

Михаил Ульянов, директор департамента
по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ

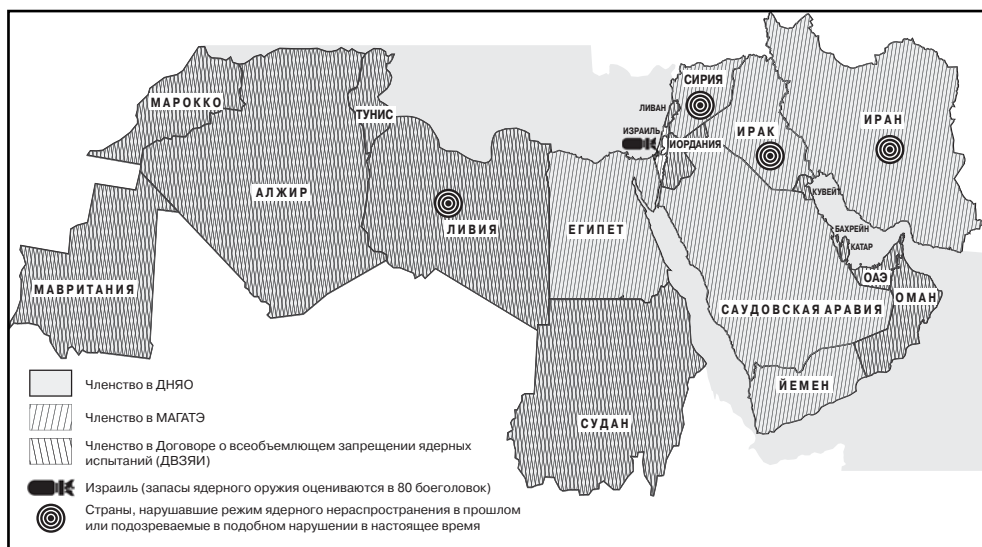
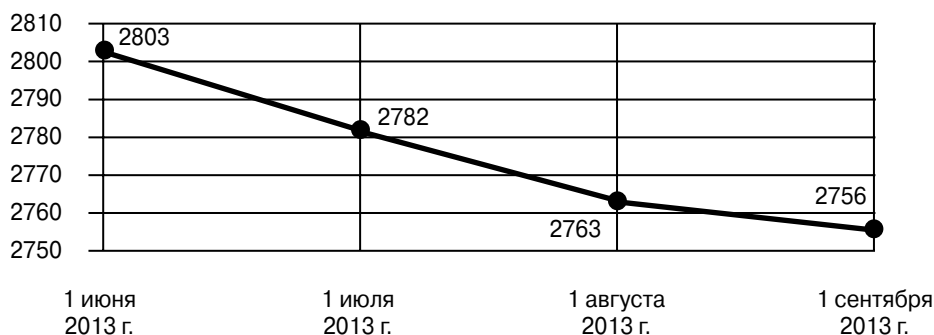

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в июне-сентябре 2013 г.

- ↳ *Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетоури, Константин фон Эггерт.*
ИНДЕКС *iSi* ЗА ИЮНЬ-СЕНТЯБРЬ 2013 г.: ВАКАНСИЯ ХАЛИФА НА ЧАС
- ↳ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА:
ТОРЖЕСТВО БЮРОКРАТИЗМА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**
- ↳ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА:
ИЛЛЮЗИЯ ПОЛИТИКИ *AD NOS***

ВАКАНСИЯ ХАЛИФА НА ЧАС

Летом 2013 г. Индекс международной безопасности демонстрировал разнонаправленную динамику. На 1 июня Индекс *iSi* составил **2803 пункта**, несколько превысив весенние показатели *iSi*. Повышение значения Индекса в начале лета было связано со снижением военно-политической напряженности на Корейском полуострове. В начале июля произошло резкое обострение внутривнутриполитической ситуации в Турции, Египте, Тунисе, а также падение котировок на мировом фондовом рынке. Это вновь привело к снижению показателей Индекса международной безопасности. Так, 1 июля *iSi* достиг отметки **2782**, снизившись на 21 пункт. Гражданская война в Сирии, из международной проблемы эволюционировавшая в международный конфликт, военный переворот в Египте, рост недовольства населения Латинской Америки экономической и социальной политикой властей стали причиной дальнейшего снижения значения Индекса *iSi*. На 1 августа он снизился еще на 19 единиц и составил **2763 пункта**. На 1 сентября показатель *iSi* был равен **2756 пунктов**.

Константин фон Эггерт (Россия), член Королевского института международных отношений, зам. главного редактора радио Коммерсант FM — по телефону из Москвы: Уровень безопасности в мире заметно снизился. Причины тому — события на Ближнем Востоке и в регионе Средиземного моря, углубляющиеся противоречия между Россией и Западом, нарастание напряженности между Москвой и Киевом по Таможенному союзу. Египет и Сирия вызывают глубокую обеспокоенность. Не думаю, что есть некий простой выход из кризиса, сложившегося в этих двух странах. Военное вмешательство извне в конфликт в Сирии лишь усугубит положение. В Египте, если военным не удастся стабилизировать ситуацию, может начаться гражданская война. Хочется надеяться, что военные сделают все возможное, чтобы неизбежный переход к гражданскому правлению максимальным образом маргинализировал мусульманских радикалов в будущем. Возобновившиеся в августе израильско-палестинские переговоры — позитивный факт, но есть ощущение, что они были навязаны сторонам извне и закончатся ничем. Все эти события в своей комбинации создают крайне нестабильный фон в регионе, который расположен близко к границам России.

- **Африка и Ближний Восток.** Лето 2013 г. не стало временем политического затишья для стран Ближнего Востока и Африки. В **Сирии** летом бои между правительственными войсками и повстанцами шли в городах Алеппо, Хомс, Дамаск; столкновения имели место на границе Сирии и Иордании, а также вблизи от границы Сирии и Турции. Наиболее ожесточенные столкновения происходили в городе Кусейр на границе с Ливаном; правительственные силы взяли под контроль большую часть города.

В демилитаризованной зоне Голанских высот сирийские боевики захватили четырех миротворцев. Евросоюз отменил эмбарго на поставки оружия сирийской оппозиции. 10 июля Россия представила в ООН результаты экспертизы, подтверждающей использование боевиками химического оружия в Сирии.

В августе оппозиция обвинила власти в очередном использовании химического оружия в пригороде Дамаска. На экстренном заседании Совбеза ООН Москва заблокировала обращение к сирийскому руководству

допустить международных инспекторов к месту химической атаки. Барак Обама объявил о том, что Башар Асад пересек *красную черту* и запросил у Конгресса США разрешение на удар по ключевым военным целям сирийского режима в обход Совбеза ООН. Правда, отсутствие единства в рядах американских союзников серьезно затрудняет политические шаги, которые Вашингтон будет совершать после вероятных бомбардировок вооруженных сил официального Дамаска.

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива — по электронной почте из Дубая: Ситуация в Сирии складывается так, что интервенция извне неизбежна. Боевики- шииты, в основном выходцы из Ирака и движения Хезболла, открыто вступили в противостояние на стороне сил режима Башара Асада. США наряду с рядом региональных государств рассматривают возможность внешнего вмешательства или рассчитывают на то, что она будет совершена другими игроками. Очевидно, конфликт в Сирии становится главной угрозой безопасности и угрожает разрастись до региональных масштабов.

 Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо: Нагнетание истерии вокруг Сирии ведет к тому, что Запад рискует допустить ошибку, совершенную в 1980-х гг. в Афганистане и не так давно в Ливии. Заняв слепую и враждебную позицию по отношению к властям страны, в обеих ситуациях Запад *откупорил* радикальные исламистские силы. В последующем эти силы стали источником терроризма и начали угрожать Европе, которую отделяет от этих исламистских сил лишь Средиземное море, и США. Сама по себе идея предоставить оружие вооруженным негосударственным группировкам в Сирии, большинство из которых — это исламские радикалы, означает совершить зло. Шокирует непонимание западными державами, какую угрозу это будет представлять мировому порядку и его будущему.

В Ливане в июне имели место столкновения между суннитами и алавитами; есть жертвы. 25 июня армия подавила мятеж вооруженных экстремистов в городе Сайда. Резко возросла угроза терактов.

В Ираке 24 июля из тюрьмы Абу-Грейб сбежали джихадисты, направившиеся в Сирию для борьбы с Башаром Асадом.

В Египте 3 июля армия отстранила от власти президента Мохаммеда Мурси; было сформировано переходное правительство под председательством Хазема аль-Бейлауи. *Братья мусульмане* отказались войти в состав нового формируемого правительства. По всей стране продолжились ожесточенные столкновения сторонников и противников исламистов; есть жертвы.

27 июля армия Египта начала операцию *Буря в пустыне* по уничтожению боевиков на севере Синая.

В Турции в июне вспыхнули антиправительственные демонстрации, спровоцированные планами властей построить торговый центр на месте парка *Гези* в Стамбуле; есть погибшие и раненые. Власти заявили, что

не намерены идти на компромисс с протестующими. В июле антиправительственные протесты с требованием отставки премьера Тайипа Эрдогана продолжились с новой силой.

В **Ливии** в июне имели место столкновения между военными и боевиками вооруженного ополчения.

В **Бахрейне** в июле оппозиция провела акции протеста с требованием прекратить пытки в тюрьмах политических заключенных.

В **Тунисе** в середине июля был убит лидер оппозиции Мохаммед аль-Брахми. Событие спровоцировало массовые акции протеста с требованием сменить руководство страны. Противостояние властей и оппозиции переросло в затяжной политический кризис.

Мустафа Фетоури (Ливия), независимый аналитик и журналист — по электронной почте из Триполи: Продолжающиеся конфликты на Ближнем Востоке и Северной Африке неблагоприятно отражаются на международной безопасности. Наибольшее беспокойство вызывает также ухудшение ситуации в субсахарском регионе Африки и, частично, в Азии. Основными очагами опасности по-прежнему остаются Сирия, Ливия, Тунис. Сегодня Ливия стала не только трамплином для переброски боевиков в Сирию, но и превратилась в горячий региональный рынок торговли оружием. Достигаемость этого рынка ощущается далеко за пределами региона. До тех пор пока ливийское правительство не усилит аппарат безопасности, ситуация в стране будет ухудшаться.

В **Иране** 15 июня состоялись президентские выборы, победу одержал Хасан Роухани. После официального вступления в должность президента Роухани выразил готовность к сотрудничеству с мировым сообществом в вопросе решения ядерной программы страны. 28 июня в стране была запущена в эксплуатацию атомная электростанция *Бушер*.

Израиль–Палестина. В июле возобновился прерванный в 2010 г. переговорный процесс между Израилем и Палестиной. В преддверии переговоров премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху согласился выпустить из тюрем более 100 палестинских заключенных. В августе состоялись три раунда прямых переговоров между сторонами. Подробности встреч и достигнутые результаты не разглашаются. Между тем четвертый раунд переговоров, намеченный на 27 августа, был отменен из-за отказа ПНА участвовать в них. Причиной отказа стало столкновение между израильянами и палестинцами на Западном берегу реки Иордан.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Состоявшиеся в августе прямые израильско-палестинские переговоры я бы охарактеризовал как шантаж с американской стороны. Для Израиля переговоры стали уступкой элементарным требованиям безопасности (выпущенные на свободу террористы), для ПНА — откровенным блефом за гранью реальности. Госсекретарь США Джим Керри этими переговорами разыграл политическую клоунаду, руководствуясь личными карьерными интересами. Переговоры не имели никакого отношения к нормализации ситуации и окончательно похоронили иллюзию подавляющего большинства (около 80% израильянов) в отношении *мирного процесса*.

В **Мали** правительство и туареги, контролирующие север страны, достигли соглашения о прекращении огня. В связи с президентскими выборами, состоявшимися в июле-августе, в стране было отменено чрезвычайное положение. По итогам выборов новым президентом Мали избран Ибрагим Бубакар Кейта.

В **Судане** в провинции Дарфур в межэтнических столкновениях убиты свыше 60 человек.

В **Конго** возобновились бои между армией и повстанцами *Движения 23 марта*.

В **Гвинее** в результате межэтнических столкновений погибли более 50 человек.

В **Нигерии** исламисты летом совершили ряд нападений на гражданские объекты страны; есть убитые и раненые. Армия в августе провела контртеррористическую операцию против экстремистской группировки *Боко харам*.

□ **Корейский полуостров.** В начале лета несколько спала военно-политическая напряженность на Корейском полуострове. В июне КНДР приостановила подготовку к запуску баллистической ракеты и призвала Южную Корею заключить мирный договор вместо соглашения о перемирии, подписанного в конце Корейской войны 1950–1953 гг. 9 июня страны провели переговоры на рабочем уровне, выразив готовность продолжить диалог; были высказаны намерения возобновить работу индустриального комплекса в Кэсоне. В августе власти в Пхеньяне согласились провести переговоры с Сеулом о воссоединении разделенных во время Корейской войны семей.

□ **Афганистан–Пакистан.** В Афганистане летом активизировались вылазки талибов. В июне было совершено нападение на американскую военную базу в Баграме. Между тем в Катаре были сорваны июньские переговоры между США и движением *Талибан* из-за отказа Хамида Карзая участвовать в них. В августе командование Международных сил содействия безопасности заявило, что иностранные военнослужащие выведены более чем с 700 (около 90%) военных баз в Афганистане.

В Пакистане в июне американский беспилотник уничтожил лидера местных талибов Вали ур-Рехмана.

□ **Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия.** Напряженной была ситуация на китайско-индийской границе. 25 июля военные Китая нарушили границу с Индией и вторглись в штат Уттаракханд. В августе сторонам удалось разрядить ситуацию; власти заявили о намерении подписать в октябре 2013 г. договор о военном сотрудничестве, включающий меры по обеспечению безопасности вдоль так называемой линии фактического контроля.

Обострилась ситуация на границе Индии и Пакистана вдоль линии контроля в Кашмире. В августе здесь имела место перестрелка между военными двух стран; есть раненые и убитые. Инцидент произошел после того, как Исламабад обратился к Дели с официальным предложением возобновить мирные переговоры по урегулированию ситуации вокруг Джамму и Кашмир.

На Филиппинах летом имели место столкновения армии с экстремистами.

ISI Нандан Унникришнан (Индия) — директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда Observer — по телефону из Нью-Дели: В Южной Азии состояние безопасности несколько ухудшилось. Напомнила о себе территориальная проблема между Индией и Китаем, что негативно отразилось на отношениях двух стран. Благо, что летом ситуация стабилизировалась и между Дели и Пекином начался стратегический диалог. Но со многими сопредельными странами отношения у Индии несколько ухудшились. В августе произошло резкое ухудшение индийско-пакистанских отношений. На границе Индии и Пакистана вдоль линии контроля в Кашмире имела место перестрелка между военными, есть убитые и раненые. Имеет место ухудшение отношений Индии с Бангладеш, Шри-Ланкой. Неопределенность вызывает ситуация на Мальдивах в связи с предстоящими в сентябре выборами. Все эти события не самым лучшим образом отражаются на состоянии региональной безопасности.

ISI Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо: Состоявшийся визит китайского премьер-министра Ли Кэцяна в Индию стала важным многообещающим событием в отношениях двух стран. Парламентские выборы в Пакистане и победа на Наваза Шарифа, настроенного на диалог с Дели также в числе значимых региональных событий периода. Среди негативных событий регионального значения следует выделить активизацию движения Талибан в Афганистане, а также обострение противостояния буддистов и мусульман в Мьянме.

- **Европейский союз.** В Косово парламент 27 июня ратифицировал закон о нормализации отношений с Сербией, что вызвало волну протестов в Приштине. В Сербии прошли митинги в поддержку косовских сербов.

ISI Пал Дунай (Венгрия), директор международного образовательного курса по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: В Центральной и Восточной Европе ситуация в области безопасности значительно не изменилась. Наиболее значительным событием в жизни региона стало продолжение переговоров между Сербией и Косово. Наблюдаются определенные подвижки в сторону примирения сторон, но внутренние причины не позволяют Белграду признать независимость Приштины. Вместе с тем начавшийся переговорный процесс позволяет Сербии приблизиться к Евросоюзу и начать переговоры о присоединении. Это свидетельствует о сохраняющейся влиятельности ЕС в странах, которые стремятся стать его членами. Таким образом, даже несмотря на экономические трудности, с которыми сталкивается ЕС в последние годы, данное интеграционное объединение остается перспективным для стран с переходной экономикой.

В Болгарии в июне-июле продолжились демонстрации против политики правительства республики.

В Северной Ирландии 17–18 июня состоялся саммит *Большой восьмерки*.

Совет ЕС 27 июня на заседании Совета ЕС по экономике и финансам (ЭКОФИН) договорился о создании единой системы реструктуризации и банкротства банков.

В Испании, Португалии, Греции в июле продолжились массовые беспорядки недовольных социальной политикой властей.

На мировом фондовом рынке произошло крупнейшее за последние полтора года падение котировок.

- **Постсоветское пространство.** Приднестровье 14 июня приняло закон о госгранице в ответ на решение Кишинева усилить миграционный контроль на границе с непризнанной республикой.

На северо-востоке Киргизии в районе золоторудного месторождения Кумтор имели место массовые столкновения местных жителей, требующих денонсации соглашения с канадским инвестором *Centerra Gold Inc*, с милицией.

 Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)* — по электронной почте из Ташкента: Состояние безопасности в Центральной Азии ухудшилось. Беспорядки в Киргизии некоторым напомнили *Арабскую весну*, что обострило ситуацию в регионе. Нестабильность на узбекско-киргизской и узбекско-таджикской границах вновь подтвердила нерешенность приграничного вопроса. Не самым лучшим образом на региональной ситуации может отразиться введение Россией визового режима с республиками Центральной Азии. Очевидно, если подобное произойдет, отношения государств региона с Россией заметно ухудшатся. Среди позитивных событий следует отметить улучшение узбекско-казахских отношений. В июне во время визита Нурсултана Назарбаева в Ташкент между Казахстаном и Узбекистаном был подписан договор «О стратегическом партнерстве». Подобное потепление способно стать важным позитивным контекстом для всего центральноазиатского регионального развития.

Россия–Украина. 14 августа Федеральная таможенная служба Украины ввела усиленные меры контроля грузов с Украины. Действия российской стороны обусловлены позицией, что Украина не может одновременно участвовать в Таможенном союзе ЕврАзЭС и заключить соглашение о свободной торговле с Евросоюзом.

 Андрей Кортунوف (Россия), генеральный директор *Российского совета по международным делам* — по телефону из Москвы: Обострение российско-украинских отношений также негативно сказывается на состоянии безопасности в регионе. Настойчивое желание Киева получить ассоциированный статус в Евросоюзе и невозможность совместить его с процессами экономической интеграции в рамках Таможенного союза создают нервозность в двусторонних отношениях и осложняют дальнейшее развитие экономического сотрудничества на постсоветском пространстве.

Латинская Америка. В Бразилии в середине июня вспыхнули массовые акции протеста недовольных тем, что власти тратят значительные средства на подготовку чемпионата мира по футболу 2014 г. В августе Центральный банк Бразилии запустил программу поддержки национальной валюты объемом примерно в 60 млн долларов США.

В Боливии забастовки шахтеров за увеличение пенсий переросли в столкновения с полицией.

Акции протеста против экономической политики властей прошли в Чили.

 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Бразилии: Южная Америка по-прежнему один из наиболее стабильных регионов мира. Среди заметных политических событий для региона стало вступление в должность нового президента Парагвая Орасио Картеса. Это должно стать началом позитивного политического развития для Асунсьона и в целом стабилизировать ситуацию в пределах всего МЕРКОСУР.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** Россия и США 14 июня заключили новое рамочное соглашение по сокращению ядерной угрозы. Новый документ основан на успешном выполнении принятой в 1992 г. программы Нанна–Лугара по сокращению угрозы от оружия массового уничтожения, срок действия которой истек 17 июня.

 Евгений Бужинский (Россия), старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса) — по телефону из Москвы: Заключение в июле 2013 г. нового рамочного соглашения по сокращению ядерной угрозы является хорошим сигналом как сторонникам, так и противникам улучшения российско-американских отношений. Нераспространение наряду с сокращением стратегических наступательных вооружений традиционно является основой российско-американского сотрудничества. Кроме того, несмотря на очевидные недостатки, прежде всего касающиеся ее неравноправного характера (что естественно для документа, регламентирующего порядок оказания финансовой помощи), программа Нанна–Лугара способствовала отработке конкретных механизмов взаимодействия двух стран в вопросах утилизации избыточных ядерных вооружений, обеспечении безопасности ядерных объектов и в целом сотрудничества в области нераспространения. Поэтому простой отказ от продолжения взаимодействия РФ и США в столь важной области сотрудничества был бы контрпродуктивен.

7 августа президент США Барак Обама отменил встречу с Владимиром Путиным, которая должна была пройти в сентября в Москве перед саммитом *Большой двадцатки* в Санкт-Петербурге. Причиной решения Обамы стала возникшая напряженность в отношениях двух стран в связи с делом беглого разведчика Эдварда Сноудена, которому Москва согласилась предоставить временное политическое убежище.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В начале июня на США обрушился мощный торнадо, погибли около 20 человек.

В Китае в результате проливных дождей и наводнений погибло более 100 человек.

В Испании 24 июля в результате железнодорожной катастрофы погибли 80 человек.

В августе-сентябре от сильнейшего за всю историю наводнения пострадал российский Дальний Восток. Нанесенный ущерб оценивается во многие миллиарды рублей и усугубляется приближающимся холодным сезоном, а жизнедеятельность промышленных центров региона — Благовещенска, Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре — была серьезно нарушена.

Наводнения в Европе, эпидемия холеры в Конго, коронавирус в Саудовской Аравии, землетрясение в Индонезии, эпидемия холеры в Конго в числе негативных событий периода.

- Теракты совершены в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане, Турции, Таиланде, Нигере, Индии, Египте, Сомали.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ТОРЖЕСТВО БЮРОКРАТИЗМА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

*Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

Федор Тютчев «Весенняя гроза»¹

Уже некоторое десятилетие филологи спорят, какой смысл вкладывал поэт в словосочетание *громокипящий кубок*, пролитый на Землю. Одни видят в этом символ весенней очистительной грозы, смывающей накопившиеся за зиму мусор и нечистоты, другие — молнии, которыми Зевс наказывает погрязшее в грехах человечество. Обе эти интерпретации приходят на ум, когда речь идет о нынешней мировой политике. В ней накапливаются проблемы, чреватые труднопредсказуемыми в деталях, но более чем неприятными последствиями.

В первую очередь они порождаются процессами, происходящими в обществах, переживающих начальные этапы модернизации, а также углубляющимся кризисом социальной модели и внешней политики, характерным для Европы и отчасти США. Однако политические элиты Запада не хотят или не могут отказаться от устоявшихся стереотипов и искать реальные средства противодействия нарастающим угрозам и вызовам социального, экономического и военно-политического характера.

В итоге все более вероятной становится гроза. Очередные ее раскаты произошли, как можно было ожидать, на Ближнем Востоке. К событиям в Египте и Турции добавилось резкое обострение ситуации в Сирии и вокруг нее. *Арабская весна* плавно эволюционировала в горячее *ближневосточное лето*, которое, в свою очередь, перерастает в еще более жаркую *сирийскую осень*.

ЖАРКОЕ ЛЕТО В ЕГИПТЕ

3 июля 2013 г. в результате военного переворота, последовавшего за массовыми антиправительственными демонстрациями, был свергнут президент Египта

Ы
А
О
С
С
Б
Е
Ц
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И

та Мухаммед Мурси. Власть оказалась в руках командования вооруженных сил во главе с министром обороны генералом Ас-Сиси. Было объявлено о созыве Конституционной ассамблеи, которая подготовит проект новой конституции. Затем планируется одобрить этот проект на референдуме, избрать новый парламент и в феврале 2014 г. — президента. Будет выдержан этот график или нет, неизвестно. Сразу после переворота *Братья-мусульмане*, главная политическая опора бывшего режима, призвали к общенациональному *исламскому восстанию*. Вспыхнули массовые беспорядки. В результате вооруженных столкновений между исламистами и военными погибли несколько сот сторонников Мурси. Жесткие меры военного командования позволили несколько стабилизировать обстановку в столице. Тем не менее страна оказалась на пороге гражданской войны.

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы: Главным позитивным событием периода стало свержение в Египте президента Мохаммеда Мурси. Но *Братья-мусульмане* не намерены легко сдавать свои позиции, о чем свидетельствуют непрекращающиеся по всей стране столкновения исламистов с полицией. Действия руководства Турции, Катара, Туниса, Судана, *Аль-Каиды*, направленные на разрешение египетского кризиса, способствуют реставрации правления *Братьев-мусульман*. Независимо от того, удастся ли армии удержать власть или произойдет гражданская война с миллионами жертв, Египет неминуемо ждет постепенная деградация экономики и социальной сферы до соответствующего реальному потенциалу страны минимума.

Сколько-нибудь полного объяснения причин падения прежнего режима пока нет. Еще весной 2013 г. эксперты уверяли, что «реальной угрозы тем исламистским силам, которые пришли к власти, нет. Несмотря на происходящее в Египте острое противостояние между президентом Мурси и исламистским блоком (прежде всего *Братьями-мусульманами*), с одной стороны, и светскими, либеральными, националистическими, левыми группами — с другой, *Братья* остаются самой влиятельной политической силой в Египте»².

Причины переворота ищут в некомпетентности самого Мурси, развале экономики, фактическом установлении авторитарного режима и быстрой исламизации страны. Так, согласно Конституции, одобренной на референдуме в декабре 2012 г., принципы шариата были утверждены в качестве источника права. При этом за консультациями по правовым вопросам необходимо обращаться к старейшим ученым весьма консервативного мусульманского университета *аль-Азхар*. Свобода слова была ограничена запретом на *оскорбления религиозных посланников и пророков* и так далее.

Экономика оказалась на грани краха. С 2010 по 2012 г. доходы от туризма, вклад которого в ВВП составляет около 10%, упали с 46 до 13 млрд долл. Темпы роста ВВП, составлявшие в 2005–2010 гг. в среднем около 6%, в 2011–2012 гг. упали до 1,9%. Золотовалютные резервы сократились на 60%. По официальным данным, более 1/4 египетского населения оказалось ниже черты бедности, а примерно столько же — чуть выше ее. Сократилось промышленное производство, более чем наполовину снизился объем иностранных инвестиций.

Это, помимо всего прочего, свидетельствует, что радикальный ислам не может предложить сколько-нибудь эффективное решение актуальных экономических и социальных проблем, более того, исламизация общества ведет к их обострению. Единственным исключением являются государства, в которых доходы от экспорта углеводородов компенсируют экономический и социальный ущерб, наносимый ею.

Важно и то, что экономические неурядицы, усугубившиеся после свержения Хосни Мубарака, в первую очередь сказались на наиболее бедных и малообразованных слоях населения. Однако именно эти слои образуют в Египте, как и во многих других странах *третьего мира*, основную социальную базу теократического режима. В свете этого движущие силы нынешних событий в Египте связаны не столько с падением жизненного уровня населения, сколько с противостоянием между группами, ориентированными на модернизацию, с одной стороны, и группами, стремящимися сохранить традиционные институты, с другой.

Быстрой политической стабилизации в Египте ожидать трудно. Нельзя исключать, что сторонники Мурси, *Братьев-мусульман* и других исламистских группировок смирятся с поражением и сделают ставку на победу на будущих выборах. Другой вариант — алжирский сценарий, предполагающий установление военной диктатуры, которая рано или поздно подавит массовыми репрессиями исламистские группировки. Но вполне возможно, что армия расколется и тогда в Египте начнется очередная ближневосточная *bellum omnium contra omnes*. Наиболее вероятным представляется второй вариант.

Как показывают результаты выборов, состоявшихся в Египте после падения режима Мубарака, исламисты пользуются поддержкой большинства египетского населения. На парламентских выборах в ноябре-декабре 2011 г. исламистские партии получили в общей сложности около 70% голосов. На первом месте с 37% голосов оказался *Египетский демократический альянс*, ведущей силой которого была *Партия свободы и справедливости* во главе с Мурси. На втором — салафитский *Исламский блок*, во главе которого была партия *аль-Нур*, получивший 28% голосов. Несколько меньшую поддержку исламисты получили на президентских выборах в июне 2012 г., но и тогда за Мурси во втором туре проголосовали почти 52% участвовавших в выборах. Его соперник, бывший командующий египетскими ВВС Ахмед Шафик, получил около 48% голосов.

Поэтому можно предположить, что если в конце 2013 — начале 2014 гг. в Египте будут проведены выборы, победителями вновь окажутся исламистские партии и политические деятели. Первое, что они сделают, будет массовая чистка офицерского корпуса, который сыграл решающую роль в свержении режима Мурси, и кардинальное снижение роли армии в политической и экономической жизни.

Для того чтобы исключить такое развитие событий, командование вооруженных сил скорее пойдет на установление авторитарного военного режима, чем на более или менее честные выборы, чреватые для военного истеблишмента крупными неприятностями. В свою очередь, у исламистских группировок, лишенных перспектив прихода к власти политическим путем, остается только один выход — борьба с военным режимом, сочетающая политическую пропаганду и террористические акции.

ТУРЕЦКИЙ РАСКОЛ

События в Турции похожи на процессы, происходящие в Египте, поскольку и в этой стране накопилось серьезное недовольство властями — прежде всего политикой исламизации. Однако здесь есть и серьезные различия.

С 2002 г., когда к власти пришла Партия справедливости и равенства во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом и Абдулой Гюлем, Турция стала одной из наиболее динамично развивающихся стран. ВВП вырос почти в 4 раза, инфляция сократилась с 30 до 7% в год, безработица снизилась до 8,2%. Быстрое экономическое развитие стимулировало рост и без того многочисленного европеизированного среднего класса, концентрирующегося в крупных городах. Интересы этого слоя вошли в противоречие с проводимой нынешним руководством политикой ползучей исламизации страны и превращения ее в Оттоманскую Порту XXI в., ведущую державу Большого Ближнего Востока.

То обстоятельство, что конфликт из-за судьбы парка в центре Стамбула всколыхнул всю страну, свидетельствует о высоком уровне общественного недовольства. К тому же накопившиеся противоречия затрагивают ключевую для страны проблему — сохранится ли курс, сформулированный в свое время Мустафой Кемалем Ататюрком, или Турция повернется лицом к Востоку, принимая свойственные неевропейским обществам ценности, нормы и политические институты.

Противостояние кемализма и исламизма в Турции отнюдь не новое явление. По инициативе Ататюрка в первой половине XX в. были проведены кардинальные реформы. Имперская идея заменена концепцией строительства светского государства и единой турецкой нации как составной части Европы, были закрыты религиозные школы и шариатские суды, запрещены исламские братства (*тарикаты*), введен григорианский календарь, предоставлены политические и гражданские права женщинам.

Законодательство было выстроено на основе швейцарского гражданского кодекса, немецкого уголовного и итальянского экономического права. Внешняя политика все больше ориентировалась на участие в европейских делах, происходило отчуждение от арабского мира. Европейская ориентация Турции существенно укрепилась после вступления в НАТО в 1952 г.

Однако идеологические и политические новации лишь в небольшой степени затронули сельское население, в большинстве своем придерживающееся исламских традиций. Массовая миграция сельских жителей в города привела во второй половине прошлого века к образованию там широких слоев, придерживающихся традиционной политико-идеологической ориентации и исламских ценностей и симпатизирующих установлению патримониального авторитаризма. Особую роль среди них играет мелкий и средний бизнес, основанный выходцами из глубинки, со временем завоевавших определенные позиции в городской среде. В результате появились и политические силы, выражающие интересы и настроения таких групп.

С 2000 г. эта роль принадлежит правящей ныне Партии справедливости и равенства, взявшей курс на реставрацию исламизма. В частности, в школах введены уроки ислама, открываются религиозные учебные заведения, строятся все новые мечети, фактически легализованы *тарикаты*. Внешнеполитическая программа включает идею создания под эгидой Турции блока мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока.

Соотношение сил между сторонниками и противниками исламизации страны пока складывается в пользу первых, но, как показывают опросы общественного мнения, поддержка Эрдогана сокращается. Так, в июне 2013 г. 54% опрошенных считали, что правительство вмешивается в их личную жизнь. Почти 50% были уверены, что действия Эрдогана в отношении протестующих являются конфронтационными и провокационными, а также что Турция приближается к авторитарному и репрессивному стилю руководства. И хотя весной 2013 г. одобрение деятельности Эрдогана сократилось на 7 процентных пунктов, его поддерживает большинство — 53% населения.

Вместе с тем значительная часть сторонников Эрдогана рассредоточена по небольшим провинциальным поселениям и деревням, тогда как его противники концентрируются в крупных городах и мегаполисах, играющих основную роль в решении ключевых политических проблем. Иными словами, вполне возможно возникновение не очень устойчивого равновесия сил. В этом случае на первый план выходят армия и полиция, от позиции которых будет зависеть исход назревающего кризиса.

Эксперты считают, что полиция в массе своей поддерживает Эрдогана, тогда как симпатии армейского офицерства на стороне светской оппозиции, но вопрос о политическом потенциале армии неясен. Вплоть до начала 2000-х гг. в Турции существовала ситуация *военно-гражданского маятника*: военное командование

несколько раз брало власть в свои руки, восстанавливало порядок, пресекало левый и правый экстремизм, запрещало исламские политические партии и организации. Но после прихода к власти Партии равенства и справедливости в офицерском корпусе была проведена массовая чистка, сопровождавшаяся арестами сотен высокопоставленных военных³.

В итоге развитие ситуации в Турции прогнозировать трудно. Можно лишь предполагать, что, во-первых, раскол турецкого общества не только сохранится, но и углубится, и во-вторых, экономическое развитие и близость к Европе будут стимулировать рост политического влияния вестернизированных групп.

СИРИЯ: ХИМИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

В конце августа 2013 г. ситуация в Сирии и вокруг нее резко обострилась. Несколько сот, по другим данным, — до 1300 человек, в том числе женщины и дети, стали жертвами химического оружия в пригородах Дамаска, находящихся под контролем антиасадовских сил. Через 10 дней президент США Барак Обама объявил о том, что им принято решение о военной операции против режима Асада, которая произойдет без одобрения Совета Безопасности ООН, который, как вполне справедливо сказал американский президент, «оказался парализованным», и даже — в крайнем случае — без одобрения конгресса.

Сирийская оппозиция обвинила в применении химического оружия правительство Асада. Последнее, в свою очередь, заявило, что отравляющие вещества изготовлены на территории Турции и их использовали противники режима, чтобы спровоцировать вмешательство Запада в гражданскую войну. Западные страны поддержали обвинения против режима Асада. Москва, как и следовало ожидать, выступила в пользу Дамаска.

Логика тех, кто поддерживает нынешний сирийский режим, сводится главным образом к утверждению: сделал тот, кому это выгодно. Иными словами, ответственность за применение химического оружия в Сирии лежит на оппозиции, заинтересованной в том, чтобы спровоцировать вооруженное вмешательство Запада и с помощью американских крылатых ракет и авиаударов разгромить ключевые политические и военные объекты режима Асада.

Кроме того, МИД России упоминает некий доклад российских экспертов, которые, проанализировав образцы, полученные, как утверждает, в районе применения отравляющих веществ в Сирии 19 марта 2013 г., установили, что химическая атака была предпринята оппозицией. Единственный аргумент авторов этого доклада, если верить его изложению, сделанному представителем России в ООН В. Чуркиным, в том, что отравляющее вещество (зарин) и снаряд, которым оно доставлено, были кустарного производства. Правдоподобность этих утверждений вызывает сомнения.

Дело не только в том, что российские дипломаты часто склонны выдавать желаемое за действительное. Достаточно вспомнить как В. Чуркин и его коллеги в августе 2008 г. доказывали, что грузинские войска убили 2000 мирных жителей Цхинвали, когда на самом деле в ходе боев за город погибло не более 170 осетин, главным образом боевиков. Документ, подготовленный российскими экспертами, не опубликован, следовательно, независимым экспертам неизвестны ответы на ключевые вопросы — когда и где были собраны образцы отравляющего вещества и снаряда, которым они были доставлены, и как было доказано, что они не подброшены сирийскими правительственными службами.

Аргументы, используемые противниками режима Асада, намного более весомы. Во-первых, Дамаск де-факто признает наличие химического арсенала. Так, 23 июля 2012 г. представитель сирийского МИДа Джихад Макдисси заявил, что «Сирия может применить химическое оружие только в случае агрессии извне»⁴. Вопрос же о том, где, когда, с чьей помощью и каким именно образом сирийская

оппозиция могла изготовить зарин и снарядить им артиллерийские снаряды или боеголовки ракет, остается открытым. Во-вторых, сирийские власти позволили инспекторам ООН посетить место, где в марте 2013 г. было применено химическое оружие, только через 6 месяцев после его использования, а в августе 2013 г. задержали прибытие инспекторской группы в районы близ Дамаска на неделю. Единственно, что эта группа может сделать — подтвердить или опровергнуть факт использования отравляющих веществ. При этом зарин, который предположительно был использован и в том, и в другом месте, вещество весьма нестойкое, в летних условиях разлагается в течении нескольких часов. Это неизбежно затрудняет установление истины, что выгодно Дамаску, а не оппозиции. В-третьих, американские власти заявили, что был перехвачен и записан разговор сирийских военных, из которого следует, что отравляющие вещества были применены именно армией. В-четвертых, наконец данные спутниковой разведки показали, что удары химическим оружием были нанесены из районов, контролируемых правительственными войсками, по 12 зонам вблизи Дамаска, где находились оппозиционные силы.

Вопрос о том, кто применил химическое оружие в Сирии, бесспорно, важен. Но еще важнее, что оно вообще было применено. Хуже всего, если это было сделано экстремистскими группировками — оппозиционными или контролируемыми *Хезболлой* или иранскими властями, которые либо получили доступ к химическим арсеналам сирийской армии, либо смогли изготовить его самостоятельно. В этом случае перспектива террористических химических атак в США, Европе и России становится более чем реальной. Предотвратить их в обстановке, сложившейся в Сирии на конец лета 2013 г., можно только одним путем: убрать правительство Асада, привести к власти умеренные, склонные к разумным решениям группировки оппозиции и нейтрализовать экстремистское крыло. Если же отравляющие вещества были применены правительственными войсками и это останется безнаказанным, то распространение химического оружия получит мощный импульс и его использование будет фактически легитимизировано. В этом случае скорее рано, чем поздно, оно попадет в руки террористических группировок. Видимо, эти соображения стали одной из основных причин жесткой реакции ряда ведущих западных стран на события в Сирии. Одновременно все большее недоумение вызывают непрекращающаяся экономическая и политическая поддержка Москвой режима Асада, а также поставки последнему военного снаряжения, позволяющие ему держаться у власти, увеличивая тем самым риск распространения химического оружия со всеми вытекающими из этого опасными последствиями.

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ СБОИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

События на Ближнем Востоке при всех различиях в конкретных причинах недовольства властями в разных странах в очередной раз высветили противоречия между слоями, выступающими за модернизацию традиционных обществ, и теми кругами, которые стремятся предотвратить ее. Это противоречие имеет место как на национальном, так и на глобальном уровне. Оно порождается глубинными процессами, происходящими в экономической и социальной сферах.

Научно-техническая революция стимулирует слияние национальных экономик в единые структуры, а также становление наднациональных и транснациональных политических институтов. Перед всеми обществами стоит дилемма: либо адаптация к этим процессам и использование их в интересах технологического прогресса и решения социальных проблем, либо отставание и стагнация. Однако такая адаптация предполагает способность к технологическим и социальным инновациям, интеллектуальную и политическую свободу и умение эффективно действовать в быстро меняющейся транснациональной среде.

Являясь необходимым условием благосостояния и развития, модернизация приводит к эрозии традиционных групп, институтов и идеологий, сопровождается падением их социального статуса и ухудшением экономического положения. Соппротивление модернизации возникает в той части мира, которая уже вовлечена

в становление транснациональной экономики и глобальных институтов, но не готова к активному участию в них. В итоге формируется новая ось мировых противоречий: между теми, кто адаптируется к складывающимся условиям, и теми, кто не способен к этому.

На национальном уровне усиливаются противоречия, порождаемые неравномерным вовлечением в модернизацию различных групп. Наряду с ориентированной на традиционализм частью населения возникают и активизируются круги, заинтересованные в модернизации, отвергающие свойственную традиционному обществу жесткую регламентацию и связывающие достижение личных целей с социальным, политическим и технологическим прогрессом. Такие группы концентрируются в крупных городских центрах. На другом полюсе — сельское население и городские низы, в первую очередь недавние переселенцы из деревни в города, наиболее подверженные влиянию традиционных институтов и идеологий.

В идеологическом плане сопротивление переменам чаще всего выражается в обращении к религиозным и политическим доктринам, идеализирующим прошлое, видящим в происходящих в мире изменениях моральную и социальную деградацию. В политическом плане оно обычно сводится к изоляционизму. Но даже частичная изоляция неизбежно сначала приводит к застою, а затем к обострению кризисных явлений в экономике и обществе.

В этих условиях у верхушки традиционных обществ, переживающих процессы форсированных модернизаций, возникает потребность направить накапливающееся раздражение масс вовне, нацелить его на те страны и регионы, которые либо являются символом и источником перемен, прежде всего США, либо по иным причинам вызывающие ненависть местного населения, в мусульманском мире к ним относится Израиль.

Такая стратегия часто получает поддержку масс: мифологизированное сознание склонно искать причины собственного неблагополучия в действиях внешних сил зла. Эта ситуация усугубляется (за исключением арабских нефтедобывающих стран Персидского залива) низким жизненным уровнем масс и резко контрастным расслоением общества по имущественному признаку. Незавершенная модернизация нередко выливается в социальную дезориентацию, неудовлетворенность, раздражение и агрессивность, создающие благоприятные условия для политического радикализма.

Такие процессы протекают сегодня не только в мусульманском мире, но и в мусульманских общинах в Европе и Северной Америке, стимулируя там исламский радикализм, ставший идеологической основой противодействия переменам и сохранения традиционных культур, противоборства с либеральным, антропоцентрическим видением мира. Он предлагает решения, доступные пониманию малообразованных масс, ясно обозначает врага, ответственного за переживаемые экономические и социальные трудности, и намечает путь их преодоления — *священную войну* во имя утверждения истинных ценностей и собственной веры как единственно правильный путь к спасению.

Из этого следует тревожный вывод. По мере неизбежного вовлечения в глобализацию в традиционных обществах нарастают силы, пытающиеся ее остановить и ставящие своей целью противостояние с постмодернистской цивилизацией Запада. Это противостояние может принять форму *глобальной герильи*, полями сражений которой будут не только ущелья и плоскогорья стран Юга, но и городские джунгли крупнейших мегаполисов Севера⁵.

При этом слои, заинтересованные в модернизации и вестернизации, как правило, составляют меньшинство населения и, следовательно, не могут рассчитывать на победу на выборах. Иными словами, в результате демократизации к власти в мусульманских странах приходят исламистские круги, опирающиеся на отсталую, ориентированную на традиционализм часть населения. Возникает реальная возможность появления нового, весьма опасного феномена — *исламофашизма*.

Это ставит под вопрос широко распространенный в Европе и США тезис о необходимости политической и иной поддержки любых демократических реформ в развивающихся странах. Напротив, во многих случаях единственным противовесом радикальным силам могут быть светские авторитарные режимы, в том числе военные диктатуры.

ВАШИНГТОН: ТУПИК ПОЛИТИКИ ЭКОНОМИИ СИЛ

Внешняя политика США является одним из двух-трех наиболее важных факторов международных отношений. Помимо всего прочего, американская экономика выглядит относительно благополучной на фоне трудностей, переживаемых Европой, а победа на президентских выборах расширила свободу маневра администрации Барака Обамы на международной арене.

Вопрос только в том, насколько стратегические цели Соединенных Штатов, методы их достижения и представления о характере и движущих силах процессов, происходящих в различных регионах мира, соответствуют складывающейся там ситуации. В частности вызывает недоумение высказывание Барака Обамы в Берлине 19 июня 2013 г.: «Мы не можем диктовать направление изменений в местах, подобных арабскому миру. Но это не может служить оправданием отказу от их поддержки»⁶. Если вдуматься, это означает, что США поддерживают и должны поддерживать приход к власти в арабских странах исламистских кругов и групп, считающих своей целью противоборство с Соединенными Штатами как с силой, глубоко враждебной исламу.

Ключевые установки нынешней внешнеполитической линии США были сформулированы к началу 2013 г. Несмотря на начавшееся восстановление деловой активности, Вашингтон в первую очередь сосредоточен на собственных экономических проблемах и стремится исключить вовлечение в какие-либо конфликты за рубежом.

Основные международные усилия должны постепенно фокусироваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где, как ожидают в Белом доме, возрастает риск китайской экспансии. Задачи США — предотвратить ее и одновременно избежать конфронтации с Пекином. Для того чтобы усилить американские позиции в Азии, необходимо перенаправить туда ресурсы, которые сегодня задействованы на Ближнем Востоке и в Европе. В свою очередь, это требует если не разрешить сирийскую и иранскую проблемы, то хотя бы снизить их остроту.

В администрации Барака Обамы с удовлетворением восприняли заявления избранного в июне 2013 г. президентом Ирана Хасана Роухани о возможности диалога с Соединенными Штатами по ядерной проблеме. Правда, Хасан Роухани никогда и нигде не говорил об отказе от ядерной программы. «Наша ядерная программа абсолютно прозрачна, — заявил новый президент Ирана. — Но мы готовы продемонстрировать большую прозрачность, чтобы весь мир убедился, что действия Исламской Республики Иран полностью соответствуют международным установлениям»⁷.

Похоже, вместо того чтобы обсуждать условия, на которых Иран мог бы отказаться от обогащения урана, иранские дипломаты постараются сфокусировать переговоры на вопросе о том, соответствует ли ядерная программа Ирана Договору о нераспространении ядерного оружия. Тем не менее победа Хасана Роухани на выборах позволяет на неопределенное время оттянуть принятие крайне нежелательного для Вашингтона решения о применении силы, чтобы предотвратить обретение Ираном ядерного оружия.

Менее благоприятно для США складывается ситуация в Сирии. На протяжении двух последних лет главная забота Белого дома заключается в том, чтобы избежать вовлечения в идущую там гражданскую войну. Иракский и афганский опыт убедили американцев, что такое вовлечение требует очень больших затрат, а его результаты могут оказаться незначительными.

Между тем режим Башара Асада пересек ту самую *красную черту*, которую установил президент Барак Обама: против оппозиции было применено химическое оружие. Провалилась идея проведения международной конференции по Сирии, договоренность о которой 7 мая 2013 г. была достигнута С. В. Лавровым и Джоном Керри. Если бы такая конференция состоялась, американское руководство могло бы создать иллюзию, что решение сирийской проблемы можно найти политическим путем, в результате сняв вопрос о направлении туда вооруженных сил.

Таким образом, к концу лета 2013 г. Белый дом оказался в сложном положении. Если победу одержит режим Башара Асада или вооруженный конфликт затянется на неопределенное время, президент Обама из-за политики невмешательства будет обвинен в крупном внешнеполитическом поражении США и Запада в целом. Но если сирийский режим рухнет, что более вероятно, то это государство может распасться на конфликтующие друг с другом анклавы и окончательно превратиться в источник нестабильности, отравляющий геополитическую обстановку на всем Ближнем Востоке. Химические удары по мирному населению зон, контролируемых повстанцами, положили конец вялой и неуверенной политике США в Сирии. В тот момент, когда был завершен этот обзор, не было ясности относительно того, в какой форме и в каких масштабах американские вооруженные силы будут использованы против режима Асада. Было понятно лишь, что США не пойдут на крупномасштабную наземную операцию и оккупацию всей или части территории Сирии. Однако, если Соединенные Штаты повторят в том или ином виде югославский сценарий 1999 г., то есть нанесут серию авиаракетных ударов, уничтожающих ключевые военные и политические объекты режима, то последний неизбежно прекратит существование. Главная проблема в этом случае — предотвратить распад государства на соперничающие анклавы. Удастся это или нет, сказать трудно. Но ясно одно: для того чтобы избежать нарастания хаоса в Сирии, необходима массивная финансовая и материальная, в том числе оружием, помощь умеренной части оппозиции.

НОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА?

Многие наблюдатели расценили отказ президента Обамы от встречи с В. В. Путиным как начало новой холодной войны. Верен этот вывод или нет, зависит от того, что подразумевать под термином *холодная война*. Но, как бы то ни было, похоже, что Россия и США вступили в период острого политического противостояния. Действительно, отказ от саммита — экстраординарное событие в дипломатической практике. По сути дела Белый дом открыто заявил, что не видит смысла обсуждать что-либо с российским президентом, что терпение Вашингтона лопнуло, а пауза в отношениях с Москвой необходима, для того чтобы «переоценить куда идет Россия» (reassess where it is that Russia is going) и, соответственно, выработать новую линию в отношении с ней.

Андрей Кортунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы: Очередное снижение уровня безопасности связано с процессами, происходящими как в самой России, так в сопредельных с ней регионах. Произошло существенное ухудшение российско-американских отношений. Отмена запланированного на начало сентября визита президента США Барака Обамы в Москву свидетельствует о накопившихся сложностях в отношениях двух стран и отсутствием прогресса по ключевым направлениям сотрудничества. Пока не просматривается ни одного очевидного решения имеющих место проблем. Это относится как к проблеме противоракетной обороны, так и к дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений.

Американские эксперты и политики, отстаивавшие в последние несколько лет *перезагрузку* отношений с Россией, оказались в более чем затруднительном положении. Пытаясь спасти лицо, они обвиняют в случившемся антироссийские силы в США и антиамериканские круги в России и доказывают, что растущее противостояние противоречит долгосрочным интересам двух стран. Прокремлевские аналитики и пропагандисты как в России, так и за рубежом также делают хорошую мину при плохой игре, утверждая, что ничего страшного не произошло, что намеченный на сентябрь российско-американский саммит все равно кончился бы ничем, что ответственность за его провал несут США, не готовые к «равноправным отношениям в России», и что отказ от саммита на самом деле продемонстрировал, что Россия ведет не зависимую от США политику и не поддается на давление из Вашингтона. И те, и другие объясняют решение Белого дома некоей чрезмерной реакцией на решение Кремля предоставить политическое убежище Сноудену.

Во всех этих утверждениях правильно лишь то, что сентябрьский саммит вряд ли завершился бы сколько-нибудь заметным успехом. Однако 90% встреч на высшем уровне заканчивались и будут заканчиваться без видимых результатов. Их задача в другом: продемонстрировать, что лидеры соответствующих стран, даже если они расходятся во мнениях и испытывают личную неприязнь друг к другу, все же могут открыто обсуждать серьезные вопросы и искать пути решения имеющихся противоречий.

Решение Вашингтона объяснимо. На протяжении всех пяти лет президентства Барака Обамы США делали все возможное, для того чтобы установить хотя бы ограниченное сотрудничество с Москвой по тем международным проблемам, которые представляют для Америки особый интерес — ядерные программы Ирана и КНДР, *Арабская весна*, ядерное разоружение, в последние год-два — Сирия. С тем чтобы достичь взаимопонимания в этих областях, США пошли на весьма серьезные уступки Кремлю. Отменено решение о развертывании тяжелых ракет-перехватчиков *GBI* в Польше и радара ПРО в Чехии; по сути дела снят вопрос о приеме в НАТО Украины и Грузии; было дано понять, что нарастание авторитарных тенденций в России озабоченности в американской столице не вызывает. После второй инаугурации президента Обамы было объявлено, что на неопределенный срок откладывается принятие на вооружение ракет-перехватчиков *SM-3 Block IIB*, вызывавших особую озабоченность у российских военных. Было предложено начать переговоры относительно транспарентности программ ПРО и снижении на 30% потолка на стратегические наступательные вооружения. И то, и другое полностью соответствовало стратегическим интересам России.

Однако ответ России на американские предложения был отрицательным, а аргументы, использовавшиеся для обоснования российской позиции, в большинстве случаев были весьма неубедительны. В частности российские официальные лица утверждают, что необходимо сначала выполнить нынешний ДСНВ и только потом перейти к обсуждению новых сокращений. Рассмотрение этого вопроса они считают необходимым в связке с проблематикой ПРО, космических вооружений и стратегических вооружений в неядерном оснащении, дисбаланса в сфере обычных вооружений, а также ядерным оружием Великобритании и Франции. Выдвижение этих проблем в качестве условий дальнейших сокращений стратегических вооружений преследует только одну цель — заблокировать переговоры о таких сокращениях, поставив администрацию Барака Обамы в неловкое положение. Вместе с тем в ряде случаев российский подход к этим проблемам вызывает серьезные возражения.

Так, в последнее время российские военные и дипломаты много говорили об опасности стратегических вооружений в неядерном оснащении. Но эта проблема уже решена в новом Договоре СНВ, подписанном в 2010 г. в Праге. Он ограничивает общее количество боезарядов, находящихся на стратегических носителях, причем специально упоминаются ядерные боезаряды, относящиеся только к бомбарди-

ровщикам. Применительно к МБР и БРПЛ говорится о боезарядах без какого-либо уточнения: идет ли речь о ядерных или неядерных устройствах⁸.

Это означает, что Россия и США могут разворачивать на своих стратегических баллистических ракетах как ядерные, так и неядерные боеголовки, важно лишь, чтобы их общее количество было ограничено установленным пределом. Этот предел и определяет максимальный ущерб, который может быть причинен стороне, подвергшейся агрессии, независимо от того, какой боеголовкой оснащены ракеты, достигающие территории потенциального противника. При этом неясно, почему неядерная боеголовка стратегической ракеты более опасна для России, чем ядерная.

В отличие от вопроса о неядерных стратегических вооружениях проблема предотвращения гонки вооружений в космосе может со временем приобрести актуальность. Однако наиболее опасные виды военной деятельности в космическом пространстве, в том числе размещение там ядерного оружия и его испытания уже запрещены. Но никто не требует запрещения использования космоса в военных целях самого по себе, например, для размещения там спутников разведки, связи, наведения и так далее. Следовательно, речь может идти об определении таких видов военной деятельности, недопущение которых находится в интересах всех государств, имеющих крупные космические программы, и не затрагивает другие программы, которые считаются важными для обеспечения их безопасности. Задача эта исключительно трудна.

Кроме того, сегодня отсутствуют более или менее приемлемые определения ключевых терминов, относящихся к теме возможных переговоров. Например, неясно, где кончается атмосфера и начинается космическое пространство. Очень трудно будет договориться о процедурах верификации, в частности неизбежно возникнет вопрос: как проверить, находится ли на космическом аппарате оружие? Единственная возможность — присутствие иностранной инспекторской группы при сборке каждого такого аппарата, что вряд ли приемлемо для России, США и большинства государств, ведущих космическую деятельность.

Бесспорно, заслуживает обсуждения вопрос об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе, и дисбаланс в этой области между Россией и НАТО имеет место, однако в Москве предпочитают не замечать, что вероятность континентального вооруженного конфликта в Европе в настоящее время равна нулю. Поэтому любые сравнения военного потенциала России и всех стран — членов НАТО, вместе взятых, не имеют смысла.

Вместе с тем искать решение проблем, связанных с обычными вооружениями, имеет смысл применительно к районам, где может возникнуть военное противостояние России и НАТО. Таких районов два — Южная Балтика и Черноморский бассейн, включая западную часть Южного Кавказа. Геополитическая ситуация и баланс сил в каждом из этих регионов уникальны. В самом общем виде можно предположить, что снижение там опасности военного противостояния требует сочетания различных мер: укрепления доверия, создания зон пониженных вооружений, в том числе на территории России, неразмещения в них дестабилизирующих систем оружия и так далее.

Таким образом, вопросы предотвращения гонки вооружений в космосе и обычных вооружений в Европе относятся к числу реальных военно-стратегических проблем, решение которых сегодня или в будущем может упрочить международную безопасность.

Наконец сохраняющийся тупик в российско-американских отношениях вызван российскими требованиями относительно программы ПРО. Весной 2013 г. Вашингтон предложил заключить соглашение о транспарентности и мерах доверия в этой области. Рассказав Москве о деталях разворачиваемой системы, в Белом доме решили, что можно убедить ее в том, что озабоченности российских дипломатов и военных не имеют под собой оснований. Устранив их, можно перейти к тому, что действительно представляет для США интерес: сокращение стратегических ядер-

ных вооружений и нестратегического ядерного оружия в Европе. Однако и это предложение было заблокировано Москвой.

Неизбежно встает вопрос: в чем причины конфронтационного курса российской дипломатии? Их может быть несколько. В Москве могут просто неадекватно оценивать намерения и потенциал США и других западных стран и переоценивать собственные возможности. Стремление Белого дома к компромиссам и поиску сотрудничества с Россией воспринимали как свидетельство слабости. Наконец могло иметь место сознательное провоцирование напряженности с тем, чтобы использовать ее во внутривнутриполитических целях, в том числе для оправдания наращивания военных расходов. Однако, чем бы ни был вызван обструкционистский курс Москвы в отношениях с США, если он приведет к новой холодной войне, ее результаты будут еще более плачевными для России, чем итоги первой холодной войны для СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПАРАЛИЧ ВОЛИ

К концу XX в. евроатлантическая цивилизация достигла вершины своего расцвета. Однако ее достижения не могли не обернуться своей противоположностью. Ориентация на стабильность и социальные гарантии постепенно стала превалировать над потребностями развития. Колоссальные социальные расходы породили бюджетный дефицит и одновременно растущее налоговое бремя, замедляющее экономический рост.

Необходимость учета, сбора и перераспределения ресурсов в пользу малообеспеченной части населения стимулировали рост бюрократии. Сформировались многочисленные группы, живущие на разнообразные пособия. В них распространяются иждивенческие настроения, теряются трудовые мотивации и одновременно накапливается агрессивность в отношении благополучных слоев. Всеобщее избирательное право позволяет этим группам оказывать растущее влияние на внутривнутриполитическую и экономическую жизнь. Одним из проявлений неадекватности европейской модели стал долговой кризис, охвативший с 2010 г. зону евро.

Социальные гарантии и относительное благосостояние привлекают в США и европейские страны растущие потоки мигрантов из так называемого *третьего мира*. В крупнейших мегаполисах возникли крупные общины — своего рода гетто — находящихся в нижнем общественном слое носителей взглядов, установок и ценностей, глубоко чуждых европейской культурной традиции. Однако леволиберальные и социалистические идеологические установки препятствуют выработке рациональной иммиграционной политики. В результате растут антииммигрантские настроения, стимулирующие популистские взгляды ультраправого толка, усиливается этнополитическая напряженность.

Сегодня Запад нуждается в значительной коррекции системы ценностей и в смене исчерпавшей себя социальной модели в исторически короткие сроки. Однако, как показывает опыт Греции, Испании и ряда других стран, это вызывает острое сопротивление многочисленных групп, являющихся ее главными бенефициарами. В результате правящие элиты европейских стран до сих пор не смогли выработать более или менее эффективную стратегию выхода из социально-экономического и политического тупиков.

Если такое положение не изменится, неизбежно обострение противоречий и конфликтов двух типов. Первый — между средними слоями, создающими основные материальные и интеллектуальные ценности, растущая часть доходов которых изымается для финансирования социальных программ, и иждивенческими группами. Второй — между мигрантами и основным населением Европы.

Предугадать сегодня форму и проявление этих конфликтов невозможно, но их конечный результат в целом предсказуем: на смену леволиберальному, доведен-

ному до абсурда эгалитаризму придет неоконсервативная модель, в основе которой лежат принципы протестантской этики.

В экстремальном варианте этот процесс может завершиться ограничением демократии. Впрочем, более вероятно, что неоконсервативный подъем или даже неоконсервативная революция в Европе произойдет в мягкой форме при сохранении демократических институтов. Но для этого необходимо преодолеть свойственное нынешней элите Запада *томление духа* — паралич политической воли и инерцию мышления, осознать необходимость системных перемен и восстановить представление об исторической миссии Европы и Запада в целом. Однако уверенности в том, что это произойдет, сегодня нет.

Во внешней политике паралич воли проявляется двояко. В силу нарастающих социально-экономических трудностей правящие элиты Запада отвлечены от международных проблем. Самое плохое здесь то, что стратегическая линия западных стран на мировой арене все в большей мере ориентируется не на решение возникающих проблем, а на то, чтобы избежать осложнений, сэкономить ресурсы и не допустить непопулярных действий.

Такой стиль свойственен чиновникам, которые, в отличие от подлинных политических лидеров, стремятся действовать в рамках установившихся правил и процедур даже тогда, когда последние перестают соответствовать складывающейся реальности. Это положение усугубляется идеологическими шорами. Поведенческие парадигмы, основанные на терпимости, солидарности, уважении прав человека, склонности к решению конфликтов путем компромиссов, политической корректности и тому подобное, хорошо работающие в рамках постмодернистского общества, оказываются неприменимыми в отношениях с государствами и группами традиционного толка.

Впрочем, во всем этом нет ничего нового. Мудрецы древности понимали: «Человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть... так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них»⁹. Бедственные времена и вправду наступают, но оказываются неожиданными.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ИЛЛЮЗИЯ ПОЛИТИКИ *AD HOC*

Старательные разъяснения представителей мировой финансовой общественности, что финансового кризиса не будет, окончательно убедили всех, что он не просто будет, а он уже начался. И то верно: если фактический дефолт двух стран ЕС и преддефолтное состояние еще четырех — это не кризис, то что тогда следует считать кризисом? А *раскулачивание* на Кипре — это уже просто довесок к общей массе проблем.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ВСЕ-ТАКИ БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

Однако же *прогрессивное человечество*, за исключением противников однополых браков во Франции, в целом ведет себя довольно спокойно. И это так контрастирует с тем, что творилось еще полтора года назад в Греции во вполне схожей и, кстати, существенно менее острой по своим долгосрочным последствиям ситуации. На первый взгляд этот странный феномен непонятен, но если проанализировать более широкий контекст, становится понятной его причина: европейцев (в существенно меньшей степени американцев) поразил старый советский синдром — *лишь бы не было войны*.

Внешнеполитический постмодерн — мозаичная внешняя политика, внешняя политика без твердых принципов и устремлений, — который навязывался мировому сообществу едва ли не с середины 1990-х гг., представлялся весьма комфортным явлением. Предполагалось, что у западного обывателя голова от внешней политики и проблем безопасности болеть не будет. Однако тот внешний мир, который за последний год, особенно полгода, раскрыл свои объятия перед европейцами, выглядит уже таким пугающим, что дополнять его еще и картиной финансового коллапса очень и очень не хочется. Так что же может так пугать европейца?

Ответ прост: в Европе нарастает ощущение уязвимости, причем не только и не столько экономической, сколько военно-политической. Этот процесс идет с середины нулевых, во всяком случае именно тогда замеры общественного мнения впервые зафиксировали странные флуктуации настроений европейцев, посчитавших, что США несут для ЕС большую угрозу, нежели Россия и КНДР, вопреки всему, в чем их убеждали местные СМИ.

Теперь, когда *полыхать* начало уже рядом с границами европейских туристических зон, ощущение нарастания чисто военной опасности становится для европейцев вполне ощутимым и уже не может быть сведено только к *фантомным болям*, оставшимся после последнего по времени посещения Европы российской армией. И эти неприятные ощущения за последние два года существенно усилились. Конечно, сказывается и присутствие в европейских городах специфических социальных и национальных общин, тем более что эти общины периодически напоминают о своей роли в развитии западной цивилизации, как это сделал Майкл Адеболаджо просто так зарезавший средь бела дня в британском (британском ли?) городе Вулидж солдата армии Соединенного Королевства.

Именно военная угроза для наших европейских друзей теперь является реальностью, данной им в ощущениях. Можно злорадствовать и говорить, что салафизм, для развития которого Европа, и в первую очередь Британия, сделали так много, добрался и до них. Но можно посмотреть чуть глубже, и тогда становится понятно, что в данном случае мы имеем дело как с внутренней, так и с внешней угрозой, которая проявилась в специфической форме.

Важно отметить и другое обстоятельство: прошедшие шесть месяцев, думается, завершили оформление на *Западе* (он включает в себя и Японию с Австралией) ситуации диспропорциональности силовых угроз безопасности. Одни государства Запады ощущают силовые угрозы в большей степени (Франция, Великобритания, Италия, безусловно, Япония), а другие либо вообще их не ощущают (Голландия, Канада и Германия и некоторые другие), либо воспринимают не как угрозу, но как некое *бремя лидерства* (США).

Отмеченный процесс был усугублен общим кризисом институциональности в современной мировой политике. Это на практике делает откровенно сомнительным продолжение существования такого понятия, как *единое пространство безопасности Запады*. А ведь именно осознание общности и примерной симметричности угроз являлось основой политики развитых стран в сфере безопасности, и блок НАТО был всего лишь институтом, отражающим это понимание. Кстати, вы заметили, как притихли — особенно в Европе — голоса сторонников безусловной *атлантической солидарности*. Неспроста.

Иными словами, система внешнеполитического постмодерна в последние полгода оказалась окончательно оформленной. И выяснилось, что это система, в которой голова о проблемах безопасности все же болит у всех, но у всех она болит по-разному. И у тех, у кого она болит меньше или не болит вовсе, естественным образом появляются сомнения в том, чтобы *спонсировать* лечение тяжелобольных.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ГЛОБАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Нам это может нравиться или не нравиться, но мировая политика и глобальная стабильность как производная от определенного состояния мировой политики есть явления прежде всего институциональные. В институтах формируется международный консенсус по ключевым вопросам, институты являются основой международного права, институты же обеспечивают его воплощение в жизнь. Однако именно в последние 3–4 месяца мы сталкиваемся с ярко выраженным институциональным кризисом мировой политики. Уже приходилось писать по этому поводу, но складывающаяся ситуация не просто симптоматична — она опасна:

- ❑ ООН так и не может выйти из кризиса идентичности своего генерального секретаря, в который тот впал с началом российской операции в Грузии в августе 2008 г. Недееспособность и ангажированность данной структуры уже стала легендарной, а последние антисирийские резолюции этой организации, после которых ООН и ее структуры выглядят откровенно глуповато, в действительности ничего нового к малосимпатичному образу не добавили. Чем занимается ООН, непонятно уже много лет, и, кажется, это никого не интересует.
- ❑ Совет безопасности ООН не просто расколот (хотя такие органы как раз и существуют для выявления и преодоления разногласий), в последнее время он стал объектом манипуляций со стороны стран Запада, которые очень сильно расстраиваются, когда кто-то указывает им на их неправоту. И дело тут даже не в Сирии, хотя и в ней тоже, а в общем настрое: Совбез стал местом, где можно и даже принято говорить неправду.
- ❑ *Большая восьмерка* будет предметом отдельного разговора, однако здесь налицо признаки увядания и утраты полноценной стратегической повестки дня.
- ❑ Европейский Союз превратился в подобие кассы взаимопомощи и, говоря словами Остапа Бендера, *Лигу сексуальных реформ*. Не вполне понятно, чем, кроме попыток спасти евро и провести гей-парад в Москве, ЕС в принципе занимается. Последние заявления Ж.-М. Баррозу о процедуре принятия бюджета вообще свидетельствуют, что и бюджетный процесс уже идет мимо Еврокомиссии, которая выполняет технические функции и демонстрирует обиженность своим статусом. Председатель Европейского совета вообще производит все более странное впечатление.
- ❑ Признаки жизни подает МАГАТЭ, но вот вопрос: что бы делали многочисленные чиновники этой организации, если бы не было глубоко конфликтной и неоднозначной ситуации вокруг иранской ядерной программы? Про ядерную программу КНДР я даже не говорю — там МАГАТЭ изначально играла *вторым номером*, хотя ее роль и стоит признать стабилизирующей.
- ❑ Относительно ВТО вообще не вполне ясно, жива эта организация или *не очень*, причем даже по формальным признакам.

Кризис глобальных институтов (к которым логично отнести и ЕС) был вполне предсказуем как результат той волны перемен, которая началась четыре года назад. Но ситуация усугубляется тем, что аналогичные процессы мы наблюдаем и среди региональных структур:

- ❑ Таможенный союз и ЕврАзЭС всеми силами пытаются втянуть в свой состав Украину, без которой они сами себя и не мыслят. Причины этого не ясны, если только Россия и Казахстан не рассматривают себя в качестве геополитически несостоятельных субъектов, которые нежизнеспособны без украинской *твердыни*. Но на фоне кладбищенской тишины в СНГ эти метания выглядят бурной деятельностью, хотя и никак не влияют на глобальные процессы.

- Сильно затих БРИКС, который хотя и не дорос до статуса полноценного института, несмотря на все попытки, но определенное институциональное пространство все же занимал. И надо сказать, Россия много сделала для того, чтобы этот институт не случился. Но в принципе БРИКС был крайне интересным феноменом потенциально глобального качества.
- В АСЕАН в действительности теплится жизнь, и похоже там уже очень скоро поймут, что от разговоров о *свободной торговле и экономическом взаимодействии* пора переходить к обсуждению вопросов коллективной безопасности. И, кстати, России следует более активно действовать в рамках данной структуры, которая куда как привлекательнее, нежели АТЭС, который в России запомнился только уголовными делами по итогам *саммита* во Владивостоке и разрушающимися в *нашенском городе* артефактами.
- Лига арабских государств, *приватизированная* Саудовской Аравией и Катаром, также явно не оправдывает сделанных инвестиций. Во всяком случае, глядя в телевизор на события в Сирии, руководители большинства арабских государств (свергнутый М. Мурси не в счет — он был накрепко повязан саудовскими деньгами) решили отсидеться в тени, как говорят, *до выяснения*.

Очень интересно, что в последние полгода из активного информационного оборота исчезло одно очень занимательное название, вокруг которого шли дискуссии и ломались копыя и которое само по себе вызывало бурную реакцию у почти любого российского политика — НАТО. Безусловно, нельзя говорить, что блок НАТО выпал из ключевых военно-политических процессов — это было бы верхом самонадеянности. Все же в завязке *сирийской мясорубки* поднимался вопрос о задействовании командно-штабных структур Североатлантического альянса для интервенции, а если дело дойдет до реального столкновения, вероятно, альтернативы использованию этого механизма не будет. Однако вопрос о глобальной роли НАТО не возникал ни на одной крупной политической площадке уже давно, и это говорит о многом.

Единственное, что еще удерживает тему НАТО в верхней части информационного рейтинга — муссирование вопроса о вступлении Грузии в альянс и периодически возникающие эпохальные идеи в украинском истеблишменте. Можно, конечно, свалить вину на нынешнего генсека, фигуру довольно бесцветную и явно несамостоятельную. Но дело в том, что внутренние установки и структура организации НАТО не соответствуют тем задачам, которые возникают на мировой арене, а попытки *встроиться по ходу* процесса пока удачными назвать нельзя.

Итак, мы совершенно отчетливо вошли в период фатального кризиса *постбиполярной* институциональности. На фоне этого неудивительно, что становятся широко востребованными разного рода *ad hoc* коалиции, партнерские *клубы* и прочее. Иными словами, мы переживаем период внешнеполитической *чрезвычайщины*. Причем, конфигурация этих *коалиций* иногда изумляет.

Как, например, можно оценить стратегический альянс французского правительства, занятого борьбой за глобальное распространение гомосексуальных браков, и саудовских салафитов, которые пока сомневаются в том, что подобные браки являются общечеловеческой ценностью? Однако такой альянс есть, и он является реальным политическим фактором, что может подтвердить Башар Асад.

Стратегическое партнерство США и *Аль-Каиды* шокирует гораздо меньше. Это всего лишь *возвращение к истокам*, т.е. к *старым добрым временам* борьбы с Советским Союзом в Афганистане, но оно также необычно, ибо происходит после того, как талибов демонизировали и громили до полного уничтожения последние 10 лет.

Главная проблема в следующем: такого рода ситуативные отношения, действительно помогая разрешать тактические проблемы, не формируют долгосрочной

системы взаимных обязательств и взаимной политической зависимости. Иными словами, *мир* глобальных институтов — это мир постоянных ограничителей в деятельности государств и групп государств, иногда неписаных ограничителей. Этот *мир* основан на инструментах реализации принципов международного права. Мир *ad hoc* коалиций всего этого лишен и, значит, куда более опасен, потому что не предоставляет государствам *площадок*, на которых возможен некий *предварительный арбитраж* возникающих международных проблем.

Конечно, некоторым государствам, например, КНДР, Туркмении или салафитской Ливии, такие площадки не нужны, но даже Иран и Венесуэла, вероятно, воспользовались бы международными институтами, если были бы уверены в их реальной объективности и эффективности. Таким образом, кризис международных политических институтов лишает очень многие страны надежд на *досиловое* разрешение возникающих противоречий. В результате мы существуем в ситуации поступательного снижения глобальной стабильности. И уже очень скоро это обстоятельство станет весьма ощутимым и в практической внешней политике.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБКИ

Очередным звонким скандалом, подчеркнувшим значимость современных информационных технологий, стала ситуация вокруг второразрядного аналитика ЦРУ Эдварда Сноудена. И здесь на повестке дня все еще стоит вопрос о том, что же такое современное информационное общество и какова его реальная роль в формировании глобальных политических процессов?

Пока информационное общество *показало только свои зубы* простым гражданам, узнавшим много интересного о том, как их правами распоряжаются американские спецслужбы, и американской элите, которая думала, что *информационное общество* означает безнаказанные действия в компьютерных сетях и информационные манипуляции. Хотя вообще-то ничего особенного мы ни про новые коммуникационные платформы (ошибочно именуемые *социальными сетями*), ни про американское правительство из разразившегося скандала не узнали.

Но пройдет очень немного времени, и мы поймем, что за этими в принципе нестрашными *зубками* скрывается пасть, поглощающая все наши основные ценности. США просто первыми научились пользоваться в своих интересах новыми возможностями, но первыми же столкнулись с тем, что *приручить* информационные технологии полностью практически невозможно. С точки зрения естественнонаучных процессов, современное *информационное общество* является глобальной *черной дырой*. И эта *черная дыра* — территория энтропии индивидуальных и общественных ресурсов — становится все масштабнее и начинает приобретать внутреннюю логику. И *дело Сноудена* — лишь одно из проявлений этой логики, легкий щелчок по носу самоуверенным американцам.

В целом, коммуникация уже подменила внутреннюю политику (этот процесс особенно характерен именно для России и США), а теперь начинает втягивать в свою воронку и политику внешнюю. Но проблема в данном случае в том, что *лиар*, который уже почти исчерпал себя как средство успокоения общества на национальном уровне, предельно не подходит как средство ведения внешней политики. Внешняя политика — это все же сфера, где процессы реализуются и обеспечиваются железом и кровью.

Но есть и другой аспект проблемы. Когда возникали новые коммуникационные платформы и новые средства организации коммуникационного пространства, много говорилось о том, что это новая степень свободы. Но является ли свидетельством демократизма современной системы коммуникаций требование, уже выдвигаемое при трудоустройстве в некоторые западные компании: в обязательном порядке иметь аккаунт в социальной сети? Иначе тебя запишут в социопаты и ты просто можешь не найти нормальной работы.

Нет ли в современных социальных сетях зачатков тоталитарных институтов, прежде всего тоталитарной идеологии, которую можно условно окрестить *фейсбукизмом*? Ведь почему-то лучше всех используют для достижения реальных политических и экономических целей новые коммуникационные возможности как раз те, кого трудно обвинить в глубокой приверженности ценностям демократии: исламисты, спецслужбы, радикалы всех мастей, продавцы фальсифицированных и контрафактных товаров, рейдеры и пр. Значит, есть в новых информационных технологиях что-то такое...

Есть еще один острый вопрос: сегодняшняя система интегрированных коммуникаций играет стабилизирующую или дестабилизирующую роль в системе международных отношений и глобальной безопасности? Оставим его пока открытым.

ВОСЬМЕРКА НА ПОЛЯХ ДВАДЦАТКИ

Восьмерка являет собой институт, утративший стратегическую значимость, которую имел 20 лет назад, и поэтому всеми силами стремится не выпасть из сегодняшнего геополитического контекста. Неудивительно, что встречи *восьмерки* посвящены уже не столько стратегическим, сколько наиболее острым текущим вопросам (для решения которых предназначается Совет Безопасности ООН), а структурно она распадается на двусторонние встречи или двустороннее выяснение отношений посредством пикировок на пресс-конференциях. Реальное влияние *восьмерки* на важнейшие глобальные тенденции уже не столь велико. И, конечно, все уже привыкли, что по форме встречи *восьмерки* все больше напоминают светское, а не политическое событие. Прошедший в июне саммит *восьмерки* в североирландском городке Лох-Эрн это еще раз подтвердил.

И тут возникает вопрос: есть ли у *восьмерки* настоящая, а не *фантомная* повестка дня? И какова роль *восьмерки* в управлении становящихся ключевыми военно-силовых процессов? Пока однозначного ответа нет. С одной стороны, конечно, вменяемое заявление по Сирии — это большой шаг вперед по сравнению с тем, что говорили лидеры западных стран до саммита. Но, с другой стороны, это заявление было тут же отброшено в сторону всеми участниками конфликта, как и теми, кто только что это заявление подписал.

Рискну предположить, что демонтаж *восьмерки* как глобального института начнется там и тогда, когда *двадцатка* по тем или иным причинам решит, что можно уже не ограничивать себя экономической проблематикой и пора переходить к обсуждению не просто политических, а военно-политических вопросов. И есть подозрение, что с учетом происходящих в Юго-Восточной Азии процессов, а также выстраивания системы неоимпериализма, чем занялись примерно год назад США и их союзники вроде Франции, момент этот настанет весьма скоро.

СИРИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Уже совершенно очевидно, что ситуация в Сирии перестала быть *обычной* гражданской войной и становится войной религиозной. Такая война идет по совершенно особым законам и, главное, прекращается только при полной капитуляции или уничтожении одной из сторон. Так что наивны утверждения о возможном *мирном урегулировании* этого конфликта за счет какого-то переговорного процесса.

Думается, что единственный, кто еще хоть как-то сохраняет возможности политического управления, это Башар Асад. Хотя в данном случае ему будет сложно уговорить своих сторонников *проявлять сдержанность*, поскольку они сами порядком озверели от действий салафитов. Что же касается *оппозиции*, то она производит все более жалкое впечатление, а контроль над ситуацией на поле боя переходит к полевым командирам, причем наиболее влиятельными из них являются представители *Аль-Каиды* и салафиты, ориентирующиеся на Саудовскую Аравию. США

и ЕС в данном случае своими поставками оружия делают все менее и менее вероятной капитуляцию одной из сторон и все более и более вероятной ее физическое устранение — геноцид.

Трагедия в Сирии в том, что внутренний кризис в стране пришелся на *закат арабской весны*, когда вновь пришедшие к власти коалиции (за исключением, конечно, Ливии), стали думать, куда девать огромный взрывной потенциал, который привел их к власти и который может у них власть отобрать. Поэтому недостатка в *борцах за свободу*, вероятнее всего, не будет.

Но главная проблема, однако, состоит в том, что при своем мужестве и своей стойкости режим Башара Асада стратегически проиграл. И проиграл по одной причине: Сирия изначально была искусственным государством, даже Ирак сформировался более органично. Подобное государство могло существовать и успешно развиваться только как государство относительного межконфессионального мира, который при всех издержках был достигнут его отцом, Хафезом Асадом. Теперь же, даже если Башар Асад победит, прежняя Сирия не вернется никогда. Возможно, со временем ему удастся построить другую страну, но это уже вряд ли будет светская, многонациональная и уверенная в себе Сирия. Если же победят просаудовские салафиты, то больше не будет не просто государства, но и страны.

В любом случае на месте нынешней Сирии с большой долей вероятности возникнет некое *пустое* пространство, которое кто-то заполнит и определит будущую геополитическую конфигурацию в регионе. А это уже станет глобальным геополитическим фактором, поскольку, *надавливая* на Сирию, можно очень эффективно регулировать военно-политические процессы в регионе в целом.

Что же касается августовского обострения ситуации, связанного с применением химического оружия кем-то из участников *сирийской драмы*, то мы, вероятно, видим далеко не все кусочки этой *мозаики*. Не исключено, что корни этих событий, выразившихся в откровенную истерию на Западе, лежат не в пригороде Дамаска, а в Вашингтоне. Не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что администрации Б. Обамы просто нужно было что-то прикрыть операцией против Сирии, отвлечь от чего-то внимание, поэтому и понадобился наспех сконструированный и не очень убедительный повод. И это *что-то*, думается, было настолько значимым, что не грех было рискнуть жизнями американских солдат и своей репутацией.

И еще один вопрос: все пишут о Сирии, но при этом, все, особенно в США и Европе, как-то стараются помалкивать, что уже полгода идет вполне серьезная стрельба в соседнем Ливане. Последний эпизод с разгромом ливанской армией салафитской базы в Сайде — лишь часть все более интенсивного роста нестабильности в этой стране, как и на всем Ближнем Востоке.

А на очереди, судя по отрывочным сообщениям, Иордания, куда американцы и их союзники уже завезли оружие, чтобы, наверное, местным исламистам и все больше сближающимся с салафитами палестинцам из лагерей беженцев было нескучно.

Иными словами, мы должны готовиться к стратегической и долгосрочной дестабилизации всего Восточного Средиземноморья, включая Израиль, чтобы там ни говорили в Тель-Авиве.

ОДА КИМ ЧЕН ЫНУ

После *весеннего обострения* Запад отказался от конфронтации с КНДР и даже для приличия не стал изображать обиженность при первых признаках снижения напряженности со стороны Пхеньяна. Итак, каковы же результаты последнего кризиса вокруг КНДР?

Во-первых, КНДР действительно доказала новое качество своего военного потенциала. КНДР еще не стала членом *клуба избранных* (и надеюсь, никогда не станет),

однако право сидеть за одним столом с *избранными* Пхеньян заслужил. Задумаемся над этим феноменом.

Во-вторых, КНДР показала всем, что Северо-Восточная Азия при всем экономическом росте и социальной модернизации остается домиком со стеклянными стенами и достаточно одного неосторожного движения или слова, чтобы красивая витрина разлетелась на мелкие осколки.

В-третьих, весь мир почувствовал, сколько в глобальном масштабе стоит *детский* кризис, устроенный Ким Чен Ыном, не только для США, которые вынуждены были перебрасывать войска в регион и повышать боеспособность, но и для Китая, Европы и даже России.

Иными словами, Ким Чен Ын доказал, что он — серьезный лидер, с которым мировому сообществу придется считаться, и в достаточной степени контролирует корейскую партийную и военную элиту. Рискну предположить, что в действительности молодой северокорейский лидер, выиграв недавний кризис, получил не только *мандат на власть*, но и мандат на проведение реформ.

В этой ситуации глупо выглядит Сеул, где, кажется, так и не поняли, что являются *разменной монетой* в руках американцев. Когда и если это в Сеуле все-таки поймут, перед Южной Кореей встанет вопрос о том, как изменить свое, прямо скажем, *подневольное* положение. И вот тогда российской дипломатии надо быть крайне расторопной, чтобы сделать нашим южнокорейским партнерам такое деловое предложение, от которого и наши северокорейские соседи не смогут отказаться.

ТАКСИМ В СУХОМ ОСТАТКЕ

Думается, все же было бы ошибочно приравнивать события на стамбульской площади Таксим к процессам, получившим поэтическое наименование *арабская весна* и выразившимся в бесчисленных смертях, которые уже были и еще будут. *Таксим* — это явление все же чисто турецкое.

Корни его лежат не только в процессах 6–12-летней давности, но и отсылают нас к 1930–1950-м гг., когда у правительств Ататюрка–Иненю банально не хватило денег, чтобы провести промышленную и социальную модернизацию, которая случилась в Турции только спустя 40 лет. Как и всякая промышленная модернизация, она разделила страну экономически и социально, и речь сегодня идет о том, какая из *двух Турций*, которые смотрят друг на друга с плохо скрываемым неприятием, получит основную власть в стране на ближайшие 15 лет. За это время турецкая элита сформулирует новый *модус операнди* взамен оказавшегося несостоятельным лозунга *вхождения в Европу*.

Невозможно пройти мимо того обстоятельства, что кризис в Турции является продуктом деятельности лично Реджепа Тайипа Эрдогана. С другой стороны, протестуют как раз те слои населения, которые более всего получили от экономического роста при нынешнем премьер-министре.

Логика Эрдогана понятна — демонтаж кемализма как идеологии европеизации возможен только в ситуации, когда турки будут ощущать себя в *осажденной крепости*, окруженной со всех сторон *врагами*. Однако в результате в том числе и просчетов самого Эрдогана Турция действительно оказалась в состоянии *осажденной крепости*, т.е. вместо комфортных разговоров об угрозе турки получили реальную военную угрозу практически по всей линии границ, кроме границы с Грузией.

Есть полное ощущение того, что это не турки создали в Сирии *буферную зону*, а салафиты создали ее в Турции и делают там все, что хотят. В таких условиях надо опираться не на полицейских, а на армию и спецслужбы. А турецкая армия несмотря ни на что принадлежит к той части Турции, которая на площади Таксим выразила свое сомнение относительно Эрдогана.

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Антиправительственные демонстрации в Турции создали новую волну напряженности на Ближнем Востоке. Для разгона демонстраций Тайип Эрдоган задействовал силы ОМОНа. Его попытки мобилизовать религиозные круги и натравить их на секулярные ставят Турцию на опасную тропу. Тактика и политика Эрдогана по поляризации общества вызывают беспокойство у многих внутри правящей исламской консервативной партии. Но не думаю, что кто-либо, включая президента Абдуллу Гюля, предпримет что-то, чтобы сдержать премьера. Отсутствие внутренних возмущений внутри Партии справедливости и равенства политикой Эрдогана, напряжение и разделение между консервативными и секулярными участниками акций протеста, секторальное разделение между суннитами и шиитами — все это чревато тем, что премьер усугубит и воспламенит риск во всем регионе.

Почти наверняка Эрдогану удастся в этот раз *придавить* протестные настроения. Более того, нельзя исключать, что на ближайших парламентских выборах его партия может выступить вполне успешно. Вот только та геополитическая конфигурация, которую он выстроил, никуда не денется. И ситуация не слишком дружелюбного сосуществования *двух Турций* тоже никуда не денется.

В мировой и в турецкой элите все прекрасно понимают, что с такой внутривнутриполитической конфигурацией и с ответственным за нее лидером Турция вряд ли сможет претендовать на интеграцию в серьезную геополитическую конструкцию. Иначе говоря, пока у власти находится Реджеп Тайип Эрдоган, Турция будет оставаться *экономическим чудом*, пусть и относящимся к предыдущей исторической эпохе, но вряд ли она сможет войти в ЕС и стать главным контрагентом Запада на Среднем Востоке. И это тоже ситуация стратегического выбора.

АМЕРИКА ПЕРЕД БРОСКОМ

Понятно, что американская дипломатия и очень не глупый и по-американски порядочный человек Джон Керри стали заложниками пропагандистского характера американской политики, которую осуществляет Барак Обама. В условиях, когда главным критерием внешнеполитических действий становится хорошая фотография, а сами внешнеполитические действия, даже те, которые хорошо бы делать в полной тишине, сопровождаются безудержной и очень часто неумной пропагандой, эффективность внешней политики неизбежно снижается.

Есть немалое подозрение, что после последнего *эпохального* предложения Барака Обамы о сокращении стратегических вооружений существенно ниже порогов, установленных новым Договором СНВ 2010 г., все последующие американские инициативы, даже те, которые будут содержать рациональные зерна, и читать-то в Москве никто не станет, лишь будут вскользь проглядывать.

Однако же российским властям стоит сказать американскому президенту слова благодарности по двум весьма значимым в политическом и геополитическом планах причинам.

Во-первых, при всех издержках и понятной неприемлемости предложение Барака Обамы напомнило нам о существовании такой сферы мировой политики, как контроль над вооружениями, о котором в вихре событий последнего года мы просто забыли. И напрасно, поскольку *недоделанные* здесь дела, доставшиеся в наслед-

ство от 1990–2000-х гг., никуда за последние годы не исчезли. Барак Обама показал, если Россия не будет пристально заниматься контролем над вооружениями, этим вместо нее займутся другие. Напомним, что это за *недоделанные* дела:

- включение в процесс контроля над вооружениями ядерных держав *второго и третьего* ряда — застопорившийся в середине 1990-х гг. процесс необходимо как-то стимулировать;
- решение вопросов с универсализацией ДНЯО, либо столь же энергичное решение вопроса о замене ДНЯО чем-то, более соответствующим современным реалиям и прежде всего факту существования *неофициальных* ядерных держав;
- глобальное развитие концепции *зон, свободных от ядерного оружия*, особенно с точки зрения политических аспектов данного явления, поскольку организационно-технические аспекты в целом проработаны довольно хорошо.

Недоделанные дела — это полноценная глобальная повестка дня для раскрытированных выше международных институтов и двусторонних отношений на 5–7 лет. Она была фактически *задвинута в угол*, а на первый план вышла бесконечная и, да простят меня специалисты, нудная дискуссия о ПРО.

Во-вторых, Барак Обама напомнил российскому руководству о том, что пока оно всерьез не займется развитием стратегических ядерных сил и их адаптацией к новым геополитическим реалиям (в том числе через изменение принципов боевого применения), эти силы останутся объектом всеобщего внимания с позиций *что бы еще подсократить*. История с усиленно раздуваемыми слухами о ракете *Ярс-М*, якобы нарушающими Договор об РСМД (кстати, несомненный рудимент *холодной войны*, который давно должен быть демонтирован как не отвечающий интересам России и создающий для нее явственные военные риски), тому самое наглядное подтверждение.

Обращаясь к фактам: на деле существует разительная дистанция между тем, что США говорят, и тем, что США делают. Говорят США много, хотя и все менее изобретательно: о демократии, о правах человека, о *поддержках революций* в арабском мире, о глобальной стабильности, о необходимости силового давления на Северную Корею и свержения режима Башара Асада. Вот только дела Вашингтона все больше и больше расходятся со словами. Попытаемся инвентаризировать действия американцев за последние несколько месяцев:

- США минимизировали свое потенциальное участие в сирийском конфликте, фактически заняв позицию выжидания. Они готовы финансировать *повстанцев* и даже *логистически* им помогать, но явно не стремятся стать силовым *кулаком* в продвижении демократии, предоставляя это почетное право саудитам, туркам и французам.
- США некоторое время назад передали 60-миллионный Египет и его президента-*недосалафита* Мухаммеда Мурси на попечение Саудовской Аравии и Катара, вероятно, чтобы геополитических идей у них по мере роста расходов поубавилось. В результате М. Мурси с политической сцены самой большой страны арабского мира убрала египетская армия, которую США воспитывали со времен Кэмп-Дэвидского мира.
- США взяли откровенную паузу в отношениях с Ираном, дожидаясь каких-либо сигналов от вновь избранного иранского президента Хасана Роухани, окрещенного на радостях *реформатором*. Американское военно-политическое руководство сделало почти невозможное: оно как минимум приостановило маховик военной операции против Ирана. Хотя, если вспомнить историю, основой *рывок* иранская ядерная программа сделал именно при *реформаторах* Хашеми, Рафсанджани и Хатами, а Ахмадинежад в основном снимал пропагандистские *сливки*.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива — по электронной почте из Дубая: Политики и эксперты заговорили о возможной либерализации некоторых сфер жизни в иранском обществе с приходом нового президента-прагматика Хасана Роухани. Но важно понимать, что Роухани является частью системы Исламской Республики, а потому будет действовать в ее рамках. Не исключено, что он в чем-то вознамерится изменить ее и больше открыть Иран внешнему миру, но окончательное решение об этом все равно останется за Верховным лидером Ирана Али Хаменеи.

- Несмотря на репутационные потери, США начали переговоры с талибами в Афганистане, фактически легитимизировав их как значимую в международном масштабе силу. Понятно, что Талибан нужен как оружие против Хезболлы, но все же действия американцев были жестковаты, о чем им обиженно напомнил Хамид Карзай, очередной союзник, которого Вашингтон *сдал*.
- В отношении со своими европейскими союзниками США открыто перешли к бессмертной формуле *утром деньги — вечером стулья* и уже ничем не раскрывают свое желание участвовать в европейских авантюрах вместо самих европейцев.
- США оставляют в покое Венесуэлу, удовлетворившись тем, что их главный критик Уго Чавес перешел в мир иной. Все это сопровождается, как водится, *сдачей с потрохами* своих союзников, которые всерьез, видимо, рассчитывали на интервенцию.

Единственное направление, на котором активность США в последнее время не сократилась, а увеличивается — Африка. В данном случае роль играет сложный комплекс имиджевых причин и необходимости противодействия китайскому влиянию.

Иными словами, совершенно ясно, что Соединенные Штаты идут по пути минимизации своего участия в потенциально проблемных ситуациях. При этом очевидно, что связывать происходящее с некими внутривнутриполитическими факторами, которые заставляют США экономить ресурсы, было бы ошибкой. Конечно, у Барака Обамы отобрали карт-бланш на внутренние реформы, однако же тактически ситуация не так уж и плоха, чтобы что-то серьезно менять.

Некоторые российские обозреватели, вполне верно утверждают, что *Америка сосредотачивается*¹⁰. Однако главный вопрос в том, для чего она сосредотачивается. Накопленный американцами потенциал геополитического проецирования силы и влияния таков, что он обязательно должен где-то проявиться. Утверждают, однако, что США сконцентрируются на европейском направлении и возобновят потрепанный последними событиями стратегический альянс с ЕС. Однако такие ресурсы (особенно силовые), какие высвободили США, на европейском направлении совершенно не нужны. Там будет достаточно возможностей американских банков. Отсюда приходится констатировать, что колоссальный объем внешнеполитических возможностей и ресурсов США исчез с *шахматной доски*. Вернее, был с нее убран сознательно и планомерно, но довольно быстро.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Опубликованный летом план военного строительства до 2020 г. усугубляет чувство беспокойства, существующее, несмотря на постоянные бравурные новости про нормализацию ситуации в российской армии.

Конечно, за последние 2–3 месяца руководство Министерства обороны сделало очень много позитивного, с точки зрения создания адекватной атмосферы вокруг ведомства и структурной нормализации. Этому послужило и возвращение в военную среду дивизионной организации войск, которое на практике будет иметь серьезные последствия.

Этот факт говорит о том, что угрозы безопасности России в обозримой перспективе признаются выходящими за рамки локальных конфликтов. Минимальный порог применения дивизий — региональный конфликт. Это умозаключение соответствует в целом той ситуации, которая складывается у российских границ, и означает совершенную иную военную политику и доктрину по сравнению с тем, что озвучивалось во времена А. Э. Сердюкова.

В современной российской внешней политике смущает то, что она находится в системной противофазе с политикой большинства стран мира. Они — в первую очередь США и Китай — сейчас минимизируют внешнеполитическую активность и накапливают средства. Россия же демонстрирует стремление вовлечься во все возможные сложные ситуации, совершенно не задумываясь о наличии у себя ресурсов.

Поэтому стратегическая разбросанность российской внешней политики порождает невнятность российской военной политики и ее оторванность от общегосударственных задач. К примеру, если мы действительно восстанавливаем дивизионную структуру в своих вооруженных силах, мы должны четко понимать и формулировать, зачем мы это делаем. И если мы начинаем всерьез утверждать, что новый российский танк существенно превосходит все зарубежные аналоги по совокупным показателям, как это сделал заместитель министра обороны Юрий Борисов¹¹, то главный вопрос, который следует задать: а зачем он их превосходит? В каких конфликтах он может быть использован и для чего ему такие высокие характеристики? И насколько для решения этих задач будут оправданы те вложения, которые понадобятся для выпуска этого танка?

В этой связи невеселое признание вице-премьера Д. О. Рогозина о том, что США могут уничтожить 90% российского стратегического потенциала за счет использования высокоточного оружия за шесть часов, не должно восприниматься как большое открытие.

С одной стороны, из этого признания следует необходимость снижения *окна уязвимости* наших стратегических ядерных сил (СЯС) с помощью:

- существенного повышения их защищенности, прежде всего МБР шахтного базирования, способы и технологии которого понятны и не требуют чего-то инновационного;
- формирования максимально гибкой системы управления ими, особенно применительно к ситуации военной опасности и начальной фазы конфликта.
- создания компактного мобильного, но эффективного потенциала субстратегического ядерного оружия, что даст нам отсутствующий ныне потенциал дозированного применения ядерного оружия;
- возрождение их воздушного компонента на традиционной и нетрадиционной основе (в качестве нетрадиционной основы, почему бы нам не вернуться к технологиям баллистических ракет воздушного базирования).

Стоить это будет, возможно, даже меньше, чем собирается освоить РЖД, создавая не понятно кому нужную скоростную дорогу Москва–Казань, но даст для стимулирования общегосударственного (а не только внутрисемейного) экономического подъема существенно больше. А там, глядишь, придет время и для переговоров о сокращении ядерных вооружений.

С другой стороны, необходимо развивать асимметричные средства ведения войны против такого противника, как США, или коалиции во главе с США. И тут достаточно заглянуть в учебники военной истории (в частности в главу про войну во Вьетнаме) и адаптировать это весьма полезное знание к сегодняшним реалиям.

Но для всего этого нужна глубокая политическая (именно политическая) инвентаризация угроз безопасности страны, результаты которой станут консенсусом. Такой консенсус, естественно, не будет никого удовлетворять, но он будет отражать реальное восприятие угроз. Правда, с механизмом выработки этого консенсуса есть очевидные проблемы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О ПЛЕВКАХ В КОЛОДЕЦ ИСТОРИИ

Сегодня у России, в отличие от развитых стран Запада, возможности заменять стратегию набором тактических решений, пусть и вполне эффективных, практически исчерпаны. Но как раз со стратегией дела у нас обстоят не очень — мы погрузились в пучину относительно мелких вопросов, которые подменили стратегические проблемы.

Главный вопрос нашей внешней и оборонной политики заключается в необходимости стратегической переориентации своего развития с европейского на дальневосточное направление и, возможно, на Средний Восток. Это потребует очень больших финансовых и организационных ресурсов, сравнимых с теми, что были освоены при подготовке к Олимпийским играм в Сочи.

В заключение хочется сказать о другом. За последние годы наша внутривнутриполитическая ситуация перестала быть производной от ситуации международной (это отрадно), но связь между тем, что происходит внутри страны, и той ситуацией, которая формируется вокруг нее, безусловно, остается. И необходимо жестко пресекать потуги тех, кто стремится к интернационализации внутренней российской политической жизни в той степени, какая была характерна для 1990-х гг.

Однако во всем нужно знать меру и смотреть на два шага вперед. Конечно, подведение М. Б. Ходорковского под новый срок, *закон Димы Яковлева*, борьба с фальсификациями истории и с активностью сообщества ЛГБТ дают много внутривнутриполитических очков, но все это почти не имеет отношения к проблематике национальной безопасности и внешней политики нашей страны.

Здесь есть одно исключение: закон об иностранных агентах, с помощью которого совершенно правильно был обозначен вектор развития в сторону укрепления базовых основ государства. Однако власть не указала чиновникам, пытающимся с помощью него свести счеты со своими критиками, пределы их полномочий и могущества. Это говорит либо о слабости и неспособности самой власти противостоять чиновничеству и ограждать от него важные общественные институты, либо о непонимании того, как этот закон может быть обращен против нее. Указанная слабость власти делает ее более податливой для давления и по куда более значимым вопросам, нежели вопрос *прав человека*, надоевший всем, включая правозащитников.

Беда в том, что, ужав общественную дискуссию до масштабов *одобрямса* со стороны *Единой России* и Объединенного народного фронта, власть рискует остаться один на один со своим чиновничеством, жизненные устремления которого хорошо понятны по сообщениям в криминальной хронике. И я не убежден, что наша власть выйдет из этого противостояния победителем, как в XIX в. не вышел победителем из противостояния с собственным чиновничеством Николай I.

Но ведь мы помним, чем закончилось это поражение? Неужели забыли?

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «You will say inconstant Hebe, while feeding Zeus's eagle, laughing, emptied a cup seething with thunder from heaven on to the earth».

² Виталий Наумкин. Египетским «Братьям-мусульманам» в списке экстремистских организаций не место. *Российский совет по международным делам*. 2013, 23 апреля. http://russiangouncil.ru/inner/?id_4=1756#top (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

³ В частности в апреле 2011 г. около 500 человек, главным образом офицеры вооруженных сил и служб безопасности, а также некоторые видные интеллектуалы были арестованы по обвинению в принадлежности к *Эргенекону* — тайной светской ультранационалистической организации, ответственной за большинство террористических акций в последние 30 лет. *Эргенекон* в представлениях этих людей — мистическое место, находящееся в Алтайских горах, откуда якобы вышли предки всех тюрков и монголов.

⁴ Syrian Foreign Ministry spokesman Jihad Makdissi said on 23 July 2012. «Syria may use chemical weapons only in case of foreign aggression». См. *Chemical Weapons*. Globalsecurity.Org. — <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/syria/cw.htm>

⁵ Игорь Яковенко. Терроризм. *Нева*. 2005, № 12. <http://magazines.russ.ru/neva/2005/12/ia11.html> (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

⁶ «We cannot dictate the pace of change in places like the Arab world, but we must reject the excuse that we can do nothing to support it», — Remarks by President Obama at the Brandenburg Gate. Berlin, Germany. The White House. Office of the Press Secretary. 2013, June 19. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/19/remarks-president-obama-brandenburg-gate-berlin-germany> (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

⁷ Rohani says Iran is ready to show 'greater transparency' on nuclear program. *The Jerusalem Post*. 2013, May 17. — <http://www.jpost.com/Iranian-Threat/News/Rohani-says-Iran-is-ready-to-show-greater-transparency-on-nuclear-program-316823> (последнее посещение — 25 июля 2013 г.).

⁸ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, Статья II:

«1. Каждая из Сторон сокращает и ограничивает свои МБР и пусковые установки МБР, БРПЛ и пусковые установки БРПЛ, тяжелые бомбардировщики, боезаряды МБР, боезаряды БРПЛ и ядерные вооружения тяжелых бомбардировщиков таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу настоящего Договора и в дальнейшем суммарные количества, подсчитываемые в соответствии со Статьей III настоящего Договора, не превышали:

- a) 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков;
- b) 1550 единиц для боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками;
- c) 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, развернутых и неразвернутых пусковых установок БРПЛ, развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков.

2. Каждая из Сторон имеет право самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений».

⁹ Книга Екклесиаста, или Проповедника. Глава 9, стих 12.

¹⁰ Именно так охарактеризовал нынешнее состояние американской дипломатии известный российский обозреватель Федор Лукьянов и с ним стоит согласиться. См.: Федор Лукьянов. Сосредоточенная Америка. *Газета.Ру*. 2013, 20 июня. http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5387093.shtml?fb_action_ids=472077832874412&fb_action_types=og.recommends&fb_source=aggregation&fb_aggregation_id=288381481237582 (последнее посещение 25 июля 2013 г.).

¹¹ См. В РФ создается танк, превосходящий даже перспективные западные аналоги. *РИА Новости*. 2013, 27 июня. http://ria.ru/defense_safety/20130627/946239120.html#ixzz2XR5ldYlt (последнее посещение 25 июля 2013 г.).

НЕМАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧКА ПРО КИТАЙ

Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Китайская мозаика. М.: Восток–Запад, 2011.

Рецензия — Ирина Миронова

Китай — страна противоречий, где встречаются, сталкиваются, смешиваются, протыкают друг в друга противоположности. Мой первый день в Китае, где я провела часть отпуска этим летом, был дождливым и серым, второй день встретил солнцем и буйством красок. Первый вечер — прогулка между оград этого *Города стен*, как назвал его один из моих попутчиков, второй вечер — осознание бесконечного разнообразия и многоликости столицы страны.

Две недели буддийских и конфуцианских храмов, пагод, узких провинциальных улочек и широких столичных *авеню*, дождей, туманов, палящего солнца, острой и пресной еды, верхних и нижних полок в поездах и автобусах. Все эти дни меня сопровождали две книги: распечатки глав путеводителя *Lonely Planet*, предварительно зачитанные до дыр, и выданная мне в редакции *Китайская мозаика*, написанная ректором Дипломатической академии МИД РФ Евгением Петровичем Бажановым и его женой Натальей Евгеньевной. Была правда еще и третья книга — англо-китайский *разговорник*.

Я поначалу сомневалась, стоит ли брать *мозаику* с собой, раз уж был фотоаппарат и длинный список мест, куда надо ехать-идти-карабкаться. Однако в последний момент решила, что надо, завернула в газету, полиэтилен и футболку, чтобы не повредить обложку с дарственной надписью автора, и сложила в свой рюкзак. И то ли в силу языковых предпочтений, то ли из-за отсутствия в распечатанном виде некоторых глав по культуре, обычаям и языку из книжки-гида, получилось так, что именно *Китайская мозаика* стала моим настоящим путеводителем в эту интересную страну и помогла найти для себя ответы на многие вопросы, которые возникали *по пути*.

Итак, условия задачи были следующими: востоковед (или *недовостоковед*?) с начальным представлением о Китае и примерно сотней иероглифов в пассивном запасе отправляется в Китай и хочет разобраться в нескольких вещах. Условно представим их в виде трех вопросов-действий: Как читать Конфуция? Как думать иероглифами? Откуда происходит трепетное отношение китайцев к еде?

Для решения задачи есть две недели, составленный заранее маршрут, время для чтения в кафе, поездах и хостелах, блокнот для заметок и ограниченное пространство в рюкзаке (а также естественное ограничение по *весу* и объему литературы, которую можно взять с собой). Поехали?

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ: КАК ЧИТАТЬ КОНФУЦИЯ?

Главный вопрос заключался в том, кто такие китайцы и почему их так сложно понять? Особенности мировоззрения во многом определяются религией, и даже

если человек не является верующим, то окружающая его *религия* формирует приоритеты в его системе ценностей. Да и этические нормы — это не что иное, как годами сложившиеся представления о том, что есть хорошо и плохо, правильно и неправильно, важно и второстепенно, и религия при этом — зачастую неосознанный этический ориентир. Так вот поэтому, чтобы понять, почему люди в другой стране думают и поступают каким-то определенным образом, для нас непривычным, правильнее всего поискать ответ в религии, литературе и истории.

Авторы (а точнее, автор — повествование ведет все же сам Евгений Бажанов) начнут с обзора религий, которые распространены в Китае, причем они не ограничиваются тремя *китами* китайского мировоззрения — буддизма, конфуцианства и даосизма, — но рассматривают также влияние, оказываемое исламом и христианством. Ну а объяснение особенностям китайского характера вполне можно найти на страницах книги.

Почему китайцы — предприниматели? «Конфуций не был религиозен и не задумывался о смысле жизни и смерти, он учил тому, как строить взаимоотношения между людьми, не прибегая к Богу как к посреднику» — пишут авторы на с. 42. Наверное, они просто действуют вместо того, чтобы ждать.

Откуда берется противоречивость и многогранность китайского общества? «Каждый удачливый человек предпочитает конфуцианство, неудачник становится даосом». «Конфуцианец нарисует картину, изображающую счастливую семью, даос — одинокого рыбака или дровосека, отдыхающего в тени дерева», — дает ответ автор на с. 94, и этим также объясняет *прагматичность* китайцев, которые обращаются к тому богу, который поможет им в какой-то конкретной жизненной ситуации.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ: КАК ДУМАТЬ ИЕРОГЛИФАМИ?

Едем в автобусе, направляемся в Наньнин. Я пытаюсь запомнить несколько фраз на китайском — для выживания. Мой попутчик, который им владеет и тем самым здорово выручает, но с которым в Наньнине мы расстанемся, объясняет: спросить, есть что-то у них или нет, можно довольно просто, и потребуются всего два иероглифа: *you* и *mei*, ну и само слово, обозначающее то, что мы ищем. «У вас есть яблоки?» будет дословно звучать, как «Есть не есть яблоки?», «*you mei you pingguo?*».

Вот и второй большой блок в книге посвящен вопросам китайского языка и *иероглифическому мышлению*, без которого китайцев — не понять. Мое наблюдение — можно даже не пытаться наспех выучиться *говорить* какие-то слова, надо запомнить, как они пишутся, и если возникнет непонимание — написать нужные иероглифы на бумажке. Автор приводит китайскую поговорку: «В Преисподней — ад, на земле — гундунец, говорящий на *путунхуа*», и все становится понятно.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ: ОТКУДА ПРОИСХОДИТ ТРЕПЕТНОЕ ОТНОШЕНИЕ КИТАЙЦЕВ К ЕДЕ?

Третий раздел посвящен китайской кухне, такой же разнообразной, как и диалекты китайского языка. Откуда же происходит трепетное отношение китайцев к еде? «*Досыта наестся — укоренившаяся, традиционная забота обитателя Поднебесной*».

Все, что рассказывает автор в данном разделе, и в частности трудности с продовольствием и отдельными продуктами, о чем речь на с. 222–223, объясняет, почему сейчас, в начале XXI в. все в Китае так сильно изменилось. Идешь по любому городу и поражаешься количеству новых (в том числе принадлежащих западным сетям) кафе и ресторанов, а также тому, как и сколько едят китайцы. Да и на улице теперь часто можно встретить далеко не худеньких китайских детишек. Так что

ситуация с едой вполне объяснима: люди еще отлично помнят сложности с овощами и мясом, которые были в стране вплоть до начала 1990-х гг. Познавательным и интересным стал рассказ о сервировке стола, продуктах, региональных особенностях.

ДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕДНЕЕ: ОТВЕЧАЯ НА ВОПРОС

Наверное, смешно вот так *тестировать* книгу, и вряд ли кто-то использует этот метод в рецензировании. Однако раз он работает, делая и чтение, и путешествие интересней, — почему нет? Но закон жанра все же надо выдержать, поэтому в заключение отвлечусь от своих впечатлений от поездки и напишу впечатления собственно о книге.

Первое и, наверное, самое важное и позитивное впечатление: сочетание фактологического материала с живыми впечатлениями, особенно в первой части книги. Такая *смесь* действительно оптимальна для того, чтобы заинтересовать совершенно разных читателей. Для *начинающих востоковедов*, к которым себя причисляю, эта книга гораздо познавательнее, интереснее и — главное! — полезнее, чем толстые тома учебников по религии, истории и философии Востока (которые, несомненно, надо скрупулезно изучать). Просто эта книга на точечных примерах убеждает, что действительно есть в чем разбираться и что разбираться — интересно. Более того, книга убеждает, что ехать надо, получать опыт надо. Поэтому из пяти страниц *мозаики* получаешь больше, чем из целого тома традиционного учебника. При этом однозначным плюсом книги и прежде всего раздела «Страна веселых богов», посвященного религиям в Китае, стоит считать деление пласта исторического материала по тематическим блокам.

Второе наблюдение, которое меня заинтриговало: автор пишет, что «перспективы человечества печальны, если китайская культура не сменит западную в качестве путеводной звезды человечества» (с. 61). Вот на этом моменте становится немного страшно. Ведь одно дело понять китайцев, что поможет проще вести бизнес, да и в конце концов учиться у них привлекать инвестиции в инфраструктуру (которая, как я воочию убедилась, действительно удобна и не останавливается в развитии — взять хотя бы новый аэропорт в Куньмине, вокзалы в Наньине, том же Куньмине и Лицзяне). Совсем другое — принять китайскую философию, способ мышления и видение окружающего мира в качестве ориентира в той форме, в которой традиционно ориентиром являлась философия западная. Думаю, что утверждение это, наверное, слишком ультимативно и интуитивно не совсем приемлемо в обществе, где значительное место занимают концепции китайского экспансионизма и *китайской угрозы*.

Третье: в вопросе переплетения религиозных мировоззрений в Китае автор-повествователь (может, даже *лирический герой*), конечно, пытается быть отстраненным и объективным, но он явно *принимает* сторону конфуцианства. Это не плохо и не хорошо, но в контексте второго наблюдения получается, что за ориентир мы должны принять не китайскую философию в целом, а конфуцианство. Хотя, в общем, наверное, я с автором все же соглашусь — потому что быть одиноким рыбаком и наслаждаться видом, конечно, иногда полезно, но гораздо полезнее позитивный настрой и деятельность.

Четвертое. Просто пара цитат: «А я продолжал подогрывать экстаз публики», — делится впечатлениями автор на с. 99. «Поняв, что имеет дело с настоящей знаточкой, толпа начинает уточнять кое-какие детали из биографии Ли Тегуая», — продолжает он. «Синологи — самые лучшие работники, китайский язык вырабатывает у них такие ценные качества, как воля, упорство, усидчивость, выносливость, память, логика», — цитирует Бажанов слова М. С. Капицы. Комментировать не буду, просто скажу, что в такие моменты мне казалось, что я читаю не книгу, а личный дневник, и от этого читать было только интереснее, потому что на самом деле получается, что с каждой страницей видишь гораздо больше, чем просто формального

и отстраненного рассказчика. Ну и, конечно, про *восьмерку бессмертных* рассказано чрезвычайно интересно! Однако самая очаровательная часть из всех таких субъективных эпизодов — это когда автор рассказывает о приключениях жены, её *путунхуа* и приключениях на рынке (с. 175), ее кулинарном искусстве (с. 222), да и когда просто показывает большинство фотографий (кстати, своих, на цветных вкладках и с комментариями, помогающими *закрепить материал*) именно с женой.

И последнее. Читатель, наверное, задается вопросом, почему я смешала рецензию с собственными путевыми заметками. Просто мне показалось, что авторы прежде всего хотели рассказать, как это — путешествовать, иногда ошибаться и платить за проезд в автобусе трижды. Они хотели показать, что Китай — это страна с удивительными, интересными обычаями, что язык — это не всегда «заучить двести слов за неделю» и что еда и кухня — это выражение жизненной философии. Китай настолько меня воодушевил (не без помощи авторов *Китайской мозаики*), что эмоции взяли верх, и вместо строгой рецензии получились скорее очерки, мои заметки на полях с конспектами из этой книги.

Но и сама книга — это своего рода путевые заметки вперемешку с фотографиями и размышлениями, сопоставление академических знаний китаиста и профессионального дипломата с тем, что он испытывал в стране. Вывод однозначен: студентам-востоковедам читать срочно! 🐼

Eben Harrell, David E. Hoffman. Plutonium Mountain: Inside the 17-year Mission to Secure a Dangerous Legacy of Soviet Nuclear Testing. Belfer Center for Science and International Affairs, August 2013. 44 p.¹

Доклад *Плутониевая гора: взгляд изнутри на 17-летнюю операцию по устранению угрозы опасного наследия советских ядерных испытаний (Plutonium Mountain: Inside the 17-year Mission to Secure a Dangerous Legacy of Soviet Nuclear Testing)*, хотя и не является книгой, представляет увлекательное чтение для специалистов в области ядерного нераспространения. Авторами доклада являются сотрудник Белферского центра Эбен Харрелл и известный журналист, автор бестселлера *Мертвая рука* Дэвид Хоффман.

В этой работе общественности впервые открыта информация, которая долгое время умалчивалась, — о том, что заброшенный Семипалатинский полигон может представлять серьезную угрозу международной безопасности. Казалось, что все работы, которые там проводились, имели экологическую направленность и никак не соотносились с угрозой ядерного терроризма и физической ядерной безопасностью. Оказалось, такое представление о характере работ по устранению советского ядерного наследия на семипалатинском полигоне было ошибочно.

Те, кто проводили эти работы, были крайне заинтересованы именно в таком *зablуждении* широкой общественности, включая экспертов по ядерной безопасности. Именно поэтому представители США, России и Казахстана, работавшие в Семипалатинске в 1990–2000-х гг., в своих отчетах говорили только о радиоактивных неядерных материалах, от которых они очищали территорию полигона. Истинный масштаб проблемы полигона стал известен только после завершения работ: угроза того, что оставшийся на Семипалатинском полигоне плутоний может попасть *не в те руки*, была реальной.

В докладе констатируется, что после распада Советского Союза и ухода из Семипалатинска российских ученых на территории полигона безо всякой охраны осталось около 200 кг плутония, из которого можно было бы сделать более десятка ядерных бомб. Используя обычные спектрометры, специалисты, нанятые террористами или пороговыми государствами, могли бы в считанные дни собрать на территории полигона до 5 кг плутония. Более того, на полигоне оставалось

Е
З
Б
К
И
И
Ж
З
И
В
И
О
К
И

оборудование, которое использовалось для создания ядерного оружия и которое могло бы предоставить очень ценную информацию об этом процессе.

К счастью, ни те, ни другие не подозревали о том, что на Семипалатинском полигоне осталось такое *добро* и что при желании к нему можно было беспрепятственно получить доступ вплоть до 2009 г., когда эта территория была объявлена зоной отчуждения.

Однако даже МАГАТЭ долгое время не было об этой проблеме проинформировано в целях недопущения утечки информации и максимального ограничения круга лиц, знавших о *плутониевой горе* — так окрестили гору Дегелен. Именно под Дегеленом было больше всего туннелей для проведения подземных ядерных испытаний, где были обнаружены особенно большие концентрации плутония.

На проведение работ выделялось финансирование в рамках *программы Нанна–Лугара* под предлогом устранения радиоактивных неядерных материалов и реабилитации загрязненных территорий. Они фактически были завершены лишь в октябре 2012 г., и небольшая группа ученых отпраздновала этот факт в казахской степи возле установленного там мемориала с надписью на английском, русском и казахском языках: «1996–2012: мир стал безопаснее».

Доклад Э. Харелла и Д. Хоффмана ярко демонстрирует пример того, насколько важной в наше время становится так называемая *дипломатия среднего уровня*. Высшие правительственные чины долгое время не представляли масштабы угрозы, но даже после получения соответствующих сведений пытались самоустраниться от решения. Внимание правительств США, России и Казахстана на проблему *плутониевой горы* под Семипалатинском было обращено в середине 1990-х гг. во многом благодаря усилиям бывшего директора национальной лаборатории в Лос-Аламосе Зигфрида Хеккера. Однако даже после этого работы по очищению полигона проводились не в рамках межгосударственных официальных соглашений, а скорее путем неформальных контактов между американскими, российскими и казахскими учеными и чиновниками среднего ранга.

Таким образом, доклад Э. Харелла и Д. Хоффмана представляет не только увлекательную историю о том, как в условиях строжайшей секретности ученые кропотливо решали острую проблему ядерного нераспространения, он может способствовать включению в повестку дня ядерных саммитов вопроса о ликвидации наследия ядерных полигонов.

Александр Чебан

Тренин Д. Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 247 с.

Проблемы регулирования миропорядка всегда занимали умы теоретиков и практиков международной политики: нахождение устойчивого баланса сил, разграничение сфер влияния, создание военных союзов, установление мирных отношений посредством пактов и договоров, силовое давление и нормативная регламентация международной практики и, наконец, создание в целях поддержания стабильного миропорядка международных организаций — сначала Лиги Наций, затем ООН. Поиск путей выхода из бесконечного цикла геополитического соперничества, конфликтов и войн, составляющего саму суть мировой истории, продолжается по сей день.

На этом фоне еще в середине XX в. был зафиксирован интересный феномен международных политических образований, в рамках которых война перестала быть мыслимой. Причем речь шла о государствах, бывших в прошлом традиционными противниками (США и Великобритания, Великобритания и Франция, Франция и Германия; постепенно список пополнялся). Концепция *сообществ безопасности*, сформулированная для описания этого феномена Карлом Дойчем и развитая в ряде работ американских и европейских авторов, легла в основу недавно вышедшей в свет монографии директора Московского центра Карнеги Дмитрия Тренина *Мир безусловный: Евро-Атлантика XXI века как сообщество безопасности*.

Главным ее лейтмотивом стало утверждение о необходимости расширения *зоны стабильного мира*, образованной государствами Атлантического (НАТО) и Европейского (ЕС) сообществ безопасности, до включения в нее России, Украины, Белоруссии, Казахстана, а также кавказских государств. Итогом такого расширения должно стать формирование *Евро-Атлантического сообщества безопасности* (далее *ЕАСБ*), то есть зоны стабильного мира в Евро-Атлантическом регионе или *Евро-Атлантике*. Важно, что именно указанные государства, по мысли автора, должны стать завершающим звеном в построении пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока.

Монография состоит из пяти глав. Первые две главы посвящены анализу преимущественно теоретико-концептуальных аспектов: автор развернуто излагает идею сообществ безопасности, обосновывает ее теоретически и вписывает в актуальный политический контекст.

В третьей главе в формате *case studies* анализируются исторические примеры сообществ безопасности, такие как Европейский концерт держав и Священный союз, система союзов Британии, российско-германское примирение, отношения России и Китая и ряд других.

В четвертой главе излагается общая концепция Евро-Атлантического сообщества безопасности.

Пятая глава несет основную практическую нагрузку — в ней автор обрисовывает *дорожную карту* строительства *ЕАСБ*. К пятой главе примыкает заключение, продолжающее прикладную линию: в нем даются рекомендации по практической реализации концепции *ЕАСБ* во внешней политике России.

В теоретической части, анализируя имеющиеся варианты достижения мира (баланс сил, право, демократия, торговля), Тренин приходит к заключению, что ни один из них, взятый по отдельности, не является вполне адекватным. Одной из ключевых выкладок становится вывод: «Наиболее твердые гарантии прочного мира дают не юридически обязывающие договоры между государствами, а принимаемые *для себя* правила поведения».

В дальнейшем на страницах книги автор неоднократно повторит, что предлагаемая им концепция *ЕАСБ* не предполагает в качестве формальной основы принятия какого-либо юридически или даже политически обязывающего документа: у проекта *безусловного мира* нет перспектив, если он будет основан на договоре.

Более того, через всю книгу автор проводит мысль о необходимости ограничиться полностью *неинституциональным* характером построения *ЕАСБ*, что предполагает становление региональной подсистемы международных отношений, а не создание военного союза или международной организации.

Однако в рамках такого подхода остаются вопросы. Даже если возможность расширения сообщества безопасности без формальной привязки к НАТО суще-

Е ≈
Б <
П П
Ж ≈
Н В
П О
К П

ствует, возможно ли присоединение к этому сообществу без подчинения в той или иной степени Соединенным Штатам и без принятия их стратегических воззрений?

Описанные в книге современные сообщества безопасности — Европейское (ЕС), Атлантическое (НАТО) и Тихоокеанское (созданное американцами как система союзов) — сформировались в зонах геополитического преобладания Соединенных Штатов. Разумеется, есть указание на АСЕАН как пример сообщества безопасности, созданного за пределами глобальной системы американских союзов, но все же причисление государств АСЕАН к числу стабильных сообществ безопасности представляется весьма спорным.

И хотя члены Атлантического и Тихоокеанского сообществ безопасности во многом подчинили свои национальные интересы глобальным интересам Америки и военно-политический протекторат со стороны США конечно же имеет место быть, автор подчеркивает, что главный импульс к демилитаризации исходил от самих стран: Вашингтон не направляет и тем более не диктует сближение бывших противников в рамках сообществ безопасности.

Но все же подобное сближение, очевидно, происходит в процессе обретения гарантий безопасности со стороны могущественного протектора в лице США, как следствие, общим для всех стран в рамках этих *зон стабильного мира* является молчаливое согласие на американскую гегемонию. Не значит ли это, что существующий в границах этих сообществ мир не может считаться абсолютно *безусловным*, ведь согласие на гегемонию США все же является условием принятия в *семью*?

Итак, если в случае с *ЕАСБ* речь не должна идти ни о договоре, ни о формальном союзничестве, что же предлагается вместо этого? *Дорожная карта* строительства *ЕАСБ* фиксирует два элемента как основные: *во-первых*, трансформацию российско-американских стратегических отношений в направлении демилитаризации и, *во-вторых*, параллельную трансформацию всего комплекса отношений России со странами Центральной и Восточной Европы, историческое примирение с ними.

Однако вытеснить военно-силовые компоненты за скобки двусторонних отношений России и США — разве это реально? Предлагаемая в монографии программа действий действительно весьма амбициозна и, по признанию самого автора, требует терпения и мужества. Но что более важно, она требует серьезных структурных преобразований в стране, становления современных институтов и современного внешнеполитического сообщества, готового к смене парадигмы внешней политики.

По Тренину, главной задачей внешней политики в нынешних условиях является обеспечение благоприятных условий для модернизации страны, то есть максимально широкого доступа к внешнему модернизационному ресурсу — инвестициям, технологиям, *ноу-хау*, лучшим практикам, рынкам и т. д. Для того чтобы получить доступ к этим ресурсам, сосредоточенным в развитой части мира, как раз важно построить стабильное сообщество безопасности с *политическим Западом*. Это значит, что прежде всего необходимо выйти из *остаточного* противостояния с США.

И такая нормализация видится Д. Тренину не на путях все более жесткого и всеобъемлющего контроля над вооружениями, делающего упор на паритете и лишь способствующего консервации унаследованной со времен холодной войны практики ядерного сдерживания как *регулятора враждебности*, а через длительное тесное сотрудничество на стратегическом уровне.

Потенциальным *головным* проектом, или *локомотивом*, автор видит сотрудничество в области ЕвроПРО. А если проект кооперации в этой области окажется нереализуемым? Тогда нужно будет искать другие проекты стратегического уровня. Правда, столь краткий и предельно общий ответ автора, к сожалению, делает его малосодержательным.

Все же читатель найдет в книге и иные сюжеты построения *ЕАСБ*: через экономическое сближение России и Запада, стимулирование культурного единства внутри *ЕАСБ* и создание нового *евроатлантического нарратива* на базе общих ценностей. Более того, автор формулирует концепцию *ЕАСБ* в единстве с региональными и функциональными направлениями внешней политики России.

В заключение, несмотря на все спорные моменты, книга чрезвычайно интересна с точки зрения осознания и критического переосмысления важных ориентиров внутреннего развития и внешнеполитического поведения нашей страны. Она, несомненно, представляет интерес как для практиков в сфере внешней политики и дипломатии, общественных деятелей, так и для представителей экспертного и академического сообщества. 🐘

Юлия Фетисова

Анненков В. И., Баранов С. Н., Хархалуп С. С. Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу / Под общ. ред. проф. В. И. Анненкова: Учебник. М.: РУСАВИА, 2013. 456 с.

Наряду с ядерными вооружениями, безопасностью использования атомных электростанций и многими другими проблемами глобальной безопасности не теряют своего значения вопросы терроризма. И хотя *популярность* темы *мегатерроризма* в последние годы заметно снизилась, сбрасывать ее со счетов не стоит, учитывая сохраняющуюся уязвимость современных мегаполисов перед лицом даже *обычных* терактов. В этой связи интерес представляет исследовательская работа группы российских специалистов под руководством профессора В. И. Анненкова *Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу*.

Эта коллективная монография представляет учебник для специалистов в области международных отношений, научных работников, аспирантов, а также студентов высших учебных заведений, исследующих вопросы национальной и международной безопасности.

Выигрышным представляется подход авторов к структурированию материала — он позволяет работать с изданием не только в целом, но и использовать лишь отдельные его разделы без опасения упустить важные детали общего контекста проблематики.

Большое внимание в книге уделено правовой и организационной составляющей борьбы с терроризмом, особенно в ключевых ядерных странах — России и США. В книге исследуется опыт борьбы с терроризмом и обеспечения ядерной безопасности в рамках международных организаций, таких как НАТО, ООН, МАГАТЭ.

К отдельному достоинству работы относятся приложения, куда вошли нормативные акты, договоры и конвенции, а также статьи и информационные заметки, что превращает учебник в полноценную хрестоматию по проблеме. Среди этих материалов можно выделить описание психологического портрета террориста,

Е ≈
Ы <
Н Н
Ж ≈
И В
Н О
К Н

исламского аспекта ядерного терроризма, тенденции развития терроризма в XXI в. и многое другое.

Среди недостатков книги можно назвать избыточное количество классификаций, типологий и терминологических определений. Например, в разделе, посвященном терроризму как таковому, приведена масса определений терроризма, несколько его классификаций, выделенных по различным основаниям, что в итоге оставляет неоднозначное впечатление. Таким образом, желание дать максимально полное теоретическое основание, оправданное для учебного пособия, затрудняет понимание собственно авторской исследовательской парадигмы в рамках данной проблематики.

К недостаткам также можно отнести отсутствие предметного указателя.

В целом, работа *Ядерный терроризм: современные угрозы международному сообществу* предоставляет читателю широкий круг возможностей для изучения поднимаемых проблем. Хочется обратить отдельное внимание на удачное сочетание научности текста и языковой легкости, от которых не хочется зевать уже на десятой странице. 🐼

Валерия Молчанкина

Wang Jun. Cyber Nationalism and China's Foreign Policy. Beijing: Press House China's Social Sciences, 2011.

С точки зрения одного из известных китайских теоретиков международных отношений Ван Ичжоу, китайские исследователи внешней политики КНР долгое время заостряли внимание на двух направлениях этой проблематики:

- 1) на главенствующей внешнеполитической концепции Китая;
- 2) на отношениях между великими державами, их внешнеполитических стратегиях и тех событиях, которые оказывали глубокое влияние на мирополитическое устройство в целом².

Проведение политики реформ и открытости привело к существенным изменениям модели взаимодействия Китая с внешним миром. С одной стороны, в современных условиях китайская дипломатия лицом к лицу стоит перед новыми целями и задачами, возможностями и вызовами. С другой стороны, факторов, которые могут повлиять на китайскую внешнюю политику, также становится все больше и больше.

На новой стадии развития страны внешнеполитический курс Китая постепенно приобретает все более конкретный и прагматичный характер. Соединение теории и практики и многоуровневого анализа политических ситуаций является новым требованием к исследованиям внешней политики Китая. В то же время общее количество пользователей интернета в Китае в 2012 г. достигло 564 млн человек, что говорит о растущем внутри- и внешнеполитическом значении сети для КНР.

На фоне этих изменений научный сотрудник в Институте националистической теории и политики Китая при Центральном университете *Мин Цзу* в Пекине еще в 2011 г. опубликовал монографию *Кибернационализм и китайская дипломатия*. Данный труд стал новой — и новаторской для Китая — попыткой сформулировать проблему *кибернационализма* и его влияния на внешнюю политику страны.

Монография состоит из трех частей. Первая часть посвящена определению понятий и категорий интернета, *киберобщества*, киберпространства и *кибернационализма*. Во второй части в основном рассматривается роль *кибернационализма* в политической и общественной жизни КНР. Этот раздел представляет ключевую составляющую монографии. В третьей части автор исследует вопросы взаимосвязи *кибернационализма* и государственного управления сетью в Китае, и их соотношение с внешней политикой страны в целом.

Сегодня в КНР существует четыре основных подхода к определению *кибернационализма*:

- ❑ это разновидность радикального национализма, являющаяся негативным фактором в общественной динамике;
- ❑ это один из вариантов современного патриотического движения;
- ❑ это новое социальное явление, в рамках которого виртуальное пространство дает людям площадку для выражения существующих националистических настроений;
- ❑ это синергетическое соединение средств интернета с национализмом — национализм в информационную эпоху.

В связи с этим Ван Цзюй разработал собственную концепцию *кибернационализма*, согласно которой последний представляет прямые или косвенные действия интернет-пользователей в киберпространстве, нацеленные на отражение субъектами своего националистического настроения, распространение националистической мысли, противоборство информационным потокам и ресурсам зарубежных стран и т. д.

По мнению автора, развитию *кибернационализма* в Китае присущи следующие специфические черты:

- ❑ *во-первых*, политика *кибернационализма* выступает одним из методов управления в руках госструктур;
- ❑ *во-вторых*, *кибернационализм* выступает результатом противоречия между радикальным изменением места Китая на мировой арене и неопределенной национальной идентичностью его граждан;
- ❑ *в-третьих*, активные проявления *кибернационализма* отражают растущую заинтересованность граждан во внутренних вопросах;
- ❑ *в-четвертых*, речь идет об эффекте возрождения китайской культуры и национальной идентичности в условиях глобализации³.

Рассматривая взаимосвязи между *кибернационализмом* и внешней политикой Китая, автор отмечает, что в современных условиях *кибернационализм* оказывает довольно глубокое влияние на формирование массовой общественной аудитории Китая, способствует развитию нового гражданского общества, но также стимулирует массовое националистическое движение в стране. Сложившаяся ситуация обозначает, что в социально-политической атмосфере КНР в настоящее время происходит существенное изменение, которое ставит перед дипломатией Поднебесной новые задачи и возможности и требует от внешней политики страны новых концептуальных и практических подходов.

К традиционным факторам, оказывающим влияние на внешнюю политику Китая, относятся международная обстановка, идеологическое измерение общественной мысли, законодательные условия и общественное мнение⁴. В современных условиях эти факторы дополняются киберпространством, которое постепенно становится неотъемлемым направлением внешней политики КНР. Поэто-

Е
З
Б
К
Н
Ж
И
В
О
И

му китайский МИД, к примеру, уделяет всевозрастающее внимание вопросам *кибердипломатии*, его высокопоставленные сотрудники часто общаются в сети на тему международной жизни страны с рядовыми пользователями, а в структуре министерства был создан отдел по информатике.

Правда, несмотря на новейшие концептуальные подходы и материалы, которые логично и четко отражены в монографии, автору все же не удалось дать исчерпывающее описание взаимосвязи между *кибернационализмом* и внешней политикой КНР. Но в целом можно без сомнения утверждать, что рассматриваемая монография, не будучи классическим трудом, представляет смелую попытку исследования внешней политики Поднебесной в ее современных проявлениях. 🐼

Ван Чэньсин

Примечания

¹ Текст доклада доступен на сайте Belfer Center for Science and International Affairs по адресу: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/Plutonium%20Mountain-Web.pdf> (последнее посещение — 4 сентября 2013 г.).

² Wang Jun. *Cyber Nationalism and China's Foreign Policy*, Beijing, Press House China's Social Sciences, 2011, P. 1.

³ Wang Jun. On Internet Nationalism of Contemporary China. *World Economics and Politics*. 2006 № 2.

⁴ Qi Jianhua. *Ying Xiang Zhongguo Waijiao Juece De Wuda Yinsu*. Beijing, Central Compilation & Translation Press, 2010.

F R O M T H E E D I T O R

7 **A Damascus Blade** — *Vladimir Orlov*

In his Editorial *Security Index* Editor-in-Chief Vladimir Orlov analyzes the most recent developments regarding Syria, its chemical weapons arsenal, and future of Russian initiatives. He believes that influential regional players, particularly Saudi Arabia, have made dangerous choices which would be shaking the Middle East more and more. If Israel joins its efforts with the Gulf monarchies aimed at ousting Bashar al-Assad at any cost, Russia would be challenged with more pressures to its peace plan, and its much closer coordination with China and Iran, than it is today, would be imperative.

Key words: *civil war in Syria, international relations in the Middle East, Russian foreign policy.*

I N T E R V I E W

11 **Arab Spring Turns Islamic World Into Battlefield Between Iran, Turkey** — *Mikhail Margelov*

The military coup in Egypt; the protracted civil war in Syria, which has broken all possible rules and required direct intervention by the leading world powers; and other pressing political crises have created a tangle of problems and contradictions all over the Muslim world, from the Persian Gulf to Eastern Mediterranean, and from the Maghreb to the Sahel. This directly impinges on Russia's interests. Mikhail Margelov, chairman of the foreign affairs select committee at the upper chamber of the Russian parliament and special presidential representative for cooperation with the African countries, analyses the causes and the essence of the transformations taking place.

Key words: *the Arab Spring, civil war in Syria, political problems and conflicts in African countries, Russian foreign policy in the Middle East and Africa.*

17 **Russia Can Become a Balancing Force in World Affairs** — *Aleksey Pushkov*

Effectiveness of the Russian foreign policy is the subject of heated debates within the political and expert community. One of the criterions of that effectiveness is the country's ability to formulate its interests, and to pursue them in a consistent way. Over time, that consistency can also make up for the continued deficit of foreign-policy resources. Aleksey Pushkov, chairman of the Russian Duma foreign affairs select committee, shares his views with the *Security Index* editor-in-chief Vladimir Orlov in an exclusive interview. He also comments on the Syrian crisis.

Key words: *Russian foreign policy, Russian-U.S. relations, civil war in Syria, soft power, CSTO, post-Soviet countries.*

25 **NGOs Play a Pivotal Role in the NPT Regime** — *Cornel Feruta*

What new developments did the 2013 PrepCom bring to the NPT review process? What new issues to discuss appeared on agenda in 2013? Was the work on the Middle East WMD-Free Zone at the PrepCom constructive? Does the Oslo process impact the NPT review process? How

can the participation of NGOs in the review process be evaluated? These questions are addressed by Amb. Cornel Feruta, the Chair of the 2013 NPT Preparatory Committee.

Key words: *nuclear nonproliferation, nuclear disarmament, NPT.*

A N A L Y S I S

31 **Conventional Arms Control in Europe: Old Problems, New Solutions** — *Oleg Shakirov*

The issue of conventional arms control in Europe (CACE) remains a subject of debate. How should the borders of «Europe» be defined? What are the weapons categories that should fall under CACE arrangements? What should be the procedure for revising or amending the list of controlled weapons to make sure that the CACE regime is effective and up to date? The article offers an analysis of the complexities facing any future CACE regime. It also looks at the proposals being made by various international players, with a special emphasis on the political aspects, including Russian policy in this field.

Key words: *conventional arms control in Europe, precision-guided weapon, Russia–NATO relations, European security.*

43 **Militarization of the Middle East: Dynamics and Risks** — *Natalia Kalinina*

The crisis in Syria and the long-standing general tensions in the Middle East, compounded by the Arab Spring, draw attention to the region's conventional weapons market, which has been growing rapidly in recent years. The link between the region's militarization and the ongoing fundamental political shifts can cause unpredictable consequences for the entire planet. Natalia Kalinina, senior fellow and head of the New Threats Group at the Institute of World Economy and International Relations in Moscow, offers an analytical review of the Middle Eastern conventional arms market.

Key words: *conventional arms trade, military and technical cooperation, international relations in the Middle East, regional security.*

63 **Kazakhstan: Looming Instability** — *Yury Fedorov*

Kazakhstan's strategic importance goes beyond the borders of Central Asia. Meanwhile, analysts are increasingly predicting the possibility of an explosive escalation of tensions between political power groups in Kazakhstan. The authorities may lose control of the situation as the succession crisis draws near. The article analyses the current mechanisms of power in Kazakhstan and unstable factors, and the outcome of the early presidential election held in 2011. The key question is, whether and how instability and chaos can be avoided?

Key words: *Kazakhstan, political risks of authoritarian regimes, political clans in Kazakhstan.*

D O S S I E R

79 **Prospects for International Cooperation in WMD Nonproliferation and Nuclear Security** — *Dauren Aben, Artem Blashchanitsa, Evgeny Buzhinsky, Dmitry Kovchegin, Vladimir Orlov, Alexander Cheban*

PIR Center presents the key findings and conclusions of a report prepared in September 2013 by the Working Group for International Cooperation on WMD Nonproliferation and Nuclear Security under the PIR Center Advisory Board. The report formulates several proposals for how Russia, the United States and other members of the Global Partnership within G8 could jointly use the experience of the Nunn-Lugar Program on an international scale. The agenda includes the destruction of chemical and biological weapons stockpiles in third countries (especially in the Middle East); closer cooperation in science and technology; and rolling out international education and training programs aimed at fostering a nonproliferation culture.

Key words: *nuclear nonproliferation, nuclear security, Russian-U.S. relations, G8 Global Partnership, WMD.*

R O U N D T A B L E

89 **WMD-Free Zone in the Middle East: Obstacles and Opportunities** — *Sameh Aboul-Enein, Wael Al-Assad, Rose Gottemoeller, Jeremy Issacharoff, Thomas Countryman, Jaakko Laajava, Vladimir Orlov, Benjamin Hautecouverture, William Potter, Sergey Ryabkov, Ali Asghar Soltanieh, Nikolai Spassky, Kassym-Jomart Tokayev, Mikhail Ulyanov, Ayman Khalil, Mohammed Shaker*

The establishment of a WMD-free zone in the Middle East is a key international problem that will largely determine the outcome of the NPT Review Conference in 2015. The second attempt

to convene a conference on the Middle Eastern WMD-free zone may be undertaken in December 2013. In addition to the traditional differences, the situation is currently being compounded by the events in Egypt and Syria. The conference can become the first real step towards implementing the decision of the 1995 NPT Review Conference, and strengthen the NPT and the entire nuclear nonproliferation regime. Otherwise, all the achievements of the past 18 years in this area may be called into question.

Key words: *Middle East WMD-free zone, nuclear nonproliferation, disarmament, NPT, political problems of the Middle East, regional security.*

P O L E M I C S

- 105 **Blue Helmets: the Causes of Impotence** — *Yevgeny Satanovsky, Aleksandr Shumilin*
Amid the civil war in Syria and the general potential for conflict in the Middle East, questions are being asked as to the effectiveness of international peacekeeping in this day and age. There is also the need to assess the role of the UN in conflict settlement in the region, the political obstacles facing the peacekeeping efforts, and possible alternative ways of organizing peacekeeping activities. Yevgeny Satanovsky, President of the Institute for Middle East Studies in Moscow, debates these issues with Aleksandr Shumilin, head of the Center for Analysis of Middle Eastern Conflict at the Institute for U.S. and Canadian Studies.
- Key words:** *political processes in the Middle East, international peacekeeping efforts, civil war in Syria, UN.*

C O M M E N T A R Y

- 119 **The U.S. Cyber Command: Lessons for Russia** — *Oleg Demidov*
On the one hand, the establishment of the U.S. Cyber Command, a special body in charge of security in cyberspace, is a consequence of the great dependence of U.S. infrastructure on electronic communications. On the other, it is the result of a major inter-agency compromise. Russia is now moving towards establishing a similar body, following the path the United States took in 2007–2009. Russian critical infrastructure is much less dependent on cyber technologies. Nevertheless, U.S. experience in this area is very relevant for Russia, argues Oleg Demidov, head of the PIR Center program for international information security and global Internet governance.
- Key words:** *cybersecurity, information wars, political significance of computer networks.*

R E V I E W O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

- 126 **iSi International Security Index in June–September 2013: Political Eid al-Adha** — *Evgeny Buzhinsky, Sergio Duarte, Pal Dunay, Konstantin von Eggert, Mustafa Fetouri, Galia Ibragimova, Dayan Jayatilleka, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Abdulaziz Sager, Yevgeny Satanovsky, Farkhod Tolipov, Nandan Unnikrishnan, Mustafa Fetouri, Konstantin von Eggert*

The international security situation took a sharp turn for the worse in the summer of 2013 due to the increasingly deadly civil war in Syria and the threat of U.S. intervention in the conflict. The military coup in Egypt has also contributed to growing instability in the region. The security situation has remained unchanged or even showed some improvement in other parts of the world (North Korea, Mali, Afghanistan) — but that was not enough to outweigh the deterioration elsewhere.

Key words: *civil war in Syria, political processes in the Middle East, the situation in Africa, Russian-U.S. relations.*

- 133 **The Triumph of Bureaucracy in World Politics** — *Yuri Fedorov*
The U.S. policy of not expending too much of America's resources on the global arena has clearly reached a dead end, and Russian-U.S. relations have plunged to their lowest point for many decades. There is a clear paralysis of the political will in the West; the consequences of that paralysis defy any prediction.
- Key words:** *political set-up of the European countries and the United States, political processes in the Middle East, the situation in Africa, Russian foreign policy, U.S. foreign policy, Russian-U.S. relations.*

- 145 **The Illusion of Ad Hoc Policies** — *Dmitry Evstafiev*
A shared perception of security threats has long been the basis of the political unity of the West — but now that shared perception and unity are in question. The situation is

compounded by the crisis of the existing international political institutions. In this context, the social and political processes in the West itself, as well as the flashpoints of tensions in international politics, are next to impossible to predict or properly understand. Facing a shortage of foreign-policy resources, the United States is now focusing mainly on Africa, and is getting involved in the Syrian situation very reluctantly. Russia, meanwhile, has come to resemble the Russian Empire under Tsar Nicholas I, with all the domestic and foreign-policy threats that resemblance implies.

Key words: *political set-up of the European countries and the United States, U.S. foreign policy, Russian-U.S. relations, nuclear nonproliferation, international organizations.*

L I B R A R Y

159 **Chinese Puzzle on the way to the Forbidden City** — *Irina Mironova*

«China is a country with wonderful and fascinating customs. Its language is not just about *leaning 200 words every week*. Its cuisine is an expression of an entire philosophy. The book itself is a mix of a traveler's observations, photos and deliberations; a comparison of a sinologist's and professional diplomat's theoretical knowledge about China, and his actual experiences in the country.» Irina Mironova, a PhD student at the Institute of Energy Studies in Moscow, reviews: *Bazhanov E.P., Bazhanov N.E. The Chinese Mosaic. Moscow: Vostok-Zapad, 2011.*

Key words: *China, Chinese political philosophy, diplomacy.*

B O O K R E V I E W S

163 PIR Center staff members, interns and education program graduates *Wang Chenxing, Valeria Molchankina, Julia Fetisova, and Aleksandr Cheban* offer reviews of new additions to the PIR Center library.

171 S U M M A R Y

175 A B O U T T H E A U T H O R S

182 P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D &

A D V I S O R Y B O A R D ' S W O R K I N G G R O U P S

187 S U S T A I N A B L E P A R T N E R S H I P W I T H R U S S I A G R O U P

188 I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

F I N A L Q U O T E S

Cov.III **On the power of modern philosophy**

Абен Даурен — старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Магистр международных отношений Университета «Кайнар» (Алматы, Казахстан), магистр по исследованиям международной политики, имеет сертификаты в области исследований проблем нераспространения, урегулирования конфликтов и торговой дипломатии Монтерейского института международных исследований (Калифорния, США). Работал консультантом пилотного проекта Всемирного банка по здравоохранению и санитарии в регионе Аральского моря, а также руководителем проектов в Институте Гиллера (АО *Караван*), исследовательской группе *Центральноазиатский проект* и Казахстанском центре продвижения инвестиций *Казинвест*. Затем был исполнительным директором алма-атинского отделения Центра исследований проблем нераспространения им. Джеймса Мартина (ЦИПН) Монтерейского института, являлся соредактором его ежемесячного информационного бюллетеня *Международное обозрение экспортного контроля (International Export Control Observer)*. В настоящее время является региональным представителем Программы нераспространения ЦИПН в Евразии. Член международной группы экспертов *Инициативы по сокращению ядерной угрозы*, участвующей в составлении *Индекса безопасности ядерных материалов*. Научные интересы: проблемы нераспространения и экспортного контроля, региональная безопасность в Центральной Азии. Представитель журнала *Индекс безопасности* в Алма-Ате.

Абул-Энейн Сами — заместитель помощника министра иностранных дел Египта. В прошлом занимал пост главы политического отдела и советника по разоружению при Постоянном представительстве Арабской Республики Египет при ООН и Конференции по разоружению в Женеве. Был директором Департамента по делам ООН в Министерстве иностранных дел Египта. Ранее входил в состав аппарата двух министров иностранных дел Египта. В начале 1990-х гг. работал ассистентом преподавателя факультета политических наук Американского университета в Каире. Имеет степень магистра политических наук, присужденную Школой исследований стран Азии и Африки Лондонского университета, а также степень кандидата наук по международным отношениям со специализацией по Ближнему Востоку, присужденную Американским институтом Лондона и Лондонским университетом.

Аль-Ассад Ваэль — директор департамента по разоружению и многосторонним отношениям Лиги арабских государств. Посол Ваэль аль-Асад в настоящее время является представителем Генерального секретаря по вопросам разоружения и региональной безопасности и директором по разоружению и многосторонним отношениям в Лиге арабских государств. Аль-Асад несет ответственность за координацию арабских позиций по контролю над вооружениями и разоружению на различных международных форумах и продвигает политику Совета Лиги арабских

государств на уровне министров и на высшем уровне. С 1996 г. он является сопредседателем Арабской правительственной комиссии по разработке проекта Договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия и других ОМУ, на Ближнем Востоке. Посол Аль-Асад более 38 лет работал в различных специализированных учреждениях в системе Лиги арабских государств.

Баклицкий Андрей Александрович — научный сотрудник, директор информационных проектов ПИР-Центра, аспирант Института востоковедения РАН. Выпускник факультета международных отношений Уральского федерального университета. Специалист в области регионоведения. Переводчик-синхронист. В 2008–2009 гг. проходил обучение в Университете Севильи (Испания). Участник всероссийских и международных конференций по вопросам международной безопасности и ядерного нераспространения. Стажер ПИР-Центра с мая по июль 2011 г. Выпускник Летней школы по проблемам глобальной безопасности (2011). Редактор Белой Книги ПИР-Центра *Десять шагов к зоне, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке*. Адрес электронной почты: baklitsky@pircenter.org

Блащаница Артем Викторович, аспирант Тюменского государственного университета. Выпускник Тюменского государственного университета, специалист в области международных отношений. С 2009 года является преподавателем и аспирантом кафедры Новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. Тема диссертационного исследования: *Проблема еврейских поселений на палестинских территориях в израильско-американских отношениях (1967–1993 гг.)*. Читаемые курсы: «История международных отношений и внешней политики России», «Современные конфликты и их урегулирование», «Международная интеграция и международные организации», «НАТО». В октябре-декабре 2009 г. проходил исследовательскую стажировку в Стокгольмском институте по изучению проблем мира (СИПРИ). Участвовал в X Международной Летней Школе по глобальной безопасности ПИР-Центра в 2010 г., Зимнем методологическом институте по международным отношениям-2011 («школа Богатурова»), летних школах по ядерному нераспространению, организованных СИПРИ и Шведским управлением по радиационной безопасности в Томске в 2008–2010 гг., VII семинаре Тель-авивского университета по Ближнему Востоку в 2012 г. Сфера научных интересов: процесс ближневосточного урегулирования, проблема израильских поселений на палестинских территориях, сокращение тактического ядерного оружия. В марте-мае 2013 г. — стажер ПИР-Центра. Адрес электронной почты: bartem_int@mail.ru

Бужинский Евгений Петрович — старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса, канд. воен. наук в Вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. С 2009 г. член Совета по устойчивому партнерству с Россией, член Международной экспертной группы с 2010 г. Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Готтемюллер Роуз — заместитель Госсекретаря США. Ранее — директор Московского центра Карнеги, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон, США). В 1993–1994 гг. — директор по делам России, Украины и Евразии Совета национальной безопасности США. В 1994–1997 гг. — заместитель директора Международного института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). В 1997–2000 гг. — директор департамента по нераспространению ОМУ и национальной безопасности, затем заместитель министра энергетики США по вопросам ядерного нераспространения. Сфера научных интересов: вопросы нераспространения ядерного оружия и стратегическая стабильность. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 1994 г. Страница в Твиттере: <http://twitter.com/Gottemoeller>

Демидов Олег Викторович — научный сотрудник ПИР-Центра, директор программы ПИР-Центра «Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом». В 2010 г. окончил факультет государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова. С 2011 г. занимает должность координатора проектов Центра политических и международных исследований (ЦПМИ). Аспирант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ. Участник международных конференций по вопросам кибербезопасности, управления интернетом, урегулирования региональных конфликтов. С 2011 г. участник проекта Франкфуртского института исследования проблем мира и конфликтов «Посттрансатлантическая эпоха: Новый концерт великих держав в XXI в.». Выпускник Международной летней школы по проблемам международной безопасности ПИР-Центра (2012). Автор статей *Социальные сетевые сервисы в контексте международной и глобальной безопасности* и *Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы* в журнале *Индекс Безопасности*. Весна 2013. Т. 19, № 1 (104). Адрес электронной почты: demidov@pircenter.org

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — к.полит.н., профессор кафедры интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ. Обозреватель журнала *Индекс Безопасности* с 2007 г. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал сначала младшим научным сотрудником, а затем научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал сначала старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей* (КРОС), а также директором департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. До 2012 г. — директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: estd1212@yandex.ru

Ибрагимова Галия Ринатовна — консультант ПИР-Центра. В июле 2012 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Глобальное информационное пространство в условиях формирования нового мирового порядка» при Университете мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе *MBA* в Узбекско-японском центре развития человеческих ресурсов с присвоением международной степени *Project Management Professional (PMP)*. Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Иссахарофф Иеремия — заместитель директора по стратегическим вопросам Министерства иностранных дел Израиля. Занимается в МИД Израиля вопросами контроля над вооружениями, нераспространения, региональной безопасности, контртерроризма и контролем над израильским оборонным экспортом. В прошлом занимал различные посты в качестве старшего дипломатического представителя со специализацией в сфере дипломатических усилий в отношении иранской ядерной проблемы, американско-израильских отношений, региональной безопасности в различных ее аспектах. В 2003–2008 гг. работал в Экспертном совете при Генеральном секретаре ООН по вопросам разоружения.

Калинина Наталья Ивановна — главный научный сотрудник, руководитель группы по нетрадиционным угрозам ИМЭМО РАН, канд. мед. наук., профессор. В 1994–2007 гг. работала на ответственных должностях в высших органах государственной власти, в том числе помощником председателя Правительства РФ в 2003–2004 гг. и заместителем начальника инспекции Счетной палаты РФ в 2005–2007 гг. Среди публикаций: *Военно-техническое сотрудничество России с иностранными госу-*

дарствами: проблемы и перспективы (Ежегодник СИПРИ. М. ИМЭМО РАН, 2009), *Биооружие и биобезопасность: анализ под микроскопом (Мировая экономика и международные отношения. 2009, № 6), Итоги и перспективы реализации программы Глобального партнерства* (колл. Монография. М.: ИМЭМО РАН, 2009) и др. Член Совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: kalinina@imemo.ru

Кантримен Томас — помощник госсекретаря США по вопросам международной безопасности и нераспространения. Выпускник Университета Вашингтона в Сент-Луисе. Ранее занимал должности директора по Ближнему Востоку и Южной Азии в Совете национальной безопасности США, директора офиса Государственного департамента по Южной и Центральной Европе, директора офиса Государственного департамента по работе с ООН, внешнеполитического советника командующего Корпусом морской пехоты.

Ковчегин Дмитрий Алексеевич — независимый исследователь. До 2013 г. — консультант *Booz Allen Hamilton Inc.* в рамках российско-американской программы сотрудничества по усовершенствованию систем физической защиты, учета и контроля на российских ядерных объектах. Ранее работал научным сотрудником в ПИР-Центре и Центре Белфера по науке и международным отношениям Гарвардского университета. Выпускник образовательной программы в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и нераспространения, осуществлявшейся в Московском инженерно-физическом институте при поддержке Министерства энергетики США и участии ПИР-Центра. Член рабочей группы по вопросам международного сотрудничества в области нераспространения ОМУ и физической ядерной безопасности при Экспертно-консультативном совете ПИР-Центра. Адрес электронной почты: kovchegin@yahoo.com

Лааява Яакко — спецкоординатор Конференции 2013 г. по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и всех других видов оружия массового уничтожения (ЗСОМУ на Ближнем Востоке). Заместитель государственного секретаря Министерства иностранных дел Финляндии, Хельсинки. Бывший посол Финляндии в США (Вашингтон, округ Колумбия) и в Великобритании (Лондон), а также генеральный директор по политическим вопросам. Помимо этого являлся дипломатическим сотрудником в Париже, Женеве, Варшаве, Белграде и Мадриде. Имеет степень бакалавра Стокгольмского университета и магистра в Университете Хельсинки. В 1985–1986 гг. — научный сотрудник Центра международных отношений Гарвардского университета.

Маргелов Михаил Витальевич — председатель комитета Совета Федерации ФС РФ по международным делам, специальный представитель Президента РФ по сотрудничеству со странами Африки, канд. полит. наук. В 1986 г. окончил историко-филологический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ имени М. В. Ломоносова. В 1986–1989 гг. преподавал арабский язык в Высшей школе КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского. В 1989–1990 гг. работал в арабской редакции ТАСС. После распада СССР работал в сфере консалтинга и рекламы. В 1996 г. — участник избирательного штаба Б. Н. Ельцина. В 1997 г. — начальник управления по связям с общественностью администрации Президента РФ. В 1998–2001 гг. — руководитель группы политических обозревателей *РИА Вести*. В Совете Федерации с 2000 г. представляет Псковскую область. С 2001 г. — председатель комитета Совета Федерации по международным делам. В 2005 г. — защитил диссертацию. В 2008–2011 гг. — специальный представитель Президента РФ по Судану. С марта 2011 г. — специальный представитель Президента РФ по сотрудничеству со странами Африки. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2002 г.

Миронова Ирина Юрьевна — аспирант Института энергетических исследований РАН. Выпускница факультета международных отношений Уральского государственного университета по направлению «Востоковедение» (2008), выпускница университета Гронингена (Нидерланды) по программе «Новейшая история и международные отношения» (2010), В 2005–2006 гг. участвовала в программе студенческого обмена в Университете Сонгюнван (Сеул, Республика Корея).

В 2009–2010 гг. прошла стажировку в Нидерландском институте международных отношений Clingendael. В мае-августе 2010 г. прошла стажировку в Секретариате Энергетической хартии (Брюссель, Бельгия). Выпускница Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2010 г. В 2010–2012 гг. — помощник главного редактора, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*. Автор публикаций в журналах *International Gas*, *Eurasian Energy Observer* и др. Сфера научных интересов: Северо-Восточная и Центральная Азия, региональные аспекты энергетической безопасности. Адрес электронной почты: irina.mironova.usu@gmail.com

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Является основателем (1994 г.) и бессменным президентом ПИР-Центра. С 2006 г. возглавляет Европейское отделение ПИР-Центра в Женеве — Centre russe d'études politiques. Является членом Совета ПИР-Центра. Член Российского Пагуошского комитета при президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения. Член Редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Основатель (1993 г.), член Международного клуба *Триалог*. Ассоциированный научный сотрудник Женевского центра политики безопасности (GCSP). Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО. Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Кандидат политических наук. Под его общей редакцией был издан учебник *Ядерное нераспространение* (второе издание — 2003 г.). Адрес электронной почты: orlov@pircenter.org

Откувертюр Бенжамин — научный сотрудник по вопросам нераспространения и разоружения в Фонде стратегических исследований (*Fondation pour la Recherche Stratégique*) и Центра по контролю вооружений и международной безопасности (CESIM) в Париже. Редактор ежемесячного издания *The Nonproliferation Monthly*. Сфера научных интересов: контроль над вооружениями, ядерная безопасность, режимы нераспространения, стратегия ЕС против распространения ОМУ.

Поттер Уильям — профессор, директор Центра изучения проблем нераспространения имени Джеймса Мартина Монтерейского института международных исследований. Возглавлял ряд комиссий в Академии наук США. На протяжении ряда лет работал в консультативном совете по вопросам нераспространения при Генеральном секретаре ООН. Член Совета по международным отношениям США. С 1995 г. — советник киргизской делегации на Подготовительных комитетах и Обзорных конференциях ДНЯО. Член Совета ПИР-Центра.

Пушков Алексей Константинович — председатель Комитета по международным делам Государственной Думы ФС РФ, канд. ист. наук. В 1976 г. окончил МГИМО по специальности *Международные отношения*. В 1988–1991 гг. — спичрайтер М. С. Горбачева. В 1991 г. — заместитель главного редактора газеты *Московские Новости*. В 1993–2000 гг. — член редколлегии журнала *Foreign Policy*. В 1995–1998 гг. — заместитель генерального директора ОРТ. С 1998 г. — автор и ведущий программы *Постскриптум* (телеканал ТВЦ). С 2002 г. — член редколлегии журнала *National Interest*. С 2005 г. — член Международного института стратегических исследований. С 2011 г. — депутат Государственной Думы ФС РФ, избран председателем Комитета по международным делам.

Рябков Сергей Алексеевич — заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и полномочный посол. В 1995–1999 гг. — начальник отдела ОБСЕ Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. В 1999–2001 гг. — старший советник посольства России в США. В 2002–2005 гг. — советник-посланник посольства России в США. В 2005–2008 гг. — директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. С августа 2008 г. — заместитель министра иностранных дел РФ. Член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Сатановский Евгений Янович — президент Института Ближнего Востока, канд. экон. наук. В 1980 г. окончил Московский институт стали и сплавов. В 1989 г. создал и воз-

главил компанию *Ариэль*. С 1993 г. — основатель и президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока (ныне Институт Ближнего Востока). В 1999 г. в Институте востоковедения РАН защитил кандидатскую диссертацию. Автор многочисленных научных и экспертных публикаций по военно-политической и экономической проблематике ближневосточного региона. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра с 2004 г.

Солтание Асгар — постоянный представитель Ирана при ООН и других международных организациях в Вене (до августа 2013 г.). Дипломат, ведущий специалист в области ядерной физики, главный переговорщик на многочисленных международных форумах по разоружению и международной безопасности. Неоднократно был вице-президентом Генеральных конференций МАГАТЭ. В 1999–2002 гг. — посол, заместитель постоянного представителя Ирана при ООН на конференции по разоружению и других международных организациях в Женеве. В 2002–2006 гг. — заместитель генерального директора по международным политическим вопросам, МИД Ирана. В 2003–2006 гг. — глава Национальной сопровождающей группы инспекций МАГАТЭ. Член и глава делегации Ирана при Совете управляющих МАГАТЭ и Генеральной конференции.

Спасский Николай Николаевич — заместитель генерального директора *ГК Росатом*, Чрезвычайный и полномочный посол, д-р полит. наук. В 1983 г. окончил МГИМО и поступил на дипломатическую службу. Работал на различных должностях в центральном аппарате МИД СССР и МИД РФ. В 1992–1994 г. — заместитель, первый заместитель директора, с февраля 1994 г. — директор Департамента Северной Америки МИД РФ. С декабря 1995 г. — член Коллегии МИД РФ. В 1998–2004 гг. — посол России в Италии и Сан-Марино (по совместительству). В 2004–2006 гг. — заместитель секретаря Совета безопасности РФ. Член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Токаев Касым-Жомарт — заместитель Генерального секретаря ООН, генеральный директор отделения ООН в Женеве, Чрезвычайный и полномочный посол, д-р полит. наук. Окончил МГИМО, Пекинский лингвистический институт и Дипломатическую академию МИД РФ. В 1994–1999 гг. и в 2003–2007 гг. — министр иностранных дел Республики Казахстан. В 1999–2003 гг. — председатель правительства РК. В 2007–2011 гг. — депутат, председатель Сената Парламента РК.

Ульянов Михаил Иванович — директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения (ДВБР) МИД РФ, Чрезвычайный и полномочный посол. Окончил Историко-архивный институт в Москве. С 1980 г. — на дипломатической службе. В 2004–2009 гг. — заместитель директора ДВБР. В 2004–2006 гг. — глава Двусторонней комиссии по выполнению Договора между Россией и США о сокращении наступательных потенциалов. В 2006–2011 гг. — глава российской делегации на переговорах по военной безопасности и контролю вооружений в Вене. С марта 2011 г. возглавил ДВБР МИД РФ.

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Обозреватель журнала *Индекс Безопасности* с 2007 г. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведующий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Адрес электронной почты: fedorov.yury@yahoo.com

Феруцэ Корнел — руководитель Бюро Генерального директора МАГАТЭ по вопросам координации. До сентября 2013 г. — генеральный директор по политическим вопросам Министерства иностранных дел Румынии. Окончил бакалавриат по политическим наукам в Университете Бухареста в 1997 г., получил магистерскую степень

по международным отношениям в том же университете в 1998 г. В 1994–1997 гг. был журналистом-международником и редактором в ряде румынских изданий. С 2000 г. на дипломатической службе в МИД Румынии. В 2004 г. возглавлял департамент Западных Балкан и регионального сотрудничества. В 2005–2007 гг. руководил канцелярией министра иностранных дел Румынии. В 2007–2012 гг. — постоянный представитель Румынии при международных организациях в Вене. В 2008–2010 гг. — вице-председатель Совета управляющих МАГАТЭ. В 2011 г. был назначен президентом 55-й Генеральной конференции МАГАТЭ. С марта по май 2012 г. — руководитель аппарата премьер-министра Румынии. С 2012 г. — генеральный директор по политическим вопросам МИД Румынии. В апреле 2013 г. был председателем 2-й сессии Подготовительного комитета Обзорной конференции ДНЯО.

Халил Айман — директор Арабского института по изучению вопросов безопасности. Физик по образованию, имеет степень доктора наук по теоретической физике Университете Ридинга (Великобритания). На протяжении пяти лет являлся главой группы Инициатива по экологической безопасности ООН. В 1999 г. — глава миссии доброй воли ООН в Турции и на Кипре. Автор ряда книг, трудов и статей, включая *Белую книгу по вопросам иорданской внешней политики*.

Шакер Мохаммед — председатель Египетского совета по международным отношениям. В 1986–1988 гг. посол Египта в Австрии и член совета управляющих МАГАТЭ в Вене. 1988–1997 гг. — посол Египта в Соединенном Королевстве и глава дипломатического корпуса, аккредитованного в Сент-Джеймс. В 1993–1998 гг. — член Консультативного совета Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения, с 1995 г. — председатель консультативного совета. В 2001–2002 гг. член экспертной группы ООН по вопросам разоружения и нераспространения. Имеет ученую степень в области права Каирского университета, степень доктора наук в области политологии Института международных исследований Университета Женевы.

Шакиров Олег Игоревич — аспирант Дипломатической академии МИД РФ, магистрант Университета им. Дж. Хопкинса (США). В 2010 г. окончил международный факультет Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). Специалист в области международных отношений, переводчик в сфере профессиональной коммуникации. Победитель конкурса РСМД *Глобальные перспективы 2011* в номинации *Лучший перевод на русский язык статьи по международной проблематике, опубликованной в иностранном научном журнале*. Исследовательские интересы: евроатлантическая безопасность, российско-американские отношения в области безопасности. Стажер ПИР-Центра в сентябре-декабре 2012 г. В августе 2013 г. зачислен в магистратуру Университета им. Дж. Хопкинса по программе Фулбрайта. Адрес электронной почты: shakirov.oleg@gmail.com

Шумилин Александр Иванович — руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН, д-р полит. наук. Родился в 1953 г. в Москве, окончил факультет международных отношений МГИМО. Работал в Гостелерадио СССР, был международным обозревателем, возглавлял зарубежные бюро *Комсомольской правды* и других российских изданий в Каире и Алжире. Директор Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН. Автор многочисленных работ по проблемам взаимоотношений в треугольнике США–Россия–Ближний Восток. Адрес электронной почты: mideast@bk.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 20 сентября 2013 г.)

Айнхорн Роберт, старший научный сотрудник, Институт Брукингса, Вашингтон, США (с 2007 г.)

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия (с 2010 г.)

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный посол, д.п.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия (с 2000 г.)

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия (с 2007 г.)

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия (с 1999 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия (с 2002 г.)

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., Постоянный представитель, Представительство России при международных организациях в Вене, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Воронцов Александр Валентинович, заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2013 г.)

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия (с 2011 г.)

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2003 г.)

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Дханапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка (с 2004 г.)

Елеукинов Дастан Шериазданович, д. ф.-м.н., временный поверенный в делах, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария (с 2005 г.)

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия (с 2005 г.)

Кибароглу Мустафа, декан, факультет международных отношений, Университет Окан, Стамбул, Турция (с 2013 г.)

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 1994 г.)

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2003 г.)

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия (с 2003 г.)

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия (с 2002 г.)

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия (с 2002 г.)

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия (с 2000 г.)

Лукьянов Федор Александрович, председатель президиума, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Москва, Россия (с 2010 г.)

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2004 г.)

Льюис Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия (с 2010 г.)

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия (с 1994 г.)

- Мурогов** Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия (с 2009 г.)
- Мурсанков** Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО *Объединенная авиастроительная корпорация*, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Мюллер** Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия (с 1997 г.)
- Мясников** Евгений Владимирович, к. ф.-м. н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2011 г.)
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»**, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Никитин** Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Новиков** Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)
- Пархалина** Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Пономарев-Степной** Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Радчук** Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)
- Рауф** Тарик, руководитель, Global Nuclear Solutions, Inc., Вена, Австрия (с 2013 г.)
- Решетников** Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия (с 2010 г.)
- РНЦ Курчатовский институт**, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Рогачев Илья Игоревич**, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)
- Рыбаченков** Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Москва, Россия (с 2000 г.)
- Савельев** Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)
- Сатановский** Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2004 г.)
- Семин** Валерий Витальевич, д.т.н., проф., помощник заместителя председателя правительства РФ, Москва, Россия (с 2000 г.)
- Сиринционе** Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2004 г.)
- Сумский** Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)
- Тимербаев** Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия (с 2010 г.)
- Толорая** Георгий Давидович, исполнительный директор, Российский национальный исследовательский комитет БРИКС, Москва, Россия (с 2013 г.)

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия (с 2002 г.)

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2010 г.)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный суд РФ, Москва, Россия (с 2001 г.)

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м.н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2001 г.)

Федоров Валерий Валериевич, к.п.н. генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия (с 2011 г.)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, заместитель директора, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия (с 2009 г.)

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР (с 2007 г.)

Эггерт Константин фон, главный редактор, радиостанция *Коммерсантъ FM*, Москва, Россия (с 2002 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОМУ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНОМ СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 20 сентября 2013 г.)

Абен Даурен, старший научный сотрудник, Казахстанский институт стратегических исследований при президенте Республики Казахстан, Алма-Ата, Казахстан (с 2012 г.)

Берлс Роберт, старший советник, Программа по безопасности ядерных материалов, Фонд NTI, Вашингтон, США (с 2012 г.)

Бужинский Евгений Петрович, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2012 г.)

Ковчегин Дмитрий Алексеевич, независимый исследователь, Москва, Россия (с 2012 г.)

Кучинов Владимир Петрович, советник генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Убеев Алексей Вадимович, главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия (с 2012 г.)

Чебан Александр Яковлевич, научный сотрудник, ПИР-Центр, Москва, Россия (ответственный секретарь Рабочей группы) (с 2012 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОМУ
УПРАВЛЕНИЮ ИНТЕРНЕТОМ ПРИ ЭКСПЕРТНО-
КОНСУЛЬТАТИВНОМ СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 20 сентября 2013 г.)

Волчинская Елена Константиновна, программный директор, Некоммерческое партнерство — Национальный форум информационной безопасности *ИнфоФорум*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зинина Ульяна Викторовна, руководитель направления по работе с государственными органами, *Microsoft Russia*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зиновьева Елена Сергеевна, научный сотрудник, кафедра мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Каберник Виталий Владимирович, начальник отдела, Управление инновационного развития, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Легова Ирина Юрьевна, руководитель отдела стратегических разработок, Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), Москва, Россия (с 2012 г.)

Сачков Илья Константинович, CEO, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тодоров Леонид Львович, заместитель директора по работе с государственными органами, Координационный центр национального домена сети Интернет, Москва, Россия (с 2012 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф. -м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия (с 2012 г.)

Черненко Елена Владимировна, обозреватель отдела внешней политики, Издательский дом *Коммерсантъ* Москва, Россия (с 2012 г.)

Якушев Михаил Владимирович, директор, служба информационной безопасности, *PayPal*, Москва, Россия (руководитель Рабочей группы) (с 2012 г.)

СУПР (СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ)
(по состоянию на 20 сентября 2013 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный посол, д.п.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2009 г.)

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд Макартуров, Москва, Россия (с 2009 г.)

Мясников Евгений Владимирович, к. ф.-м.н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2013 г.)

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2009 г.)

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукинса, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Спасский Николай Николаевич, д.п.н., Чрезвычайный и Полномочный посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия (с 2009 г.)

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США (с 2009 г.)

Хоффман Дэвид, публицист, Вашингтон, США (с 2009 г.)

Черненко Елена Владимировна, обозреватель, отдел внешней политики, издательский дом *Коммерсантъ*, Москва, Россия (с 2013 г.)

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Манама, Бахрейн (с 2009 г.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 20 июня 2013 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Рио-де-Жанейро, Бразилия (с 2012 г.)

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южно-Африканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2012 г.)

Санай Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Эггерт Константин фон, главный редактор, радиостанция *Коммерсантъ FM*, Москва, Россия (с 2006 г.)